

В.Г. Бабенко

300 сказки

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Москва 2017

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б124

Рисунки КАТИ ШУМКОВОЙ

Бабенко, Владимир Григорьевич.

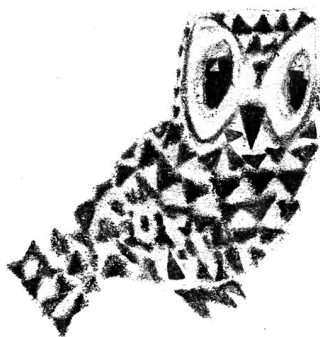
Б124 Зоосказки. — М.: Прометей, 2017. — 220 с.

978-5-906879-57-8

© В. Г. Бабенко, 2017
© Иллюстрации Е. И. Шумкова, 2017
© Издательство «Прометей», 2017

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ЗОРЬКА

Засветилась над летним лесом утренняя звезда Венера, проснулась Зорька. Вернее не Зорька, а Зорьки. Потому что Зорька не одна, их много.

Лишь только посветлел после короткой летней ночи восток, как из леса раздался голос совы. Она была не больше скворца, поэтому звали ее не сова, а Совка; а так как по вечерам она кричала на весь лес «Сплю-сплююю...», звали ее Совкой-Сплюшкой. Но у нее было и другое имя, которой Сплюшка очень гордилось. Это имя было Зорька, потому, что Сплюшка просыпалась на рассвете.

— Я уже не сплю! Не сплююю! — кричала в безмолвной утренней дубраве Сплюшка. Я самая первая проснулась! Я зарю встретила! Поэтому я — Зорька! Я уже не сплююю!

Рассвело, и с вершины высокого дерева раздалась звонкая, не умолкающая песня другой птички. Она пела и пела до тех пор, пока первые солнечные лучи не окрасил в красноватые тона и небо, и вершины деревьев, и ее саму. И только тогда можно было разглядеть, что вся птичка бурая, а вот грудка у нее красновато-рыжая.

— Зорька — это я, это я Зорька! — пела на все лады птичка — Не Сплюшка, а я! И зовут меня все Зарянкой, потому что я пою на заре, и еще потому, что грудка у меня такого же цвета как заря!

Замолчала обиженная Сплюшка-Зорька, застеснялась своего невзрачного оперения, и, неслышно пролетев на своих мягких крыльях, скрылась в дупле.

А Зарянка все пела и пела до тех пор, пока солнечный диск не оторвался от горизонта и лес не наполнился многоголосьем других проснувшихся пичуг.

Проснулись не только птицы, но и прочие лесные обитатели. Над цветущими опушками, полянами загудели шмели и пчелы, заскользили стрекозы, запорхали бабочки.

Одна из бабочек села на цветок фиалки и прошептала:

— Настоящая Зорька — это я! С этим согласится любой, посмотрев на мои крылышки. Они белые, с оранжевым — как утренние облака, на которых упали первые солнечные лучи. А Зарянка — это просто рыжая выскочка! Таких рыжих зорь не бывает вовсе!

— Правильно, правильно, — откликнулась Фиалка. — Настоящая Зорька — это ты!

И обрадованная Зорька улетела.

А солнце поднималось все выше и выше. Закуковала кукушка. Под ее кукование трава Дрёма расправила свои тяжелые от утренней росы розовые цветки.

— Просыпайся, сестричка, просыпайся, — проговорила растущая рядом с Дрёмой другая трава с ярко-алыми цветками. — Слышала новость? Все вокруг вдруг Зорьками стали зваться. А про нас никто и не вспомнил. Но ведь настоящие Зорьки — это мы!

— Это оттого, сестрица, — отвечала Дрёма, — что они нам, гвоздикам, завидуют. Мне завидуют не только потому, что у меня такие красивые лепестки,

но еще и оттого, что у меня столько имен: ведь я и Дрёма, и Горицвет кукушкин цвет, и Зорька!

— Всё так — сказала другая гвоздика, качнув своими алыми цветками, а сама подумала:

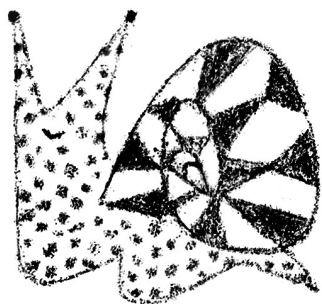
— А все-таки настоящая Зорька в лесу — это я. Пусть у Дрёмы, столько имен и цветки розовые, но именно меня ученые называли Зорькой обыкновенной! А уж они-то знают, каков настоящий цвет утренней зари!

* * *

Прошел день. Солнце коснулось горизонта. Сложив свои бело-оранжевые крылышки опустилась на алый венчик гвоздики-Зорьки бабочка-Зорька, в вечерних сумерках в потемневшем лесу запела птица-Зарянка, а когда она смолкла, в последних лучах вечерней зари закричала Сплюшка-Зорька.

Она повторяла своё «Сплю-сплююю» до самого рассвета, когда с поля потянул легкий утренний ветерок.

— Как странно, — думал он, все спорят и спорят, кто из них настоящая зорька, как будто не знают, что Зорька — это я!

ЛУЖИЦА

Пришла весна. С полей уже сошел снег, а в лесу еще лежат сугробы. На опушках затрещали стаи дроздов. Запылил орешник, в чаще расцвело розовыми цветками ядовитое, но такое красивое волчье лыко, на пригорке зажглись цветки мать-и-мачехи. Тает снег, бегут ручьи и ручейки. В тех местах, где воде бежать некуда рождаются Лужицы.

Вот одна такая Лужица и родилась однажды весной в старой колее лесной дороги.

Пригревает. Тают сугробы, стекает с них вода, растет Лужица. Растет пока в одиночестве. Но недолго ее одиночество продолжалось.

Почувяв весну, из-под пней, из-под коряг выбрались на свет лягушки. Да не простые лягушки, а голубые. И поскорей — через сучья, через кочки, через прошлогоднюю пожухшую траву, через оставшиеся, лежащие в низинках языки просевшего снега поспешили к Лужице.

Хоть и студена вода в Лужице, а лягушкам она в самый раз — привыкли они в холодной весенней воде икру метать.

Сидят себе в Лужице, никому не мешают, тихонько курлычут, икру мечут. Вдруг откуда не возьмись — свист крыльев — и с плеском плюхается в Лужицу утка-чирок. Летел чирок над лесом, летел, увидел Лужицу и решил отдохнуть. Для нас с вами чирок — утка маленькая, а для лягушек — это преогромная птица. Испугались лягушки, икру в воде оставили, а сами в лес поскакали.

Поплавал Чирок в Лужице, икру лягушачью попробовал — не понравилась, отдохнул и полетел дальше.

Но что это? Плавает на поверхности крохотный изумрудный кружок — ряска. Принес ее на своем перье Чирок. Отдыхал он до этого на далеком озере, вот там ряска та к нему и прилепилась. А на лапках Чирка прилетели на Лужицу два рачка — да такие крохотные, что их в пору в микроскоп разглядывать. Одного рачка зовут Дафния, а имя другого — Циклоп. Обрадовались рачки Лужице, задергали ножками и ну по всей Лужице носится. И им весело и Лужице не скучно.

Так и живут. Наверху ряска плавает, в воде Циклоп и Дафния скачут (недаром их водяными блохами зовут), а у берега в каждой лягушачьей икринке растет-развивается головастик. Хорошо всем, просторно в Лужице.

Слух о новой Лужице разнесся по лесу, и заспешили к ней отовсюду другие квартиранты.

Первыми о Лужице узнали от своих лягушек их родственники — тритоны. Приползли тритоны к Лужице, увидели, что она действительно просторна. Понравилась тритонам Лужица, забрались они в воду и стали жить-поживать, да детишек-тритончиков воспитывать.

А к Лужице спешат-летят новые квартиранты. Сначала, громко жужжа, прилетел жук-плавунец и со

всего размаху плюхнулся в Лужицу, сложил крылья и тут же под воду нырнул.

Вслед за ним прилетел водяной клоп, да такой ладный и гладкий, недаром его прозвали — Гладыш. Опустился Гладыш на воду, нырнул, перевернулся и принялся плавать у самой поверхности в надежде, не упадет ли сверху какая-нибудь пожива — мушка или гусеница.

И действительно упали, но не мушки и не гусеницы, а сразу два новых квартиранта.

Одного зовут Водомерка, другого — Вертячка, один клоп, другой жук. Сели они на воду. Увидал их Гладыш, погнался за ними. Да куда там!

Водомерка как кенгуру скачет, а вертячка такие зигзаги выписывает, не поймаешь! Попробовал, было, Гладыш их достать, утомился, замер у поверхности, и стал настоящих мушек да муравьев ждать, когда они с травинки да с ветки свалятся ему на завтрак, обед или ужин. Да вот беда — оказывается что новоселы — Водомерка да Вертячка тоже их поджидают — так что расторопней надо быть, а то так и оголодать недолго.

Наступило лето. Живет Лужица своей жизнью, а квартиранты — своей: головастики водоросли едят, дафнии и циклопы в воде прыгают. А за порядком старшие следят: головастиков Жук-Плавунец гоняет, тритончики — водяных блох. Водомерка да вертячка по поверхности скользят-танцуют — ждут, когда манна небесная в виде мухи или комара с неба свалится.

На берегу Лужицы — свои гости.

Раз в неделю навещался маленький Ужик — воды попить, да посмотреть, не превратились ли головастики в маленьких аппетитных лягушат.

Неугомонный трескущий Дрозд-Рябинник на берегу Лужицы деловито мягкую землю собирает. Все

ведь знают, что дрозды не только из веточек, стебельков и корешков гнездо строят, но обязательно землю добавляют — для крепости. Построил дрозд гнездо, стал прилетать к Лужице реже, но все равно навещал — искупаться.

И Кулик-Черныш навевывался. Хотя считается он лесным жителем, и даже птенцов выводит на деревьях, но свои куличьи привычки не забывает. Не нашел Черныш в лесу болота, вот и прилетает он на берег Лужицы — и просто так погулять да какую-нибудь живность на берегу промыслить себе на обед.

Наведываются к Лужице и звери — то Еж ночью забредет и наследит на влажном берегу, то Мышь-Полевка пробежит, а по ее следу — юркая Ласка. Или Зайчик серенький прискачет, воды попить, а за ним и Лиса крадется.

Прошло сытое беззаботное лето. Ненастная осень на порог подступает, а за ней и голодная суровая зима грядет.

И начали квартиранты Лужицы разбредаться кто куда.

Уже в августе выбрались из воды и запрыгали по лесу лягушата — бывшие головастики. Разлетелись в разные стороны жуки и клопы. Прилетела Утка-Чирок и унесла на своих перьях ряску, циклопов и дафний на лесное озеро.

Осталась Лужица совсем одна.

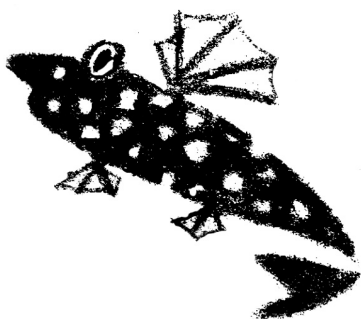
— Не нужна я никому, — с грустью думала она.

Но тут вышел из лесу огромный Кабан. Увидел одинокую Лужицу, обрадовался и боком в нее повалился. А все ведь знают, что свиньи ох как любят в луже поваляться!

Валялся кабан, млел, ворочался, глубокую яму вырыл, всю воду расплескал. Встал и пошел в лес — желуди собирать.

И не стало Лужицы.

Но не печальтесь! Придет весна, растает снег, наполнится кабанья яма водой и снова появится Лужица, станет больше прежней и вновь заселится квартирантами.

МЕЖДУ СУШЕЙ И МОРЕМ

Над морем взошла огромная луна. Она медленно двигалась в сторону суши, а за ней та же медленно поднималась одинокая волна, и море наступало на землю.

* * *

— Вода идет! Мы все погибнем, погибнем! — за-скакали на берегу песчаные блохи. На самом деле это были вовсе не блохи, а маленькие горбатые рачки, которые к тому же никогда не кусали ни кошек, ни собак, ни людей, а питались выброшенными на берег водорослями. Но эти рачки были такие маленькими и так ловко прыгали по песку, что люди (которых они, как вы помните, никогда не кусали) называли их все-таки блохами.

— Спасайся, спасайся! — шумели блохи. — Вода придет, и рыбы нас всех съедят, съедят! Все в песок, в песок, — и блохи начали судорожно зарываться по-глубже в песок.

— Вода, вода, идет большая вода, мы это чувствуем! — заволновались, забегали, засуетились, маленькие крабики на илистом берегу. — Беда, большая беда идет! Если мы под водой окажемся, то утонем, утонем! Вместе с водой приплывут из глубины моря большие рыбы и съедят нас! Беда, беда! Вода! Вода! Надо спастись!

И маленькие крабики перестали собирать мелких червячков в вязком иле, и каждый принялся рыть себе глубокую норку.

И вскоре на берегу уже не было ни одного крабика — все они попрятались в норки, заткнули входы илистыми пробками и затаились в изгибах своих пещерок.

— Крабики исчезли, — подумала рыбка Илистый Прыгун оглядывая отмель. — Все зарылись. Значит прилив идет. Надо и мне о себе позаботиться. Я же особенная рыба! Живу не в воде, а на суше, то есть, конечно, не на суше, а на влажном берегу. А скоро вместе с водой приплывут большие рыбы, которые могут меня съесть. Поэтому где-нибудь надо укрыться. Нору разве вырыть? Да вот беда, я рыть-то не умею. А куда никакая хищная рыба не доберется? Правильно, на дерево!

И решив так, Илистый Прыгун (ведь недаром он так зовется!) отталкиваясь хвостом и плавниками от земли, быстро-быстро поскакал к стволу ближайшего дерева и ловко вскарабкался на него.

— Ну вот, — с облегчением произнес Илистый Прыгун, — здесь можно и прилив переждать.

А тем временем прибывающая вода затопила берега.

— Что за неудобство, это прилив, — с досадой переговаривались между собой птицы: цапли, чайки, вороны и кулики. — Дважды в сутки мы долж-

ны улетать с удобных отмелей на крутые берега и ждать там, пока вода снова схлынет! Лучше бы вода никогда не приходила, нам было бы легче по сырому берегу ходить, улиток, ракушек да червяков из песка добывать.

— И то правда, — согласилась Лиса, — уж очень я рыбку люблю. Ее, родимую, только во время отлива в мелких лужах и можно поймать. А вода придет, и ее не добудешь!

* * *

— Вода идет! Большая вода! Какое счастье! Мы спасены! — слышалось отовсюду с затопляемых берегов.

— Ох, наконец-то вода, — произнесла улитка Морское Блюдечко — можно и прогуляться, и пообедать.

Улитка приподняла свою плоскую раковину, высунуло мордочку и принялась, медленно-медленно двигаясь по камню, слизывать своим шершавым язычком зеленоватый налет водорослей.

— Наконец-то прилив, кузина, — поздоровалась с ней ползущая по тому же камню другая улитка — Питорина. — Славная вода, славная погода. А каковы водоросли?

— Сегодня, как никогда хороши, присоединяйтесь — ответило Морское Блюдечко и две улитки не торопясь двинулись по камню, слизывая водоросли, беседуя о том о сём, иногда останавливаясь у наиболее аппетитных кустиков.

А с другого камня, тоже покрытого водой, слышался веселый гам:

— Вода, вода — это жизнь! Вода — это вода! Вода это пища! — Раскрывайте створки! Пейте! Ешьте! Радуйтесь! Живите! — так шумели гроздьи мидий, на

которых накатывали волны, так шумели, вторя им, морские желуди, раскрывая дверцы своих крохотных домиков.

Мидии стали жадно глотать морскую воду, выбирая оттуда разную планктонную мелочь, а морские желуди, которые морскую воду глотать не умели, начали отчаянно дрыгать тоненькими ножками, ловя эту планктонную мелочь ими.

Вода поднялась выше, затопила морские растения. Те расправили свои веточки и выпустили наружу прячущихся там маленьких креветок, которые весело стали носиться у самого дна.

— Берегитесь, берегитесь креветки! Берегитесь малышки! — шептала из-под камня Морская звезда. — Прилив это не только вода, это еще и идущая с моря беда! Вон, смотрите, по песку ползет-крадется к вам камбала. Прилив и для нее радость — много маленьких глупеньких вкусных креветок!

— Спасибо, тебе тетушка Морская звезда, мы будем осторожны! — пропищали креветки и уплыли прочь.

* * *

— Вода уходит. До свидания! — сказала Морское Блюдечко Литорине — До следующей встречи! — и прочно приросло к камню.

— До свидания, кузина, — ответила Литорина, — очень приятная была прогулка. — И замерла рядом.

— Поели, теперь можно и поспать, — говорили друг другу Мидии и Морские Желуди, поочередно захлопывая створки своих раковин и дверцы своих домиков.

— Вода уходит! — верещали креветки, прячась в кустики водяного растения.

— Отлив идет, как бы меня лиса не съела на мелководье, — подумала голодная камбала и поплыла прочь от берега.

* * *

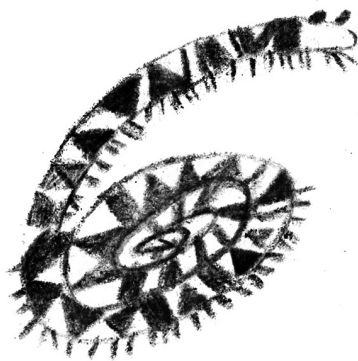
— Вода уходит, какое счастье — отлив, — говорили маленькие крабики, вылезая из своих норок.

— Наконец-то отлив, — согласился Илистый Прыгун, спускаясь с дерева.

— Вода ушла! Ура, отлив! — заскакали по берегу Песчаные Блохи.

* * *

— Какие они все странные! Сколько суеты! — Подумал Каменный Краб. — Прилив, отлив — какая разница! Я вот все время держусь у самой кромки воды: прибывает вода, — я на камень забираюсь, уходит — я за ней следую. Прилив, отлив — да я их просто не замечаю!

СКОЛЬКО НОГ ЛУЧШЕ

Жила была виноградная Улитка. На самом деле виноградом она не питалась, а ела его листья, а если виноградных листьев не было, то она довольствовалась любыми. И у этой Улитки, как впрочем, и у всех ее родственников была всего одна нога. Так вот, однажды, рано утром, на лесной дороге Улитка, была сбита стремительно несшимся куда-то жуком скакуном. Жук не остановился и поскакал дальше, а Улитка от испуга втянулась в раковину и замерла.

— Если у меня была хотя бы еще одна нога, я бы успела отскочить, — с грустью подумала Улитка.

— Не ушиблись? — прервал ее размышления чей-то голос.

Улитка осторожно выглянула из своего домика. Рядом стояло длинное членистое существо с огромным числом ног. Улитка выпростала из домика голову и уставилась на незнакомца.

— Позвольте представиться, — сказал незнакомец. — Кивсяк. Многоножка. Профессор. Тема моего научного исследования «У кого, откуда, куда, какие ноги растут и сколько их».

— Многоножка! — восхищенно воскликнула Улитка, не отрывая глаз от ног Кивсяка. — А я — Улитка, и у меня всего одна нога, — добавила она печально, и тут же спросила: — С таким числом ног вы, профессор, наверное, чемпион мира по бегу?

— Совсем нет, я двигаюсь очень неторопливо, — произнес Кивсяк, и в подтверждение своих слов медленно заскользил вокруг Улитки.

— Ой! — воскликнула Улитка. — У вас оказывается ног гораздо больше, чем кажется на первый взгляд! У меня даже в глазах двоится!

— Напрасно беспокоитесь, с глазами у вас все в порядке. Просто у меня на каждом членике тела с каждой стороны по две ножки. Поэтому нас, Кивсяков, ученые так и называют — Двупарноногими. Если не возражаете, мы можем продолжить обсуждать увлекательную тему ножек, не стоя на месте, а прогуливаясь, как это делали древние философы. А так как каждая прогулка должна иметь определенную цель, то я предлагаю направиться к ближайшему огороду. Здесь недалеко. Хозяйка этого огорода недавно высадила семена отменного салата сорта «Одесский кучерявец». У него только-только появились молодые листочки. Очень рекомендую. А по пути мы с вами как раз и обсудим все проблемы, связанные с конечностями. То есть с ногами. Согласны? Тогда в путь!

И они направились к огороду. Улитка с восхищением следила, как по многочисленным ножкам Кивсяка словно пробегали неторопливые волны и Кивсяк, не меняя положения тела, плавно скользил на них вперед. Его ход был столь неспешен, что Улитка без напряжения двигалась рядом с профессором.

— А у кого больше ног, у вас или у Сороконожки? — после недолгого молчания спросила Улитка.

— С научной точки зрения Сороконожек нет, — ответил Кивсяк.

— Как нет?

— Вот так. Нет и все. Есть животные, которых ученые называли Многоножками, а если говорить точнее — Десятитысячечками. Вот к ним-то и относятся так называемые сороконожки, а так же сколопендры и ваш покорный слуга.

— И что, у вас десять тысяч ног?! — восхищенно воскликнула улитка.

— Да нет, конечно. Это зоологи преувеличили, нам польстили. На самом деле у нас, у Кивсяков всего двести ног, а других многоножек ног еще меньше.

— А у меня всего одна нога, — огорченно сказала Улитка. — Поэтому я так медленно передвигаюсь.

— Разве вы от меня отстаете? От меня, у которого столько конечностей? — удивленно спросил Кивсяк.

— Нет, не отстаю, — повеселела Улитка, и тут же, прибодрившись, спросила, — а у кого еще сколько ног? Вот у меня — одна, у птиц — две, у ящериц, лягушек и мышей — четыре, шесть ног у жуков, клопов и бабочек, восемь — у пауков и сенокосцев. А еще?

Кивсяк откашлялся и заговорил хорошо поставленным голосом, будто приступил к чтению лекции:

— Вы очень наблюдательны. Я бы даже взял вас к себе в аспиранты. Диссертацию писать. Однако есть некоторые факты, которые вы в своих рассуждениях не упомянули. Вы правильно отметили пауков — они действительно восьминогие, но есть еще животные с восемью ногами, которые живут в морях и которые так и называются...

— Осьминоги! — догадалась Улитка.

— Совершенно верно, коллега, — похвалил ее Кивсяк. — Кстати, осьминоги — это моллюски, а зна-

чит — ваши родственники. А кроме того в тех же морях и океанах живут еще десятиногие. Это раки: омары, лангусты, креветки, крабы.

— А есть ли многоножки среди морских жителей?

— К таким «многоножкам», дорогая Улитка, условно можно отнести морских червей.

— Черви с ногами?

— Не с ногами, а с особыми выростами на теле. Так вот у морских червей, этих, как бы вам сказать, не совсем ног, бывает до нескольких сотен пар. Еще больше таких ног у морских звезд и морских ежей. Но самое главное, уважаемая Улитка, не в том, сколько ног у животного, а какие они и откуда они растут. Возьмем, например, вас.

— Меня?!

— Именно вас. Вы знаете, как еще улитки именуются?

— Не знаю...

— Ай, ай, ай! Свои имена знать надо. Ведь улиток зовут так же Брюхоногими!

— То есть у меня не только нога одна-единственная, да еще, к тому же она растет на брюхе?! — оторопела Улитка.

— О, ничего страшного, уверяю вас. А осьминоги, кальмары и каракатицы знаете, как называются?

— Как?

— Головоногими!

— Какой ужас! Ноги — на голове!

— А мои родственники — некоторые многоножки — те и вовсе губоногие! И кстати, к ним еще принадлежат ядовитые сколопендры. В отличие от нас, кивсяков-вегетарианцев, они — свирепые хищники.

— И что у них действительно ноги на губах?

— Ноги превратились в губы. И именно этими ногами-губами они и хватают своих жертв.

— Чудеса! То есть очень странно и страшно.

— Это еще не чудеса. В морях живут хищные раки, у которых не только губы, но весь рот — это сплошные ноги. Они так и называются — ротоногие.

— Они что, ртом ходят?

— Нет, они им едят. Все челюсти у них возникли из ног. А любимая их еда — креветки.

— Как интересно! — оживилась Улитка. — Креветки — это десятиногие. Значит так: ротоногие едят десятиногих. Вот здорово!

— Здорово? Мне почему-то кажется, что креветки с вами не согласятся. Я даже в этом уверен.

— А еще у кого, где и какие ноги растут?

— На усах. То есть ноги превратились в усы.

— И получились усоногие! — обрадовалась Улитка.

— Верно, — согласился Кивсяк, — есть такие усоногие раки.

— Тоже хищники? Они, наверное, быстро ползают и своими длиннющими усами ловят несчастных рыбок!

— Нет. Они не ползают, а всю жизнь сидят в своем известковом домике и дрыгают тонкими ножками, которые похожи на усики.

— Зачем дрыгают?

— Они ими ловят разную микроскопическую живность, которая мимо них проплывает. Ею и питаются.

— Значит, ноги могут располагаться на голове, усах, губах и даже во рту! А еще?

— Есть такие рачки, которые называются жаброногими.

— У них ноги растут на жабрах, — догадалась Улитка.

— Скорее жабры растут на ногах. Поэтому они ногами не только ходят, но еще и дышат.

- Дышат ногами! Вот потеха!
- А еще в морях и океанах обитают плеченогие.
- Наверное, ужасные чудовища! Ведь на плечах должны руки расти, а не ноги!
- Да нет, они совершенно безобидные существа, похожие, кстати, на ракушек: сидят на дне, и из воды пищу себе отцеживают.
- Если существуют животные, у которых ноги на плечах, значит, есть и с ногами на спине, — предположила Улитка.
- А вот таких как раз нет.
- Может быть, есть с ногами на животе? Ой, я, кажется, знаю, кто это, — произнесла Улитки грустно. — Это я. У меня одна-единственная нога. И к тому же она на животе. То есть на брюхе.
- Не расстраивайтесь! Все ваши брюхоногие родственники — самые многочисленные и самые распространенные среди всех моллюсков. А это значит, что нога на животе, хотя и единственная — очень практично и удобно, — успокоил ее Кивсяк.
- Все части тела вроде перечислили. Хотя нет, остался хвост. А ноги на хвосте бывают?
- Есть такие крохотные насекомые. Микроскопические. Они живут в почве и называются...
- Хвостоногими!
- Ну, допустим не хвостоногими, а ногохвостками. Вот у них-то ноги на хвосте.
- А зачем им ноги на хвосте?
- Они с их помощью прыгают. Подогнут под себя эти ножки, похожие, кстати, на вилочку, потом резко распрямят, оттолкнутся от земли и прыгнут!
- Ножки как вилочка! Очень интересно!
- Это еще что! Есть раки с ногами, которые по форме напоминают листья. Поэтому эти раки называются листоногими.

— Сколько раков с необычными ногами: и листоногие, и жаброногие, и усоногие, и ротоногие! Вон сколько набралось! — воскликнула Улитка.

— Да, удивительных животных среди них много. Вот еще к ним за компанию добавьте веслоногих раков.

— А среди моллюсков таких почти и нет. Вот только я — брюхоногая, да еще эти, головоногие.

— Сейчас подумаю, и может быть, вспомню кого-нибудь из моллюсков с необычными ногами. Ага, вот, вспомнил! Есть такие морские улитки, которые называются крылоногими.

— Они что, летают?

— Летают, но не в воздухе, а в воде.

— Как же им это удается?

— У них единственная нога превратилась в два крылышка, и крылоногие, взмахивая ими, все время летают в море.

— Оказывается сколько в мире животных с самыми разными ногами!

— Вы забыли еще животных, у которых ног нет совсем. Их на нашей планете много, и все они прекрасно себя чувствуют. Некоторых из них ученые так и называли — безногие.

— Кто же это?

— Это такие странные существа, родственницы лягушки тритонов. Они обитают в тропических странах. У них длинные тела и совсем нет ног.

— Как у дождевого червя?

— Совершенно верно. Поэтому они еще так и называются — червягами. Так что, не в количестве ног счастье. А вот и грядка с «Одесским кучерявцем», — сменил тему разговора Кивсяк. — Поторопимся, пока хозяйка спит. Кстати, у нее всего одна пара ног. Зато очень красивых!

ПОЧЕМУ СЛОН БЕСШУМНО ХОДИТ

Много-много лет тому назад вся Африка каждое утро дрожала, потому что каждым утром просыпался огромный Слон и начинал гулять по этому жаркому континенту.

От слоновьего топота земля колыхалась, словно от землетрясения, в горах происходили обвалы, а в некоторых местах даже просыпались вулканы!

Просыпались не только вулканы, но и все живущие в Африке звери и птицы. Звери, которые рыли норы, укрепляли осыпающиеся потолки своих подземелий, а птицам приходилось вить такие прочные гнезда, которые не падали с раскачивающихся деревьев.

Все очень сердились на Слона, но больше всех на него сердился хозяин посудной лавки.

Как-то раз у Слона разбилась его любимая большая чашка, из которой он по утрам пил чай.

И Слон отправился в посудную лавку. Но лишь только он приблизился к ней, как все фарфоровые и фаянсовые чашки, чайники, блюдца и тарелки, все плошки и миски, все кувшины и вазы от ужасного

землетрясения, вызванного слоновым топотом, все-все они упали с полок и разбились!

Хозяин посудной лавки был очень сердит и запретил Слону подходить к ней ближе, чем на 100 километров. И самую большую чашку он Слону тоже не дал. Потому, что в посудной лавке самой большой чашки уже не было — она тоже разбилась вместе с остальной посудой.

И печальный Слон пошел прочь от посудной лавки, с грустью размышляя, что придется ему теперь пить по утрам не горячий чай, а холодную воду, и не из чашки, а хоботом из озера.

Грустный Слон гулял по Африке. И был он один-одинешенек, потому что все-все — птицы, звери, бабочки, жуки, ящерицы, черепахи, змеи и лягушки еще издали услышав его громовые шаги, разбежались и прятались кто куда.

Даже рыбы, и те уплывали в глубину, потому что на озере или на реке от слоновьего топота начинался настоящий шторм!

И даже ничего не боящиеся страшные зубастые крокодилы тоже на всякий случай ныряли в мутные воды Нила.

И Слону было очень грустно, потому что он был совсем-совсем один. Он из-за своего ужасного топота не ведал самого интересного, происходящего в жаркой Африке.

Он не видел, как рано-рано утром в серых-серых сумерках крадется стая бабуинов на поле воровать початки сладкой кукурузы, как пляшут под теплым тропическим дождем шимпанзе, как в мутном-мутном Ниле электрический сом заряжает свои батареи, как раскрывает свою огромную пасть зевающий бегемот; он не слышал, как под водой поют шпорцевые лягушки, и как обучает азбуке своих птенцов краснохвостый попугай Жако.

Ничего этого и еще много чего еще не видел и не слышал большой неуклюжий африканский Слон.

Он очень переживал и изо всех сил старался ходить потише, ступая на цыпочках, но у него ничего не получалось, — земля по-прежнему ходила ходуном.

Тогда печальный слон пошел к Птице-Секретарю, чтобы они записала его на прием к фельдшеру Мартышке, которая, как известно, обучалась лекарскому мастерству у самого Айболита, когда тот в свое время путешествовал по Африке. Но Мартышка у Айболита научилась только ставить градусники, и давать касторку. Выслушав Слона она посоветовала ему не ходить по земле, а все время плавать в озере или реке — на манер бегемота, тогда и землетрясения от его шагов не случится, потому, что он к земле прикасаться не будет и трясти ее больше не сможет.

Слон очень любил купаться, но все время плавать в воде ему хотелось, а поэтому он продолжал в одиночестве грустно бродить по жаркой Африке, сотрясая своим топотом весь материк.

Так он гулял-гулял, пока не набрел случайно на свинью-Бородавочника. Эта свинья занималась тем, что мастерила очень хорошие подушки, тюфяки, матрасы и теплые одеяла (напрасно вы думаете, что одеяла в Африке не нужны — там по ночам бывает очень прохладно!).

Бородавочник был единственным обитателем Африки, кто не услышал приближения Слона, потому что он спал на горе мягких матрасов и тюфяков, которые только плавно колыхались от слоновьих шагов и лишь убаюкивали хозяина мастерской.

Слон очень удивился, что Бородавочник крепко спит и совсем не слышит его шагов.

Слон разбудил Бородавочника и рассказал ему о своем горе.

Бородавочник протер свои маленькие свиньи глазки, слез с горы тюфяков и матрасов, снял мерку с каждой слоновьей ноги и сказал Слону, чтобы он пришел через неделю.

Слон, громыхая на всю Африку, удалился.

А Бородавочник принялся за работу.

Когда Слон ровно через неделю пришел к мастерской Бородавочника, то застал его не спящим на тюфяках, а ждущем Слона на пороге.

За эту неделю Бородавочник сшил на каждую слоновью ногу по очень прочной и очень мягкой подушке. У каждой подушки были ремешки, которыми Бородавочник и прикрепил эти подушки к слоновьим ногам.

— Попробуй-ка, пройдишь в них, — сказал Бородавочник Слону.

Слон медленно обошел вокруг мастерской Бородавочника.

И, о чудо!

Ни один камень не скатился вниз с ближайшей горы, ни одно дерево не закачалось, и даже ни один лепесток не упал с цветка!

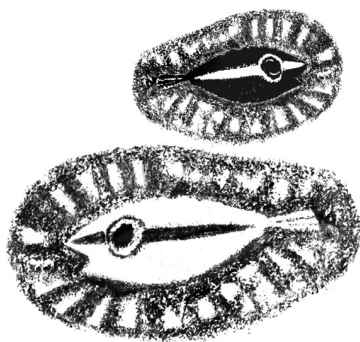
Слон поблагодарил Бородавочника и пошел гулять по жаркой Африке. И хотя он был такой же огромный, но, благодаря чудесным подушкам, он совершенно бесшумно шел и по густому лесу, и по саванне и по горным каменистым тропам, и по песчаной пустыни.

Теперь, благодаря своему бесшумному ходу, он смог услышать, как тихонько попискивают вылупляющиеся из яиц крокодильчики, как раннем утром бормочет, досматривая сон, мартышка, как лопается почка, выпуская на свет цветок мимозы. Он смог увидеть как хамелеон, забавы ради, думая, что на него никто не смотрит мгновенно меняет цвет своего тела

с зеленого до оранжевого, как безветренным утром паук заканчивает плести свою паутину, как огромная пятнистая кошка беззвучно крадется к стаду антилоп, как ярко-пестрая габонская гадюка меняет свою кожу, и как фиолетовый жираф окапи заморожено смотрит на восход Солнца.

Однажды ранним утром Слон, удостоверившись, что его шаги легки и бесшумны как падающие пушинки, потихоньку приоткрыв дверь, вошел в посудную лавку. При этом ни одна даже самая тонкая чашка из китайского фарфора не шелохнулась!

А удивленный хозяин посудной лавки так этому обрадовался, что подарил Слону самую большую, самую красивую фаянсовую чашку для чая.

ПОЧЕМУ НЕОНОВЫЕ РЫБКИ СВЕТЯТСЯ

Дороги существуют везде. Есть дороги и на земле, и под землей (да, да и под землей они тоже есть — именно по ним путешествуют кроты). Есть и водные магистрали.

Любая река — неважно маленькая она или огромная — это настоящая дорога.

А самая большая река в мире, а значит и самый большой водный тракт — это Амазонка.

Давным-давно на Амазонке многочисленные речные обитатели вечно спешили-торопились по своим неотложным делам, при этом каждый водный житель плыл, совершенно не обращая внимания на остальных путников. Поэтому и утром, и днем, и вечером, и даже темной ночью — всегда на Амазонке была сутолока и толчея.

То огромная Анаконда заснет прямо посередине реки и своим длиннющим телом перегородит всю Амазонку.

То сойдутся два стада — неуклюжих Ламантинов и розовых амазонских Дельфинов и спорят, кто из

них важнее, и ни кто не хочет уступить путь-дорогу другому.

То у Кайманов внезапно наступит пора свадеб и зубастые кавалеры поют серенады и баркаролы дни и ночи напролет, плавая туда-сюда и пугая речных путешественников.

То ящерица-Василиск стремительно, словно торпедный катер, пронесется с одного берега на другой и поднимет такую волну, что хоть на берегу спасайся!

А то Сомы — все как один одетые в брони, кольчуги и панцири неожиданно устроят на середине реки военные парады, или, еще хуже — военные учения.

И в результате — гигантский затор!

Только одной маленькой рыбке-Клинобрюшке все нипочем — ведь она летать умеет! Вспорхнет Клинобрюшка из воды, взмахнет своими плавничками, и с жужжанием перелетит и через спящую Анаконду, и через спорящих с Дельфинами Ламантинов, и через поющих Кайманов, и через воинственных Броняковых, Кольчужных и Панцирных Сомов, и через бегущего по воде Василиска.

Зато всем остальным речным обитателям приходится ждать, когда же путь, наконец, освободится.

— Что за времена настали! Невозможно проплыть по Амазонке! Безобразие! — Ворчала старая гигантская рыба Арапаима.

И вот, как-то раз, собрались все-все амазонские обитатели и решили выбрать регулировщика дорожного, вернее речного движения.

Сначала назначили на этот пост Пиранью. И она при помощи своих острых зубов действительно навела такой порядок, что через несколько дней водная дорога и вовсе опустела — все забились в заводи, под камни и коряги, зализывая, залечивая и врачуя многочисленные рань.

Пробовали назначать в регулировщики других. Но никто долго не задерживался на этой должности.

Огромный, неуклюжий Скот-Хвостокл своими плавниками-лопастями не регулировал, а наоборот перегораживал движение; лягушка Типа Суринамская все время отвлекалась на свое многочисленное потомство; водяная черепаха Мата-Мата все время дремала. А красивая рыбка Скалярия настолько сливалась с подводной растительностью, что этого регулировщика просто никто не замечал.

И когда речные обитатели Амазонки поняли, что выбрать толкового речного распорядителя движения они не в состоянии, кто-то вспомнил про Электрического Угря, который славился не только тем, что он был электрическим, но еще и тем, что он был очень мудрым.

Жил Электрический Угорь отшельником, в тихой протоке, в подводной пещере.

Послали к нему гонца — самую быстроходную рыбу — Золотого Дорадо.

И вот через некоторое время приплыл на всеамазонское сборище Электрический Угорь.

Увидели амазонские обитатели Электрического Угря и все разом попытались объяснить ему всеобщую беду-кручину.

Долго внимал им Электрический Угорь, а затем сам начал говорить. Но толпа так шумела, так кричала, что никто не слышал мудрое, доброе слово Угря.

Но как вы помните, этот Угорь был не только очень умным, но еще и электрическим. Поэтому он разрядил свои мощные электрические батареи в скопище галдящих речных обитателей. И наступила тишина.

— Добрым словом и электрическим током можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом, — подумал Электрический Угорь, а вслух произнес:

— Надо сделать светофор. В моей протоке живут две рыбки. Одна называется Красный Неон, вторая — Голубой Неон. Пусть самая быстрая рыба Амазонки — Золотой Дорадо сплавает за ними.

И гонец скоро вернулся с двумя маленькими рыбками — Красным Неоном и Голубым Неоном.

— Когда на середине Амазонки будет плавать Красный Неон, — произнес Электрический Угорь, — все путешественники должны останавливаться. А когда поплывет Голубой Неон — то все могут двигаться.

— Но они очень маленькие и их разглядишь, разве только вблизи, — робко возразил один близорукий розовый Дельфин.

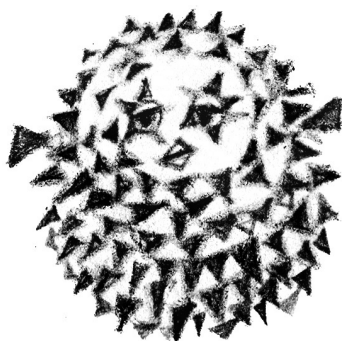
— Я сделаю так, что этих маленьких рыбок вы увидите издалека, — произнес Электрический Угорь и слегка коснулся своими плавниками обоих неонов. И одна из рыбок засияла-засверкала голубым светом, а другая — красным.

— Теперь каждый из вас будет видеть их свет. А время от времени я буду их заряжать от своих электрических батарей, — произнес Электрический Угорь.

С тех пор на Амазонке все плавают по установленным речным правилам, внимательно следя, какой свет сейчас горит на дороге — голубой или красный.

А того кто, нарушает правила речного движения мгновенно догоняет самая быстрая рыба Амазонки — Золотой Дорадо и ведет провинившегося к Электрическому Угрю, либо к его помощнице — Пиранье. Для внушения.

Павда, один раз в год, целые сутки горит свет только Красного Неона. В это время все движение по реке останавливается, потому что Броняковые, Кольчужные и Панцирные сомы устраивают свои знаменитые военные парады, посмотреть на которые приплывают все жители Амазонки, живущие даже на самых дальних ее притоках.

ПОЧЕМУ РЫБА-ШАР МОЖЕТ НАДУВАТЬСЯ

В море, в коралловом лесу плавала маленькая рыбка Нефела. У нее было короткое тельце и короткие плавнички.

Среди коралловых зарослей жили и ее родственники — Рыба-Собака, Рыба-Кубик и Рыба-Еж. И каждая из них была чем-нибудь знаменита.

У Рыбы-Собаки, например, были огромные зубы, и она была очень свирепая.

Рыба-Кубик действительно была похожа на кубик и играла в казино. Точнее, ее использовали как игральную кость.

Ну, а про Рыбу-Ежа и говорить нечего — все его тело было покрыто длинными острыми иглами.

А у Нефелы же никаких таких достоинств не было.

Ее благополучные родственники опекали Нефелу и советовали ей, как преуспеть в нелегкой подводной жизни.

— Научись лаять — и ты сможешь найти себе теплое и кормное местечко; например, быть сторожем

у входа в пещеру Мурены, — предлагала Рыба-Со-бака.

— Измени свою фигуру, и ты будешь возвращаться в высшем обществе, — рекомендовала Рыба-Кубик.

— Ерунда все это! — говорила Рыба-Ёж. — Пойди к косметологу — и пусть он нарастит тебе такие же колючки как у меня. И никто тебе не будет страшен.

Но Нефела не хотела ни работать в казино игральной костью, ни сторожить вход в пещеру Мурены, ни отращивать иголки. Она хотела летать.

Нефела, качаясь на волнах, с завистью смотрела, как парят на своих длиннющих крыльях альбатросы, как изящно скользят над водой чайки, и какие сногшибательные виражи закладывают черные фрегаты. Она, подплыв к самому берегу, с грустью наблюдала, как легко, словно разноцветные лепестки трепещут в воздухе чудесные бабочки, как гоняются друг за другом, сверкая хрустальными крылышками, легкие стрекозы.

Однажды Нефела встретила стайку длинных стройных рыбок. Они, разогнавшись в воде, выскакивали на поверхность, отрывались от волн, расправляли свои длинные плавники и летели, летели, как птицы!

— Летучие Рыбки, — обратилась к ним Нефела, — научите меня порхать над морем.

Летучие Рыбки посмотрели на Нефелу и покачали головами.

— Ты слишком толстенная, — сказала одна летучая рыбка.

— И потом, у тебя слишком короткие и слабые плавнички, — добавила другая.

— Худей, тренируйся, и может быть, ты полетишь, — посоветовала третья.

Нефела перестала есть, и начала усиленно заниматься физкультурой.

От изнурительных упражнений она настолько ослабла, что не только летать не научилась, но даже плавать ей удавалось с трудом. Нефела прекратила голодать и снова начала грустить.

Однажды она увидела как над морем легко и свободно парит красный надувной воздушный Шарик.

— У него нет крыльев, он толстенький, а летает! Может мне, наоборот, надо побольше есть, и тогда я округлюсь и взлечу как этот Шарик?

И Нефела стала усиленно питаться. Она поправилась, у нее появились пухлые щечки, но шариком так и не стала.

Узнав, что она хочет стать шариком к ней подплыла Рыба-Еж и спросила:

— Хочешь быть такой круглой как я?

— Да, — ответила Нефела. — Только у меня ничего не получается. Все ем и ем, щеки потолстели, а сама никак не округлюсь.

— А ты много не ешь, — посоветовала ей Рыба-Еж. — Ты много пей. Глотай воду. И раздуешься, как я. Нефела так и сделала.

Сначала у нее ничего не получалось — морская вода оказалась горько-соленой и много ее Нефела выпить не смогла. Но день ото дня она выпивала все больше и больше воды и, однажды она действительно округлилась настолько, что стала похожа на шарик.

Нефела попробовала взлететь, но оказалась, что от проглоченной воды она так отяжелела, что не смогла даже чуть-чуть выпрыгнуть над волной.

Она посмотрела на кружащихся в небе стрижей и так горько разрыдалась, что вся вода, которую она выпила, вытекла из нее вместе со слезами. Нефела, подняв голову над поверхностью, продолжала хныкать, не замечая, что она вместо воды стала глотать

воздух и снова раздуваться. А так как воздух гораздо легче воды, Нефела неожиданно для себя медленно взмыла вверх.

Легкий ветерок подхватил ее, и она неспешно заскользила над самыми волнами.

— Я лечу, лечу! — восторженно закричала Нефела, но в это время воздух вышел из ее тельца, оно сдулось, и рыбка плюхнулась в море. Но теперь она знала что делать. Нефела снова начала глотать воздух, снова превратилась в шарик и, на это раз плотно сжав губы, вновь полетела.

— Не верим своим глазам! — восторженно кричали проносящиеся внизу, над самыми волнами летучие рыбки.

— Полетим со мной в кругосветное путешествие! — приглашал ее длиннокрылый альбатрос.

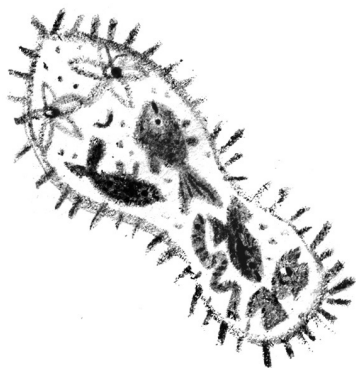
— Давай лучше играть в салочки, — голосили чайки и фрегаты.

— Самая лучшая игра — это водное поло, — возражали им дельфины и морские котики — Присоединяйся к нам!

* * *

В родном коралловом лесу Нефела никому не сказала о своих успехах. Но раз в месяц она, всплыв на поверхность, стала улетать к своим приятелям — дельфинам и морским котикам поиграть с ними в водное поло. Дельфины и морские котики были достойными противниками, и каждый их спортивный поединок был очень азартным. Но в этой игре всегда выигрывала Нефела, так именно она была мячом!

Но ученые, несмотря на это, все-таки называли ее не Рыбой-Мячом, а Рыбой-Шаром.

ПОЧЕМУ ИНФУЗОРИЯ ВИДНА ТОЛЬКО В МИКРОСКОП

Давным-давно в Древнем Океане жила-была Инфузория. Была она большая-пребольшая, такая огромная, что однажды даже пыталась проглотить Кита. Но Кит для Инфузории все же оказался великоват и она его выплюнула. И тогда Инфузория стала охотиться на дельфинов.

Стали дельфины думать, как им избежать этой напасти. И вот один мудрый дельфин, которого звали Гринда, вспомнил, что на далеком острове живет морской старец — волшебник Протей. И этот Протей может исполнить любое желание.

— Ура! — обрадовались дельфины. — Мы попросим Протея, чтобы он сделал Инфузорию поменьше ростом. И тогда она не сможет проглотить никого из нас.

— Но дело в том, — добавил мудрый дельфин Гринда, — что Протей исполняет желание только того, кто сможет его побороть.

— Ну, это легко сделать, — заулыбались дельфины. — Ведь Протей, как ты сам сказал — это старец. А со старцем каждый справится.

— Так-то оно так, — ответил мудрый дельфин Гринда. — Да не совсем так. Дело в том, что Протей может менять свой облик — он способен превращаться в различных чудовищ. Поэтому победить его будет нелегко.

— Что же нам делать? — загрустили дельфины. — Кто нам поможет?

— Пожалуй, я знаю кто, — сказал мудрый дельфин Гринда.

— Кто?

— Кит!

И все дельфины поплыли к Кита.

Кит мирно спал на поверхности моря.

— Кит, а Кит, — разбудили его дельфины — пожалуйста, поплыви к далекому острову, попроси Протея, чтобы он сделал Инфузорию поменьше. А то она нас ловит!

— Вот еще, — отвечал, открывая один глаз, ленивый кит. — Мне-то какое до вас дело? Меня-то она съесть не сможет. А вы с Протеем сами договаривайтесь.

— Нам с ним не договориться, — возразил мудрый дельфин Гринда. — Ведь его победить надо. А побороть его можешь только ты.

— Нет, не поплыву я к Протею, — сказал Кит. Плыть к нему далеко, да и бороться мне с ним, честно говоря, неохота. Разбирайтесь-ка с вашим Протеем сами.

— Ах, так! — рассердился дельфин Косатка, — и укусил Кита за плавник своими острыми зубами.

— Ой, ой! — закричал Кит. — Мне больно, больно! Не надо меня больше кусать! Я поплыву!

— Тогда вперед! — загалдели дельфины.

И Кит, в окружении дельфинов поплыл к Далекému Острову.

Долго ли коротко ли плыли они, и наконец добрались до цели. На берегу острова сидел и дремал маленький щуплый старичок. Это и был Протей. Он выглядел совершенно безобидным и, казалось, каждый сможет его победить.

Кит подплыл к самому берегу и сказал:

— Здравствуй, Протей!

— Здравствуй и ты, Кит, — ответил Протей.

— Пожалуйста, выполни мою просьбу, Протей!

— Какую?

— Сделай так, чтобы Инфузория стала поменьше. А то она моих родственников-дельфинов ловит и ест.

— Изволь, — ответил Протей — Но для того, чтобы я выполнил твою просьбу, ты должен победить меня в схватке.

— Знаю, — согласился Кит. — Давай бороться.

— Давай, — сказал Протей и тотчас превратился в огромного Морского Змея.

Кит, увидев Морского Змея, не испугался, а разогнавшись в воде, выпрыгнул на берег и упал на Протея.

И хотя Морской Змей был огромный, но все же, Кит был гораздо больше и Протей ничего не мог с ним сделать, и только беспомощно извивался под китовой тушей.

Тогда Протей превратился в Гигантского Спрута и попытался своими толстыми, как стволы дуба щупальцами, задушить Кита. Но и тут у него ничего не получилось — Кит был огромен как айсберг и протеевы щупальца не причиняли ему вреда.

Тогда Протей превратился в Огонь. Но и тут у него ничего не вышло — под Кита не проникал воздух, а огонь без воздуха быстро гаснет.

И Протей превратился в Молнию.

Но огромного Кита электрические разряды только щекотали и он начал громко смеяться.

Услышал смех Кита, Протей понял, что такого противника ему не победить и стал просить пощады.

Но, вот беда! Хохочущий Кит не слышал слов Протея!

— Кит! — кричал несчастный старец, прижатый китовым телом. — Я исполню твоё желание. Только отпусти! Исполню два твоих желания! Три! Четыре! Только отпусти!

Наконец Кит его услышал. Он освободил пленника и сполз в море.

А Протей исполнил желание Кита, и Инфузория стала меньше.

Она уже не могла глотать дельфинов и стала гоняться за более мелкой добычей — за тунцами.

И хотя тунцы быстро плавали, они никак не могли ускользнуть от прожорливой Инфузории.

Собрались тунцы все вместе и стали думать, что же им делать, как спастись от безжалостной хищницы.

Ничего они не придумали и поплыли к мудрому дельфину Гринде. И мудрый дельфин Гринда посоветовал им отправиться к Далекому Острову и просить старца Протея, чтобы он еще раз уменьшил Инфузорию.

— Только не забудьте сказать, — добавил мудрый дельфин Гринда, — что это не ваша просьба, а просьба самого Кита.

Приплыли Тунцы к Далекому Острову. На его берегу по-прежнему сидел и грелся на солнышке морской старец Протей.

— Здравствуй, Протей! — сказали тунцы.

— И вы здравствуйте, — ответил старец.

— Протей, сделай, пожалуйста, так, чтобы Инфузория стала поменьше. А то житья он нее совсем нет, — попросили тунцы.

— Я выполняю вашу просьбу, тунцы, но только в том случае, если вы сможете меня победить!

Опечалились они. Но тут один тунец вспомнил слова мудрого дельфина Гринды и сказал:

— Вообще-то это не наша просьба. Мы просто вестники.

— А чье же это желание?

— Это желание Кита.

При упоминании Кита Протей вздрогнул и пробурчал:

— Это другое дело. Исполню его просьбу — я ведь ему обещал. Я уменьшу Инфузорию еще раз.

И Инфузория, действительно, стала еще меньше. Теперь она не могла охотиться на тунцов, и стала питаться мелкой рыбешкой — анчоусами.

Собрались все анчоусы и стали думать, как жить дальше.

— Все нас обижают — и морские птицы, и дельфины, и тунцы и кальмары. А тут еще новая беда — ненасытная Инфузория. Надо что-то делать, а то мы все погибнем! — сетовали анчоусы.

— Давайте спросим совета у тунцов, — предложила одна рыбка.

— У тунцов?! Они же нам ничего не посоветуют. Они просто нас съедят, и посоветовать не успеют!

— А мы дождемся, когда они будут сытые и спросим.

Анчоусы улучили такой момент и подплыли к тунцам.

Тунцы были не одни. Они беседовали с дельфинами и благодарили Гринду за мудрый совет.

— Здравствуйте, тунцы и дельфины, — сказали анчоусы.

— Здравствуйте, маленькие, жирненькие, вкусненькие анчоусы, — ответили тунцы и дельфины. —

Вовремя же вы пожаловали — мы только что пообедали. Так что смело говорите, зачем приплыли — мы вас не тронем.

— Помогите нам спастись от ужасной Инфузории. Изводит она наше племя — пожаловались анчоусы.

— Вот еще! — воскликнули тунцы и дельфины. — Не наше дело помогать каким-то мелким рыбешкам!

— Погодите, — прервал их мудрый дельфин Гринда. — Тут дело серьезное. Им надо помочь.

— Серьезное? — засмеялись тунцы и дельфины. — Какое серьезное дело может быть у анчоусов?

— А вот какое. Когда Инфузория всех анчоусов съест, чем мы с вами питаться будем? Об этом вы подумали?

— Не подумали, — честно признались тунцы и дельфины.

— То-то же, — сказал мудрый дельфин Гринда и посоветовал анчоусам плыть к Далекому Острову и просить помощи у старца Протея. Только обязательно передать, что это просьба самого Кита.

Так Анчоусы и сделали.

Приплыли они к Далекому Острову, нашли на берегу отдыхающего морского старца Протея и попросили его сделать Инфузорию еще меньше.

— А знаете ли вы, маленькие анчоусы, — сказал, с усмешкой глядя на рыбок Протей, — что для того, чтобы я выполнил вашу просьбу, вы должны меня победить. А это вам вряд ли удастся!

— А это не наша просьба, — ответили анчоусы.

— А чья же?

— Тунцов и дельфинов, — пропищал самый маленький и самый глупенький анчоус.

— Тунцам и дельфинам я никакого обещания не давал, — произнес, зевая и закрывая глаза Протей. — Так что плывите себе обратно!

Другие рыбки отпихнули от берега самого маленького и самого глупенького анчоуса и сказали:

— Не слушай этого малька, Протей. Он не ведает что говорит. Это просьба самого Кита!

Протей, услышав имя Кита, вздрогнул, открыл глаза и недовольно пробурчал:

— Ну, это меняет дело. Просьбу Кита я обещал выполнить. Я уменьшу Инфузорию.

И Инфузория, действительно, стала еще меньше. Она теперь не смогла проглотить даже анчоуса-малька, и стала питаться мелкими рачками-калянусами, скачущими в толще воды.

— Что нам делать, что нам делать! — заволновались калянусы, мало того, что нас ловят все — и громадный Кит, и маленький анчоус и сидящая на дне актиния и парящая в воде медуза и еще множество других морских обитателей! А тут еще объявилась прожорливая Инфузория! Что же нам делать, как избежать этого несчастья?

— А я знаю что делать, — сказал один крошечный Калянус — Я был у Далекого Острова и когда Кит боролся с морским старцем Протеем, и когда к нему приплывали Тунцы, и когда к нему приплывали Анчоусы. Все это время я там был и все видел. И еще я знаю, что Протей обещал Киту выполнить четыре его желания, а выполнил пока всего три! Так что надо нам всем плыть к далекому острову, на котором живет Протей.

Долго-долго плыли маленькие калянусы к Далекому Острову и, наконец, добрались до него. Там, на берегу по-прежнему дремал морской старец Протей.

— Здравствуй, Протей! — изо всех сил закричал крошечный Калянус.

Но голос у него был таким тихим, что Протей его не слышал.

— Давайте все вместе, — предложил крошечный Калянус своим родичам.

— Здравствуй, Протей! — закричали все калянусы разом.

Протей удивленно открыл глаза.

— Кто меня зовет?! Я никого не вижу!

— Это мы, калянусы! — хором отвечали ему рачки, — а не видишь ты нас, потому что мы очень маленькие.

Протей пошарил под камнем, достал оттуда очки, нацепил их на нос, и, наконец, разглядел множество мелких существ, плавающих у самой поверхности.

— И что же вам надо маленькие калянусы?

— Мы принесли тебе последнее желание Кита.

— Кита? — встрепнулся Протей, — действительно я ему обещал выполнить четыре его желания. Три я исполнил, осталось одно. Говорите, что он на это раз просил.

— Он просил, что бы ты уменьшил размеры Инфузории.

— Далась же вам всем эта Инфузория! Хорошо, я сделаю ее такой маленькой, что ее никто не увидит. Разве что в микроскоп.

С тех пор Инфузория действительно видна только в микроскоп. И питается она теперь не так как прежде — дельфинами, тунцами, анчоусами и калянусами. Сейчас она может проглотить только бактерию.

Ну, а кто за бактерию заступится? И, кстати, все обещанное Киту, Протей уже выполнил.

ПОЧЕМУ У ГАЛИОТИСА РАКОВИНА В ДЫРКАХ

Много на дне морском удивительных улиток. Кого только среди них не встретишь: здесь и Гребень Венеры, и Рог Тритона, и Пеликанья Нога, и Чертова Лапа, и Язык Фламинго, и Конус, и Волчок, и Блюдечко, и Морское Ушко.

Улитку Морское Ушко еще называют Галиотисом. У каждой улитки есть крепкая раковина, куда моллюск прячет свое мягкое тело. Имеется такая раковина и у Галиотиса. Но только у него раковина продырявлена. Почему? Сейчас узнаете.

Итак, жил-был Галиотис. Вы бы никогда не заметили его на морском дне потому, что сверху раковина этой улитки была серая и совсем неказистая. Ничем снаружи не примечательный домик Галиотиса изнутри выглядел настоящим дворцом с перламутровыми стенами. Их Галиотис каждый день тщательно вылизывал своим шершавым, как наждак, язычком, поэтому стены сияли чудесным радужным блеском. Кроме того, Галиотис в своем прочном уютном до-

мике выращивал очень красивые разноцветные жемчужины.

Галиотис был мирным, робким отшельником, настолько боязливым, что боялся даже выглядывать из-под своей раковины. Моллюск медленно ползал по большому камню, не торопясь поедая водоросли. Ему было очень любопытно, что делается там, снаружи, за стенами его убежища, но высунуться и осмотреться вокруг Галиотис никак не решался.

Однажды его одиночество было нарушено: в страшную непогоду, в жестокий шторм в раковину к Галиотису заполз усталый и продрогший крохотный круглый крабик. Поэтому и имя у него было — Краб-Горошинка. Крабик был такой маленький и такой беззащитный, что Галиотис, не раздумывая, приютил его.

Горошинка оказался хорошим товарищем; он помогал хозяину поддерживать чистоту в перламутровом домике, а кроме того он очень бережно ухаживал за жемчужинами.

Крабик иногда выбирался из дома моллюска, и рассказывал Галиотису, что происходит в окрестностях. Он поведал Галиотису много удивительного, и все уговаривал моллюска хоть чуть-чуть приподнять раковину и выглянуть наружу. Но опасливый Галиотис наотрез отказывался и только глубже забирался в свою раковину.

Однажды Галиотис услышал громкие красивые звуки, словно кто-то играл на огромной трубе.

— Что это за удивительные звуки? Кто этот неведомый музыкант? — спросил он Краба-Горошинку.

— Выгляни и посмотри сам, — отвечал тот.

— Боюсь!

— Если ты будешь все время таким нерешительным и боязливым, то никогда ничего не узнаешь! — сказал раздосадованный краб.

Галиотис застыдился своей трусости, но все равно из раковины выглянуть не осмелился. А звуки были так прекрасны!

— А ведь я могу посмотреть на этого трубача, не высовываясь наружу, — подумал Галиотис, — стоит только изнутри проделать небольшую дырочку в стене моего домика и я смогу видеть все, что творится вокруг.

Решив так Галиотис начал тереть своим шершавым язычком перламутровую стенку своего жилища (а вы, наверное, помните, что язычок у Галиотиса был жестким как наждачная бумага). Работал он так усердно, что вскоре в раковине образовалось маленькое круглое отверстие. Галиотис одним глазком заглянул туда и увидел в вышине, у самой поверхности огромного кита.

— Какой он большой! — воскликнул моллюск.

— Это кит-горбач, — откликнулся Краб-Горошинка, — самый лучший музыкант среди всех китов.

Через день снаружи послышался барабанный бой. Галиотис устремился к окошку в своей раковине, но ничего не увидел. Для того чтобы рассмотреть неведомого барабанщика ему пришлось проделывать еще одно отверстие в другом конце раковины. Когда оно было готово, моллюск заглянул туда и обнаружил рядом со своим камнем большую горбатую рыбу.

— Ее так и зовут — Горбыль или Рыба-Барабанщик, — сказал Крабик-Горошинка.

— Уже можно составлять оркестр.

— погоди, скоро новые музыканты появятся!

И действительно через некоторое время Галиотис услышал чарующие звуки — как будто кто-то играл на арфе. Моллюск прильнул сначала к одной скважине в стенке, а потом ко второй, но так ничего не увидел, потому, что неизвестный музыкант располагался на

дне. Галиотису пришлось продырявить раковину еще в одном месте, и только сквозь это отверстие он разглядел лежащую на песке длинную плоскую рыбу. Именно она звенела как арфа.

— Это Морской Язык, родственник камбалы, — пояснил Крабик-Горошинка. — Но камбала бесталанна, а Морской Язык — настоящий виртуоз.

Так день за днем Галиотис знакомился с различными голосистыми морскими обитателями. Правда, для этого ему пришлось сделать в своей раковине целый ряд дырочек, через которые он мог легко рассматривать любых подводных жителей, откуда бы они теперь не появлялись.

Поэтому вскоре он узнал, что дельфин-белуха щебечет как канарейка, что рыба-мичман, прозванная так за красивые золотистые бляшки-пуговицы на своем теле, громко бормочет, что рыба-жаба, которая действительно похожа на жабу, так оглушительно гудит, что не дает спать по ночам всем морским жителям, что макрель крикает, что ставрида лает, а вот рыба-собака совсем даже не лает, а хрюкает, что рыба-спинорог чирикает, что очень красивый морской петух не только кудахчет, но еще умеет свистеть, ворчать и храпеть, а огромный скат-манта когда, резвясь, выпрыгивает из воды, то падает назад в волны с сильнейшим грохотом.

Галиотис настолько привык к различным звукам, что на слух определял, кто их издает. Но однажды, когда моллюск в своем домике мирно дремал под хруст челюстей рыбы-попугая, которая лакомилась коралловыми веточками, он услышал слабое монотонное жужжание неизвестного животного, словно кто-то негромко напевал на одной ноте.

Галиотис не придал значения этому звуку, а вот Крабик-Горошинка, любовно протиравший пурпурную жемчужину, сразу насторожился.

— Беда! — сказал он — Слышишь? В наш домик стучится беда!

— Какая беда? — спросил Галиотис зевая. — Кстати, снаружи кто-то просто тихонько царапается, а во все не стучится. Нам-то какое дело? Раковина моего домика очень прочная!

— К нам пробирается непрошенный гость — улитка Устричное Сверло, — настаивал Краб. Она просверливает раковину моллюска и через эту дырочку поедает хозяина.

— Что же делать? Куда бежать? — заволновался Галиотис. — Впрочем, я не то чтобы бежать, но даже и ползать быстро не умею!

— Даже если бы ты мог быстро ползать, сейчас это не помогло бы — Устричное Сверло уже плотно присосалось к твоей раковине.

— Что же делать? — повторил испуганный моллюск.

Крабик-Горошинка ничего не ответил и заторопился к выходу. Обернувшись, он крикнул Галиотису: — Берегу уши!

— Убежал, — с грустью подумал Галиотис, прислушиваясь к негромкому монотонному пению Устричного Сверла. — Покинул друга в трудную минуту! И причем здесь мои уши, хотел бы я знать?

Вдруг снаружи послышалась пушечная канонада, настолько громкая, что Галиотис тут же оглох.

Когда грохот стих, Галиотис посмотрел в одно из своих окошек, и обнаружил, что на дне рядом с его домиком стоят и о чем-то беседуют Краб-Горошина и креветка. У этой креветки одна клешня была нормальной, а другая преогромная.

А еще Галиотис увидел небольшую улитку, удиравшую прочь так быстро, как только может удирает улитка.

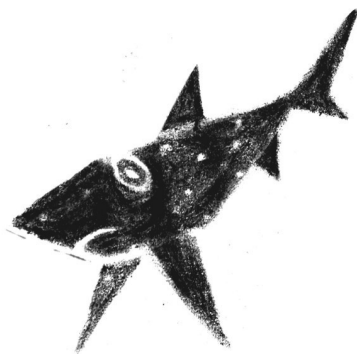
— Это Устричное Сверло убегает, — догадался Галиотис.

Краб Горошинка и странная креветка закончили разговор, приветливо помахали друг другу клешнями и разошлись. Креветка поползла к ближайшему коралловому кусту, а Краб-Горошинка направился в домик к Галиотису.

Забравшись в раковину, крабик принялся было рассказывать, о том, что произошло, но оглохший Галиотис ничего не слышал. Только через час к нему вернулся слух и Краб-Горошинка наконец поведал, кто их спас.

Оказывается спасителя, далекого родственника Краба-Горошинки, звали Креветкой-Щелкуном. Своей огромной клешней она так громко щелкала, что любой враг тут же убегал прочь. Именно от этих громовых звуков сам Галиотис потерял слух, а Устричное Сверло, до смерти напуганное, еле унесло ноги.

С тех пор Галиотис живет на своем камне спокойно, без опаски рассматривая морских обитателей через многочисленные отверстия в своей раковине. По-прежнему живет с ним и Краб-Горошина. Иногда в гости к ним приползает сосед — Креветка-Щелкун — полюбоваться на сияющие перламутровые стены их жилища и на чудесные разноцветные жемчужины.

ПОЧЕМУ АКУЛЫ НИКОГДА НЕ ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ

Эта история произошла очень давно. В пещерке кораллового рифа жил-был Акуленок. Он был такой маленький, что боялся почти всех остальных рыб, особенно зубастых барракуд.

Акуленок из своего безопасного укрытия наблюдал, как мимо него ежедневно проплывают диковинные морские обитатели: рыбы-мечи и рыбы-сабли, рыбы-пилы и рыбы-молоты, рыбы-флейты и рыбы-свистульки, морские свиньи и морские коровы, и даже морские ангелы и морские дьяволы.

Однажды, ярким днем вдруг померк свет. Акуленок высунулся из своего кораллового домика и обнаружил, что солнце загораживает огромная черепаха, неподвижно лежащая на поверхности океана.

Акуленок ждал, что исполинская черепаха уплывет и снова станет светло, но великанша, по видимому, и не думала двигаться дальше.

Акуленок выглянул из пещерки, задрал голову и закричал:

— Эй ты! Там, наверху! Хватит отдыхать! Плыви дальше! А то ты мне весь свет застишь!

— Я очень устала, — раздался низкий, словно далекие громовые раскаты, голос. — Пожалуйста, не торопи меня. Я отдохну немного и покину тебя, и твой риф, и этот океан.

— Лентяйка! — воскликнул Акуленок. — Отчего ты так устала? Что ты делаешь?

— Я выполняю самую важную и самую тяжелую работу в этом мире. Пожалуйста, не торопи меня, подожди немного.

— Самую важную работу? — засмеялся Акуленок. — Ты хочешь сказать, что без тебя весь мир рухнет? Что, на тебе весь свет клином сошелся?

— Можно сказать и так. Пожалуйста, не гони меня! — взмолилось черепаха. — Дай мне хоть несколько минут отдыха.

— Плыви прочь, лежебока! Отдохнешь в другой раз! Убирайся!

— Хорошо, — со вздохом согласилась черепаха, — я поплыву. Но и ты будешь все время плавать, пока вновь не повстречаешь меня.

С этими словами исполинская черепаха, взмахивая своими огромными лапами, заскользила прочь.

— Чтозаерунда! — подумал маленький Акуленок. — С чего это я теперь все время должен плавать? Нет, я по-прежнему буду сидеть в своем уютном и безопасном коралловом домике.

Но лишь черепаха исчезла из виду, как Акуленок почувствовал, что задыхается. Он стал судорожно глотать воздух, то есть, конечно, воду. Но это не помогло. Тогда Акуленок с испугу рванулся вперед, выскочил из пещерки, и, почувствовав облегчение, остановился. Но в тот же миг новый приступ удушья овладел им.

Акуленок понял, что гигантская черепаха заколдовала его, что теперь он может дышать только тогда, когда движется, то есть когда плывет. И Акуленок устремился на поиски черепахи, чтобы попросить ее снять заклятие.

* * *

Много различных черепах встречал Акуленок в морях и океанах, но это все были другие черепахи, а совсем не та, которую он прогнал.

Он познакомился с Зеленой Суповой Черепахой, названной так потому, что суп, приготовленный из нее, действительно был зеленого цвета. Но суповая черепаха ничем не могла ему помочь.

Акуленок встретился и с Головастой Черепахой. Но и Головастая Черепаха, хотя была очень умной, и очень много знала, ничего не смогла посоветовать Акуленку.

Как-то раз, в открытом океане Акуленок заметил черепаху такую огромную, что решил, что, наконец, нашел ту, которую искал. Но он ошибся. Это действительно была самая большая морская кожистая черепаха, но все же размер ее панциря был гораздо меньше, чем у той, которая зачаровала Акуленка.

И, отчаявшись найти ту самую черепаху в морях и океанах, акуленок стал заплывать в реки в надежде встретить ее в пресных водах.

Каких только черепах он там не нашел: и змеиношейных, и бокошейных, и черепах с хоботком на носу и черепах с красными ушами, но нигде, ни в одной реке и ни в одном озере он не встретил черепаху, заколдовавшую его.

Акуленок вернулся в океан, и, продолжая поиски, как-то раз очутился у небольшого пустынного острова. На нем неторопливо пощипывала траву черепаха.

Она была такая огромная, что ее панцирь напоминал высокий холм.

— Черепаха, черепаха! — закричал Акуленок, высунув из воды голову, — прости меня, пожалуйста. Мне надоело скитаться по миру. Я хочу все время жить на одном месте, в моем коралловом домике.

— Бедный Акуленок! — сказала огромная Сухопутная Черепаха, — ты ошибся, я не волшебница, не я наложила на тебя заклятие.

— А кто же?

— Ты обидел Великую Черепаху А-Туина, которая выполняет самую тяжелую работу — она несет на своем панцире весь наш мир, со всеми материками и океанами, островами, горами, реками и озерами. Раз в тысячу лет А-Туин всего один час отдыхает от своего тяжелого труда. К твоему несчастью, в это самое время ты, по неведению, попрекнул ее. Поэтому тебе придется еще долго ждать, пока ты снова повстречаешься с А-Туином. Терпи, надейся и плыви дальше.

* * *

Прошло много времени, Акуленок вырос и превратился в огромную акулу, такую большую, что ее боялись не только все остальные рыбы, но и тюлени, дельфины и даже киты.

Она за свою долгую жизнь сотни раз обогнула весь земной шар в поисках Великой Черепахи, но так и не встретила ее.

С тех пор все потомки той акулы без отдыха плавают по морям и океанам в надежде, когда-нибудь встретить А-Туина, и тогда эта самая главная в мире черепаха снимет со всего акульего племени заклятие, и оно, наконец, обретет покой.

ПОЧЕМУ ЛИСТОЛАЗ ТАКОЙ ЯРКИЙ

Однажды по Южной Америке гуляла Черепаха. Она гуляла просто так, ничего плохого никому не делая. И вдруг на нее ни с того, ни с сего, из засады набросился Оцелот. Это был молодой и поэтому очень глупый Оцелот, так как каждый взрослый южноамериканский пятнистый кот хорошо знает, что нападать на Черепах — бесполезное дело.

Так и случилось. Черепаха мгновенно втянула голову и все четыре лапы под панцирь, а расстроенный Оцелот побрел прочь.

— Как хорошо, что у меня всегда при себе есть надежное убежище. Если бы не мой замечательный панцирь, пожалуй, плохо мне пришлось бы! Интересно знать, а как другие животные спасаются от врагов?

С этими мыслями Черепаха неторопливо поползла дальше.

— Смотри-ка, — сказала сама себе Черепаха, увидев переползающую через лесную тропу улитку, — не только у меня с собой такая крепкая броня, спасающая от бед. Раковина улитки тоже хорошая защита.

— Поосторожней, — произнес вдруг кто-то скрипучим голосом, когда Черепаха проползала мимо куста.

— Кто здесь? — спросила Черепаха, оглядывая куст. Но никого не увидела. — Где же ты?

— Ты на меня смотришь.

— Все равно не вижу!

— Смотри внимательно!

И вдруг одна из веточек прямо перед носом Черепахи зашевелилась и превратилась в длинное насекомое с тонкими ножками.

— Ой! — воскликнула Черепаха. — Ты словно привидение появляешься ниоткуда!

— Я Палочник-Привидение. Меня называют так потому, что я очень похож на сухую палочку или на сухой сучок, особенно когда я неподвижен. Вот и получается, что раз меня не видят, значит и меня нет! А на самом деле — я есть! Поэтому мне никто не страшен.

— Хорошая защита, — согласилась Черепаха. — А кто еще может так же умело прятаться и ты?

— Еще один мастер маскировки здесь рядом, — ответил Палочник. — Правда, не такой, хороший, как я, — самодовольно добавило насекомое, — но таланты, у него, несомненно, есть.

— И где же он? Этот, талантливый? — спросила Черепаха.

— Да вот же! — и Палочник кивнул на соседний листик.

— Никого не вижу, — сказала Черепаха. — Он что, за листком прячется?

— А ты попробуй, дунь на этот листик, — со смешком произнес Палочник и, замерев, исчез.

Черепаха дунула.

«Листик» зашевелился и оказался плоским зеленым кузнечиком. Он возмущенно чихнул, прыгнул,

перелетел на другой куст. Там, замерев и сложив крылья, кузнечик снова превратился в листик.

— Здорово! — восхитилась Черепаха. — А еще кто-нибудь такой же есть?

— Есть, — ответил Палочник, возникая вновь. — Рядом с тобой.

— Где?

— Неужели никого не видишь?

— Никого!

— Между прочим, рядом с тобой на стволе дерева сидит самая большая бабочка мира. Агриппина, вылетай!

Казалось, ожил огромный кусок коры: это гигантская бабочка расправила свои серые с муаровыми прожилками крылья и полетела.

Черепаха, хотя и знала, что все бабочки безобидны, невольно спрятала голову под панцирь, когда исполинская Агриппина стала кружить над ней. Но это длилось недолго. Бабочка, неторопливо взмахивая огромными крыльями, перелетела на ствол соседнего дерева, сложила их и словно исчезла — слилась с корой.

— Чудеса! — восхитилась Черепаха.

— Да весь лес — это замаскированные или спрятавшиеся животные, — пояснил Палочник. — Те, кто в кронах деревьев прячутся — те зеленые. Видишь?

— Опять ничего не вижу.

— Да смотри же ты внимательней! Или, лучше, очки себе раздобудь. А то так и до беды недалеко. Здесь, в Южной Америке надо быть остроглазым. Вот на ветке зеленый крендель видишь?

— Вижу. Это лиана так свернулась.

— А вот и нет! Это — изумрудный удав. Он ни от кого не прячется, на ветке расположился открыто, а ведь не всякий догадается, что это змея.

— Ой, еще одно привидение! — воскликнула Черепаха. — Словно облачко пара вьется над цветком!

— Это еще одна мастерица маскировки. Бабочка-Итомида. Она не заметна на любом фоне.

— Почему?

— Потому что у нее крылышки совершенно прозрачные. Сядет она на цветок — будет как цветок, опустится на травинку — сольется с ней, приземлится на камень — и там ее не заметишь!

— А другие как маскируются?

— По-разному. Ленивец висит целый день неподвижно в кроне дерева, да еще зеленых водорослей в шерсти разводит — чтобы быть зеленым, незаметным. А другие, кто не умеет маскироваться, чтобы от врагов уберечься по норам или дуплам прячутся. Даже те, которые могут за себя постоять. Вон колючий Дикобраз из дупла выглядывает. Страшный Паук-Птицеед — и тот под корягой сидит.

— Смотри, какой трогательный лягушонок качается на листике, и ни от кого не прячется, — сказала Черепаха. — Вот кто самый беззащитный! Ах ты, маленький, иди сюда, я тебя посажу под свой панцирь, и ты будешь в полной безопасности. — И добрая Черепаха протянула лапу к лягушонку.

— Не трогай его! — закричал Палочник. — Это же самое опасное животное во всей Южной Америке!

— Почему? — удивилась Черепаха.

— Это Листолаз! Смертельно ядовитая лягушка! Сильнейший яд — это и есть его защита.

Черепаха быстро отдернула лапу от лягушонка.

— Тогда, чтобы никто им случайно не отравился надо рядом с этим Листолазом табличку повесить «Осторожно, ядовито!» — произнесла она. — Или лучше, чтобы он хорошо был замечен, надо его поярче расцветить.

Черепаша собрал самые яркие краски, которые можно было найти в цветках, ягодах и плодах и осторожно соломинкой раскрасила Листолаза.

С тех пор ядовитого ярко раскрашенного Листолаза все обитатели Южной Америки загодя обходят стороной.

ПОЧЕМУ ПИНГВИН НЕ ЛЕТАЕТ

Давным-давно, миллионы лет назад все было по-другому, и небо было не такое, и земля, и вода, и воздух, и деревья, и птицы тоже были другие.

Тогда и Пингвин был совсем другим. И хотя его окраска была такая же, как сейчас — белая снизу и черная сверху, но вот его тело выглядело совсем иначе. Пингвин тогда был очень стройный, длиннокрылый, а кроме всего прочего он умел летать. И не только летал, но делал это превосходно. Ни быстрокрылый сокол, ни стремительный стриж не могли состязаться с Пингвином в ловкости полета.

А был Пингвин такой быстрый легкий и стройный потому, что ему все время приходилось гоняться за своей добычей — стремительными стрекозами.

Но как-то раз, скользя на своих длинных крыльях над дубравой, он увидел Мухоловку.

Она ни куда не спешила, и лишь время от времени вспархивала и ловко ловила пролетающую муху. И, вероятно, потому, что она никуда не торопилась, а так же из-за того, что мух вокруг в лесу было много,

мухоловка выглядела весьма упитанной, а не такой поджарой, как Тингвин.

Тингвин сделал несколько кругов в воздухе, а затем сел на ветку, решив охотиться, так же как и мухоловка.

И у него это получилось! А так как Тингвин летал гораздо быстрее, чем мухоловка, то и мух ему удавалось поймать гораздо больше. Кстати, они оказались гораздо вкуснее, чем стрекозы. Поэтому уже через неделю Тингвин заметно поправился, а еще через одну неделю у него появились пухлые щечки, и к тому же он обзавелся солидным брюшком. Но реять в вышине уже не мог.

Однажды, сидя на своей ветке и карауля очередную муху, он увидел большого Лесного Голубя. Лесной Голубь никуда не летал, ни за кем не гонялся, а ходил себе под дубом и неторопливо клевал желуди.

— Надо же, — подумал Тингвин, — этот Голубь корма добывает больше чем я — вон какой он толстый. Надо попробовать.

Тингвин спланировал на землю, допрыгал до дуба и попробовал один желудь.

Сначала желуди ему не понравились. Они были твердые и горькие. Но Тингвин решил, что они, хотя и не очень вкусные, зато их очень много, и за ними не надо гоняться как за стрекозами или вспархивать как за мухами, и, что, пожалуй, теперь, он будет питаться только желудями.

Вскоре он привык к ним и через некоторое время так поправился, что стал толще голубя.

Неповоротливый пингвин уже не мог не только гоняться за стрекозами, но даже не мог взлететь на ветку, чтобы оттуда караулить пролетающих мух.

Так он гулял по дубраве, собирал желуди, жирел, и, однажды, выйдя на окраину леса, увидел бескрайнее пшеничное поле.

На этом поле жила Куропатка, которая была не только толще Лесного Голубя, но и толще самого Пингвина.

Оказывается, Куропатка не ловила стрекоз, не гонялась за мухами и не собирала желуди. Зато она все время бродила по земле и склевывала высыпавшиеся из колосков зерна.

Пингвин попробовал пшеничное зерно. Хотя оно было маленькое, гораздо мельче желудя, но такое вкусное, что Пингвин решил поселиться здесь.

Целыми днями он, подражая Куропатке, ходил по полю, клевал пшеничные зернышки и на тучных хлебах все толстел и толстел. Он стал таким тяжелым, и крылья у него стали такими короткими, что Пингвин еле-еле взлетал, и, пролетев совсем немного, плюхался на землю.

Однажды в жаркий день он так объелся, что ему очень захотелось пить.

Пингвин направился к реке, утолил жажду и присел отдохнуть в тени ивового куста.

На реке плавала утка-Крохаль, а над водой летали Крачка и Скопа. И все они ловили рыбу.

И Пингвину очень захотелось рыбки.

— Птицы, а птицы, пожалуйста, угостите меня! — кричал Пингвин.

Сначала к Пингвину подлетела Крачка и принесла ему маленькую плотвичку — не от жадности, а просто потому, что она сама была очень маленькая. И плотвичка показалась Пингвину очень вкусной.

Затем, неуклюже выбравшись на берег, к Пингвину проковыляла утка-Крохаль и подарила ему пескаря. И этот пескарь был еще вкуснее.

А потом прилетела Скопа и, разжав свои когтистые лапы, сбросила с высоты на землю рядом с Пингвином карпа. И этот карп оказался самым вкусным.

И Пингвин решил, что он больше не будет ловить стрекоз и мух, не будет собирать желуди и пшеничные зерна, а будет питаться только рыбой.

Но для этого надо было иметь когтистые лапы как у скопы, длинные острые крылья как у Крачки или перепончатые лапы как у утки.

Ничего такого у Пингвина не было. Но он не отчаивался. Пингвин подошел к берегу, решительно бросился в воду, нырнул, и принялся грести крыльями. И уже через несколько минут поймал свою первую добычу — колючего ерша.

С тех пор Пингвин не покидал речного берега, и почти все время проводил в воде.

Он стал искусным рыболовом, еще больше потолстел, крылья его превратились в ласты, а между пальцами ног появилась перепонка.

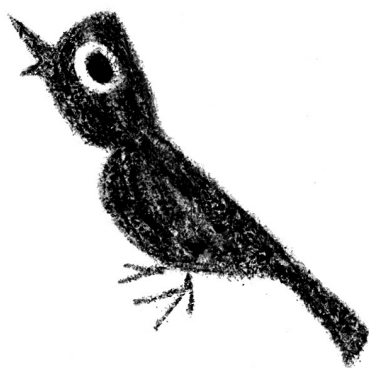
Теперь Пингвин совсем не походил на того стройного виртуозного воздушного акробата, которым он когда-то был.

Но Пингвин не жалел об этом. Он свыкся и с водой, и с рыбной диетой. К тому же он переселился из реки туда, где рыбы больше — в море.

В теплом море Пингвину стало жарко, и он поплыл на север, в Ледовитый океан, там, где полным-полно льдин. Только Пингвин забрался на одну из них, как на него тут же набросился огромный Белый Медведь. Быстро спрыгнул насмерть перепуганный Пингвин в воду и поплыл искать в морях и океанах место, где всегда были бы льдины, но не было бы страшных медведей.

В своих скитаниях добрался, наконец, Пингвин до Южного Полюса, до самой Антарктиды, где не было ни белых, ни бурых, ни черных медведей. Там вообще никого не было.

С тех пор толстый Пингвин с удовольствием, никого не опасаясь, гуляет по льдинам Антарктиды, а когда хочется размяться или проголодается — бросается в воду — поплавать, да заодно и рыбку половить.

ПОЧЕМУ СОЛОВЕЙ ТАКОЙ НЕВЗРАЧНЫЙ

Когда-то, давным-давно, самой яркой и самой пестрой птицей был соловей.

Его оперение переливалось всеми цветами радуги: горлышко было красное, грудка — оранжевая, брюшко — желтое, крылья — зеленые, спинка — голубая, головка — синяя, а хвостик — фиолетовый.

Но вот беда — соловей, имевший столь удивительную окраску, был совсем лишен голоса. А ему так хотелось петь!

Думал-думал соловей, как заполучить голос. И решил он обменять свой чудесный наряд на чье-нибудь красивое пение.

Но самые лучшие пернатые певцы — славка-черноголовка, певчий дрозд и садовая камышевка отказались от такого предложения. Тогда соловей стал выменивать у разных птиц по одной ноте.

Однажды он увидел в ивовом кусте серенькую птицу-чечевицу, которая, взъерошив перышки на горле, пела незатейливую песенку.

— Птица-чечевица, — сказал ей соловей, — давай меняться — я дам тебе любую краску из моего оперения, а ты мне за это подаришь одну ноту из твоей песенки.

Птица-чечевица, подумала-подумала, забрала у соловья красный цвет и окрасила им свою голову. А соловей взял у нее ноту «до».

И хотя у самого соловья горлышко стало серым, он не унывал — ведь у него оставалось еще целых шесть цветов, и самое главное — у него была своя собственная нота, нота «до»!

Соловей попробовал петь. Но песня, звучавшая на одной ноте, ему не нравилась, и он стал искать другую пичугу, чтобы обменяться и с ней.

В еловом лесу, на вечерней заре, он встретил еще одну серенькую птичку, которая очень красиво щебетала.

— Птица-зарянка, — обратился к ней соловей, — возьми у меня любой цвет, а мне дай взамен одну ноту из твоей песенки.

Птица-зарянка взяла у соловья оранжевую краску для своей грудки. Грудка у самого соловья тут же стала серой, но зато он получил взамен ноту «ре».

Теперь песня соловья состояла уже из двух нот — «до» и «ре».

Но соловей вскоре понял, что для настоящего певца две ноты все же маловато и он полетел искать другую птицу.

И вскоре он ее нашел. На вершине огромного дуба сидела невзрачная — серая с черными крыльями птица и высвистывала красивую флейтовую мелодию.

— Птица-флейта, — сказал соловей — две ноты у меня уже есть, подари мне еще одну, а я за это я отдам тебе любой цвет моего оперения.

Иволга (так называют птицу-флейту) выбрала себе желтый цвет, и брюшко у соловья стало серым. Взамен же соловей получил ноту «ми».

Но и на трех нотах что споешь? И соловей принялся искать другие ноты.

Как-то раз он увидел, что над зарослями невысоких елочек с песенкой летает серая птичка. Она не только красиво пела, но иногда жужжала, как игрушечный заводной автомобильчик.

— Птичка-жужжалка, давай меняться, — сказал соловей, — я дам тебе одну краску, а ты мне одну ноту, но только не твое жужжание. Мне нужна настоящая, чистая нота.

Подумала птичка-жужжалка, и отдала соловью ноту «фа», а взамен взяла зеленую краску. Ею птичка окрасила все свое оперение и с тех пор стала зваться зеленушкой.

У соловья крылья стали серого цвета. Однако соловей не унывал — ведь теперь у него было целых четыре ноты, и поэтому песенка у него уже получалась вполне приличная. Но он хотел стать великим певцом, а для этого и четырех нот явно не хватало.

Однажды на берегу реки он встретил длинноклювую короткохвостую птицу с серой спиной и оранжевым брюшком.

— Наверное, это зарянка с ней поделилась моим оранжевым цветом, — подумал соловей.

Птица сидела над водой на ветке, издавая громкий прерывистый писк. Иногда она бросалась в воду и возвращалась на ветку с рыбкой в клюве.

— Птица-рыболов, — сказал соловей — давай меняться. Я тебе дам любую из моих трех оставшихся красок, а ты мне подари свою ноту.

Птица-рыболов (которую еще называют зимородком) согласилась. Соловей получил ноту « соль »,

а зимородок выбрал себе голубой цвет. С тех пор у зимородков спинка ярко-голубая.

Почти все оперение соловья стало серым — только его шапочка была синяя, а хвостик — фиолетовым. Но зато теперь у него было целых пять нот! И все же ему хотелось петь еще лучше, и соловей пустился на поиски птиц, у которых можно было раздобыть две оставшиеся ноты октавы — «ля» и «си».

Одну из этих птиц он нашел в темной сибирской тайге. Невзрачная птичка очень красиво пела, сидя на вершине пихты.

— Таежная птичка, — обратился к ней соловей, — отдай мне одну твою высокую ноту, а я за это подарю тебе на выбор синий или фиолетовый цвет.

Птичка выбрала синюю краску. Ею она окрасила головку, спинку и даже хвостик. С тех пор эту птичку зовут синехвосткой.

Соловей, получив еще одну ноту — ноту «ля», лишился своей прекрасной синей шапочки. Теперь все оперение его было почти сплошь серым, только хвост оставался фиолетовым.

Соловей стал очень хорошим певцом. Но ему очень хотелось, чтобы его песня была самой лучшей. А для этого ему не хватало всего одной последней ноты октавы — ноты «си».

Долго-долго искал соловей птицу с нотой «си». Летал он и по лесам и по полям, и по степям, и по болотам, порхал над реками, залетал даже в тундру и на морские берега, но нигде, совсем нигде он не находил птицу с нотой «си». И вот однажды, в высоких горах, соловей услышал удивительный свист. Свист был настолько чистым и громким, что перекрывал шум водопада.

Соловей полетел на голос и вскоре обнаружил певца — серую, похожую на дрозда птицу.

— Птица-свистун, — сказал соловей, — мне очень нравится твой голос, и я бы хотел, что бы ты мне подарила ноту «си». Но, к сожалению, я могу тебе предложить на обмен только одну краску — фиолетовую.

— Я согласна, — ответила птица. — Этот редкий цвет мне по нраву.

Обрадовался соловей и отдал птице фиолетовую краску, которой оказалось столько, что ее хватило на все тело птицы. С тех пор эта птица зовется лиловым или фиолетовым дроздом.

Соловей, собравший, наконец, все семь нот, вернулся к себе домой — в свою соловьиную рощу. Там он опробовал, хорошо ли все эти ноты звучат.

Оказалось, что птица-свистун дала ему не только ноту «си», но и подарила соловьиному голосу необычайную громкость.

Поэтому когда соловей взял первый аккорд, все остальные пернатые в изумлении замолкли.

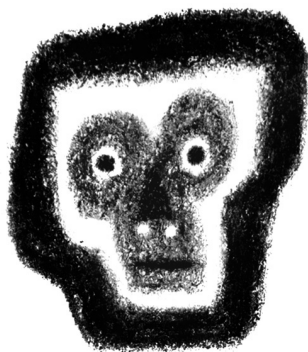
— Кто ты, неведомый чудесный певец? — спрашивали чечевица, зарянка, иволга, зеленушка и другие лесные птицы.

— Я соловей, — отвечал он им.

— А где же твое великолепное радужное оперение?

Соловей, ничего не ответив, полетел к ручью и посмотрел на свое отражение. И увидел птицу, у которой все перья были скромного серого цвета. Соловей застыдился своих серых перышек и скрылся в густых зарослях.

С тех пор соловья очень трудно заметить, потому что он постоянно прячется. И поет соловей только в сумерках или ночью — когда все остальные птицы спят и не могут видеть его неказистую внешность.

ПОЧЕМУ У ГИББОНА ТАКИЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Давным-давно в тропическом лесу у развалин старого заброшенного храма жили обезьяны.

Питались они различными фруктами, которые в изобилии росли поблизости, а все свое свободное время проводили в праздности: играли, ссорились, отдыхали или поджидали редких паломников, которые приносили обезьянам что-нибудь вкусненькое.

Но была среди них одна очень любознательная обезьяна. И не просто любознательная, а очень, очень любознательная.

Звали ее Беспалой, так как на каждой руке у нее не хватало по одному пальцу.

Беспалая, в отличие от своих сородичей, не сидела все свое свободное время около заброшенного храма. Нет! Эта обезьяна постоянно бродила по лесу. Поэтому она видела очень много интересного.

А так как это была не только очень любознательная, но и очень общительная обезьяна, то она, каждый вечер, возвращаясь домой, она и рассказывала другим обезьянам то, что видела за день.

Однажды Беспалая углубилась в джунгли на целую милю и на поляне встретила удивительную бабочку. Крылья у бабочки были огромные и разноцветные, словно расписные паруса корабля. Бабочка парила в вышине, а Беспалая следила за ее полетом до тех пор, пока та не скрылась за деревьями.

Вечером, когда вся стая обезьян собралась в старом заброшенном храме, Беспалая рассказала о своем путешествии:

— Бабочка была такая красивая и такая большая-большая...

— Как этот лист? — перебила одна из ее товарок, указав на лист фикуса.

— Нет, гораздо больше, — и Беспалая развела руки, показывая, какая огромная была бабочка.

Обезьяны громко рассмеялись, так как они были уверены, что таких бабочек не бывает.

Однако на следующее утро над развалинами храма пролетела та самая бабочка с огромными расписными крыльями. И все обезьяны, от удивления раскрыв рты, смотрели на нее. А Беспалая обнаружила, что ее руки вдруг немного удлинились.

Она снова отправилась на прогулку и на этот раз углубилась в джунгли еще дальше.

Проголодавшись, Беспалая залезла на дерево в надежде чем-нибудь подкрепиться. На самой вершине она обнаружила, что плоды манго ест, чавкая от удовольствия, какой-то зверек с лисьей мордочкой. При этом зверек поедал их, зацепившись задними лапами за ветку и повиснув вниз головой.

Насытившись, зверек сорвался вниз, но не разбился. Оказалось, что вместо передних лап у него были большущие кожистые крылья, которые он раскрыл и, медленно взмахивая ими, полетел прочь.

— Сегодня я видела летучую лисицу, — сказала вечером в заброшенном храме Беспалая.

— И она, конечно же, гонялась за летучими зайцами, — засмеялись обезьяны.

— Вовсе нет, — возразила Беспалая. — Она ела сладкие сочные плоды манго. И у нее действительно были крылья — вот такие широкие, — и Беспалая развела в стороны свои руки.

— Такого не может быть! — закричали обезьяны. — У лисиц не бывает крыльев, и они не летают!

Но в это время над ними в наступающих сумерках пролетела летучая лисица, медленно взмахивая своими кожистыми крыльями.

Удивленные обезьяны замолкли, а Беспалая заметила, что ее руки еще чуть-чуть вытянулись.

Через несколько дней Беспалая вновь ушла гулять. И на одной большой солнечной поляне она увидела ящерицу. Но не такую, которую она видела раньше: маленькую и юркую, а очень большую и неуклюжую.

Испуганная Беспалая быстро прыгая с ветки на ветку вернулась к заброшенному храму.

— Сегодня я видела удивительную ящерицу. Вот такую! — и Беспалая руками показала, какая гигантская была ящерица.

— Таких ящериц не бывает, — ответили ей обезьяны. Всем известно, что ящерицы маленькие, греются на солнышке и охотятся на мух.

Но в это время мимо храма медленно проковылял громадный Варан. Это была та самая ящерица, о которой рассказывала Беспалая. И все обезьяны, на всякий случай забравшись повыше на камни, с любопытством рассматривали Варана. А Беспалая заметила, что ее руки опять подросли.

Теперь руки у Беспалой стали настолько длинными, что она на следующее утро отправилась в свое путешествие не по земле, а по ветвям деревьев. На своих длинных руках теперь обезьяна передвигалась по ветвям гораздо быстрее, чем раньше.

На этот раз на опушке она увидела странного зверя. Зверь с аппетитном уплетал свежую траву, росшую на берегу лесной речки, а на носу зверя был огромный рог.

Беспалая тут же заспешила к старому храму, чтобы рассказать сородичам о необычном животном.

— ...А на носу у него один-единственный рог. Вот такой длины, — и Беспалая раскинула руки.

И опять обезьяны не поверили ей.

— Всем известно, что рогов у зверей всегда бывает по два: что у буйвола, что у козы, что у коровы. А однорогих зверей в природе не существует!

Но в это время мимо старого заброшенного храма прошел Носорог. И все обезьяны с изумлением рассматривали его. А руки у Беспалой еще немного удлинились.

На следующий день она вновь отправилась путешествовать по ветвям деревьев. Сначала на земле она заметила огромный цветок. Он был больше колес тех повозок, на которых к храму иногда приезжали люди.

Беспалая спустилась к цветку, чтобы его получше рассмотреть, и вдруг обнаружил еще одно чудо. На поляне стоял исполинский серый зверь. У него был длиннющий нос и клыки. И еще он громко трубил!

— И он громко трубил! — настаивала Беспалая, добравшись до старого заброшенного храма, — и был большущий, как гора, — и, как всегда, Беспалая развела руки.

Обезьяны только смеялись.

— Да! — настаивала Беспалая. — А еще я видела огромный цветок!

— Вот такой? — спросила, передразнивая Беспалую, одна из обезьян, взмахнув руками.

— Нет еще больше!

И все обезьяны прыснули от смеха.

Но они замолчали, когда вечером мимо заброшенного храма проследовал Слон, и в хоботе у него был зажат невероятных размеров цветок Раффлезии. А руки Беспалой еще чуть-чуть выросли.

Теперь Беспалая на своих очень длинных руках уже не лазила по деревьям как другие обезьяны, а поочередно перехватывая ветви то правой, то левой рукой перелетала с дерева на дерево так ловко, что ее товарок только дух захватывало от зависти.

На следующий день, направляясь на прогулку, она встретила огромную змею, которая быстро ползла к их храму. Туда же припустилась и Беспалая — предупредить обезьян о надвигающейся опасности.

— Я видела..., — задыхаясь, крикнула она с дерева своим сородичам, — ...видела огромную змею! — и она по привычке развела руки. — Она такая длинная, как самая длинная лиана. И она ползет сюда! Спасайтесь! — и первая бросилась наутек.

— Мы не верим тебе! — закричали ей вслед глупые обезьяны, — таких огромных змей не бывает!

Но в это самое время в старый заброшенный храм вполз гигантский Питон и пришипел:

— Видите ли вы меня, обезьяны?

Но это уже совсем другая история.

А ту длиннорукую обезьяну до сих пор встречают в кронах самых высоких деревьев. Ученые дали ей научное имя — Лесной Скороход. Называют ее также и Гиббоном.

ПОЧЕМУ ФРЕГАТ НЕ УМЕЕТ ПЛАВАТЬ

Много в океане рыбы. Всем хватает. Только сумеи ее поймать. Вот и ловят рыбу морские птицы, и каждая по-своему.

Кроме того, эти пернатые рыболовы еще и удивительные красавцы.

Главное украшение маленькой сизой Крачки Инка — ее чудесные белые «усы». Весь день без усталости порхает над самыми волнами маленькая Крачка, подхватывая тоненьким клювом зазевавшихся рыбешек-мальков.

Огромному розовому Пеликану и рыба нужна большая. А большую рыбу маленьким тоненьким клювом, как у Крачки не поймаешь. Поэтому Пеликан обзавелся огромным клювом-сачком. Опустит голову Пеликан под воду, подцепит рыбу, голову поднимет, лишнюю воды из клюва выльет, а добычу проглотит.

У Фазона оперение тоже розовое, под цвет утренней зари. А кроме того в хвосте у Фазона два красивых ярко-красных длинных пера. Охотится Фазон

по-другому. Зависнет невысоко над волнами, заметит рыбу, прицелится, камнем упадет в воду и схватит добычу.

Но куда Фазтону тягаться с Олушей! Вот кто мастер пикирования! С большой высоты падет, словно копье, олуша в море, нырнет, и добудет рыбу хоть с десятиметровой глубины. Есть свое украшение у Олуши — ее замечательные голубые лапы. Ни с кем ее не спутаешь.

Но не может Олуша сравниться в искусстве ныряния с Бакланом. Мощно гребет Баклан под водой перепончатыми лапами, глубоко ныряет, может долго задерживать дыхание, и поэтому никакая рыба не ускользнет от него. Гордится Баклан своими пронзительно голубыми глазами и черно-белым фракком.

Хороша легкокрылая Крачка, величественен пролетающий над морем огромный Теликан, легко, словно пушинка, летает над гребнями волн Фазтон, не оторвать глаз от стремительно падающей в воду Олуши, или великолепного пловца Баклана.

Но когда-то всех краше был прекрасный белоснежный Фрегат.

Недаром моряки, впервые увидев эту птицу над океанскими просторами, назвали ее в честь самого красивого и самого быстроходного корабля под белыми парусами.

Не только красотой превосходил всех морских пернатых Фрегат. Самый быстрый и самый ловкий был его полет. Красив Фрегат был и когда скользил по ровной поверхности спокойного моря. Не было ему равных ни в плавании, ни в нырянии: мощно греб Фрегат своими перепончатыми лапами. Нигде не могла скрыться рыба от Фрегата — ни на поверхности, ни у самого берега, ни на глубине. Поэтому слыл Фрегат самым искусным рыболовом.

Фрегат каждый день добывал столько корма, что хватало не только ему самому, но и всем его пернатыми морским соседям. Фрегат делился пойманной рыбой и с Пеликаном, и с Бакланом, и с Олушей, и с Крачкой, и с Фэтоном.

Все они принимали подарки.

Но все завидовали ему черной завистью.

Фэтон завидовал его красоте, Крачка — его выносливости, Олуша — его скорости, Баклан — тому, что Фрегат обгонял его под водой, а Пеликан завидовал ему без причины, просто завидовал, и всё.

И вот как-то раз Крачка, Фэтон, Пеликан, Олуша и Баклан собрались все вместе и решили известить Фрегата.

Сначала обратились они к зубастой Барракуде. И та согласилась проглотить Фрегата, потому, что он слишком много ловил тех сардин, которых могла бы поймать сама Барракуда. Дождалась момента Барракуда, когда Фрегат однажды нырнул, и бросилась на птицу. Да где ей было угнаться за стремительным Фрегатом! Рванулся он вверх и взлетел над волнами!

Потом Баклан нашел в глубине океана огромного Кальмара. И тот пообещал сгубить белоснежную птицу. Но и тут заговорщиков ждало разочарование: сумел-таки Фрегат избежать длинных смертоносных щупалец.

Тогда Пеликан слетал к самому горизонту и принес оттуда в клюве ядовитую полосатую морскую змею, которая пообещала ужалить Фрегата.

И вот однажды, когда Фрегат, ничего не подозревая, легко плыл по волнам, к нему снизу приблизилась морская змея, и покусала его перепончатые лапы.

Фрегат закричал от боли, взвился в воздух и, обливаясь слезами, полетел над морем к ближайшему острову.

Его лапы от яда ссохлись и стали такими маленькими, что Фрегат уже не способен был ни плавать, ни нырять, а мог лишь неуклюже ковылять по земле.

От черного змеиного яда оперение Фрегата изменило цвет — из белоснежно-белого оно стало черным, как самая глухая ночь.

Страдал на берегу Фрегат не только от боли, но и от голода — ведь его маленькие лапки теперь не годились ни для плавания, ни для ныряния, а значит не мог он рыбачить как прежде. Еще горше было ему оттого, что со своего острова он видел, как совсем рядом ловят рыбу те птицы, которым он совсем недавно бескорыстно помогал — Фаэтон, Крачка, Теликан, Баклан и Олуша. И ни одна из них не принесла ему даже самой маленькой сардинки!

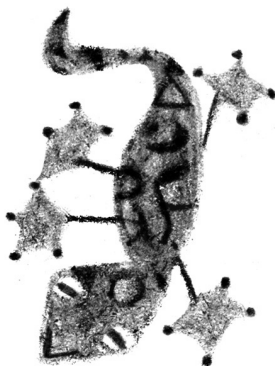
Черный змеиный яд растекся по всему телу Фрегата. Проник он и в самое сердце. Но Фрегат не умер, просто его сердце загрубело, и стал Фрегат злым и безжалостным.

Жестокосердного Фрегата нельзя было узнать. Теперь он не помогал птицам, а грабил их — ведь сила его крыльев осталась прежней, и летал он так же превосходно.

Лишь только парящий в поднебесье Фрегат видел, как Крачка, Олуша, Баклан или даже огромный Теликан добывали рыбу, как Фрегат, словно черная молния, падал вниз, пребольно бил свою жертву острым клювом до тех пор, пока та, бросив добычу, спасалась бегством.

Фрегат на лету хватал в панике брошенную рыбу, быстро глотал ее, взмывал на своих черных крыльях вверх и оттуда, с высоты, караулил следующую птицу.

От красивого быстроходного белоснежного парусника у Фрегата осталось только имя. Сам же он стал похож на стремительный пиратской бриг с черными парусами.

КАК ГЕККОН НАУЧИЛСЯ ХОДИТЬ ПО ВОДЕ

В жарких странах живут удивительные ящерицы — гекконы. Они замечательны тем, что облизывают свои большие глаза длинным языком, для того, чтобы удалить прилипшие пылинки. А еще они прекрасно видят ночью, в полной темноте, кроме того, они умеют пищать, стрекотать, лаять и квакать. Но, самое удивительное заключается в том, что гекконы могут ходить не только по земле, но и по стволам деревьев, по гладким стенам, стеклам окон и даже по потолку.

Однажды крохотный Геккончик, живущий в лесу Бразилии, задумался:

— А что если мне попробовать пройти и по воде?

Но у него ничего не получилось.

Тогда Геккончик отправился путешествовать, чтобы у кого-нибудь научиться этому искусству.

Первым его наставником была ящерица-Василиск. Василиск славился тем, что мог быстро перебегать по воде через бразильские реки.

— Надо стать очень сильным, — внушал Василиск своему ученику. Тренируйся каждый день, добейся, чтобы твои мускулы были крепкими как сталь, упругими как каучук и быстрыми, как полет колибри. И тогда ты сможешь передвигаться по поверхности и реки, и озера, и моря. Верь мне.

Геккончик очень долго тренировался, накачал мускулы, но вода по-прежнему не держала его.

— Ничего, — успокаивал его Василиск, — тренируйся дальше.

Но вскоре Геккончик решил покинуть Василиска. Это произошло однажды, когда Василиск, замедлив свой бег по ручью, неожиданно провалился в воду и вплавь достиг берега.

— Учитель, — спросил Геккончик Василиска, — почему это случилось? Почему ты не дошел до берега, а доплыл?

— Дело в том, — смущенно ответил Василиск, что я не могу ходить по воде — я могу по ней только быстро бегать.

— Но мне бы хотелось не бегать, а именно ходить по воде, — произнес Геккончик. И даже стоять.

— Этому я не могу тебя научить, — честно признался Василиск, — ищи себе другого наставника. На соседнем озере живет колдунья, птица-Якана. Говорят, что она может ходить по воде.

Геккончик отправился в путь и вскоре оказался на берегу небольшого заросшего водяными лилиями озера. Там птица-Якана действительно неторопливо ходила по воде.

— Научи меня этому, — попросил Геккончик. — Я буду прилежным учеником и стану упражняться столько, сколько ты скажешь.

— Хорошо. Я возьму тебя в ученики, — отвечала Якана. — Я помогу тебе научиться ходить по поверхности воды с помощью волшебных палочек.

— Волшебных палочек? — недоверчиво произнес Геккончик, — разве такие существуют?

— Вот они, — и Якана показала на свои лапки с очень длинными пальцами. — У меня эти волшебные палочки от рождения. А тебе придется их добыть. Найди дерево цекропию, сорви с него двадцать тонких веточек и приходи с ними ко мне.

Геккончик нашел в Бразилии дерево цекропию, но сразу сорвать веточки он не смог, так как дерево защищали полчища злых муравьев. Геккончик дождался ночи, и когда все муравьи уснули, быстро забрался по вертикальному стволу цекропии наверх (вы, конечно, помните, что он ловко мог ходить не только по стволам деревьев, но даже по потолку), и сорвал двадцать длинных тонких веточек — ровно по числу своих пальцев.

Наутро он вернулся к озеру, на котором жила Якана. Она внимательно осмотрела веточки, принесенные Геккончиком, и осталась довольна.

— Прикрепи паутиной эти волшебные палочки к своим пальцам, — приказала она.

Геккончик так и сделал.

— А теперь иди ко мне. Ступай сюда, — и она указала на маленький тонкий листик водяной лилии.

Геккончик поставил на него лапку с волшебными палочками, листик качнулся, начал погружаться, но геккончик уже переступил на другой, а затем и на следующий.

— Вот видишь, все просто! — воскликнула Якана. — Мои амулеты — то есть эти волшебные палочки — помогли тебе. Пойдем, погуляем. Следуй за мной.

Гуляли они по озерку недолго, до того момента, когда Геккончик поставил свою лапку не на листик водяной лилии, а просто на поверхность воды — туда где никаких листьев не было. И Геккончик стал тонуть.

Якана подхватила ученика клювом за шею и поставила с собой рядом на лист водяной лилии.

— Я забыла тебе сказать одну вещь, — сказала Якана ошарашенному Геккончику. — Эти волшебные палочки действуют только там, где на поверхности плавают листья растений, пусть даже самые маленькие — такие, как листочки ряски. На чистой поверхности воды сила амулетов пропадает.

— Спасибо учитель, — произнес опечаленный Геккончик, — но мне все-таки хотелось научиться ходить по воде, а не по листьям.

— Тогда тебе надо пойти к другому наставнику. Это птица-чародейка. Звать ее Качурка. Попробуй найти ее. Может быть, она тебе поможет.

И Геккончик после долгих скитаний оказался на берегу моря, где и нашел птицу Качурку — своего третьего учителя.

Качурка на цыпочках, высоко подняв крылышки, легко шла по волнам.

— Я хочу стать твоим учеником, — крикнул ей с берега Геккончик. — Я буду очень стараться. Если надо я буду усиленно тренироваться, если надо — я добуду талисманы и амулеты, какие ты скажешь.

— Тренировать твои мышцы не надо, — ответила Качурка, — и редкие талисманы тебе тоже не придется искать.

— А что же мне делать?

— Произнеси заклинание: «По воде аки по суху», встань на цыпочки и шагни на волну. Верь мне!

Геккончиктаксделал: произнесзаклинание, встал на цыпочки и шагнул на волну. И тут же ушел под воду. А следующая волна вынесла незадачливого ученика на берег.

— Наверное, ты слишком тяжелый, — предположила Качурка. — поголодай пару недель, сбрось вес,

а потом попробуй еще. А, кроме того, каждый день 1000 раз повторяй мое заклинание.

Геккончик полмесяца ничего не ел, совсем исхудал, его язык устал от заклинаний, но когда он снова попробовал пройти по воде, у него снова ничего не вышло.

— Совсем забыла тебе сказать, — произнесла Качурка, глядя на мокрого, выбирающегося на берег Геккончика. — Есть один маленький секрет. Для тех, кто хочет бегать по морским волнам, так же как и я, надо немного помогать себе крыльями.

— Проще говоря, летать? — догадался Геккончик. — То есть на самом деле ты не ходишь по воде, а летаешь над ней, опустив в волны свои лапки? Так ведь это же настоящий обман!

— Считай, как хочешь! Прощай! — рассердилась Качурка и упорхнула прочь.

А раздосадованный Геккончик направился домой, в свой лес.

Проходя мимо большой лужи, он задержался и с грустью произнес:

— Так мне и не удалось научиться ходить по воде.

— А ведь это так просто, — негромко произнес кто-то.

Только сейчас Геккончик заметил, что на поверхности лужи прогуливается небольшое стройное насекомое с длинными тонкими ножками. Идет и не тонет!

— Кто ты, учитель? — воскликнул Геккончик. — Возьми меня к себе в ученики. Я хочу, как и ты ходить по воде.

— Звать меня Водомерка. Но я вовсе не учитель, — и, увидев, что Геккончик погрузился, добавила, — но я могу тебе помочь.

— Что я должен сделать? Скажи!

— Просто надо ...

— Тренироваться, добыть амулет, выучить заклинание? — перебил ее Геккончик.

— Ничего этого не потребуется, — терпеливо продолжила Водомерка. — А надо поверить в себя. В то, что ты это можешь сделать. И у тебя наверняка получится. Говорят, что давным-давно, много веков тому назад, на далеком материке Европа, жила ящерица Саламандра, которая уверовала, что может пройти по огню. И она не только прошла по нему, но стала жить в пламени костров, печей и каминов. А ты поверь в то, что ты можешь ходить по воде. Представь себе, что вода этой лужи — просто ровное стекло, по которому ты сможешь пройти.

Геккончик сел на берегу, очистил свои большие глаза язычком и сосредоточился. Он долго, очень долго пристально смотрел на воду. И ему действительно показалось, что перед ним не обыкновенная лужа, а огромное чистое зеркало.

Геккончик шагнул. Вода немного подалась, но выдержала. Геккончик сделал еще шаг, еще один, потом еще.

— Учитель! — воскликнул восхищенный Геккончик — Я понял! Все просто! Надо только поверить! Поверить в себя! И тогда ты сможешь ходить не только по потолку, но и по воде!

— И даже по огню, — добавила Водомерка. — А некоторые ящерицы, поверив в себя, научились летать.

БЫЛАЯ СЛАВА

На берегу реки у самой кромки воды лежала запечатанная, омываемая волнами бутылка. На ее этикетке был изображен бородатый стражник в красном камзоле и с алебардой на плече.

Вот именно около этой самой обычной бутылки произошла удивительная и совершенно необыкновенная история.

Как-то раз здесь встретились четыре приятельницы: ящерица, трясогузка, землеройка и уклейка. Встретились просто так — поболтать. Сначала они разговаривали о том о сём, о своих лесных, полевых, воздушных и водных знакомых. Потом начали хвастать, кто ловчее, храбрее и добычливее всех, кто больше всего поймал мошек, жуков и комаров. Затем принялись вспоминать свою родню, и кичиться своими предками. И каждая утверждала, что ее родственники были самыми большими, самыми сильными, самыми непобедимыми и самыми страшными.

Скорее всего, этот спор закончился бы ничем, если бы из ближайшего леса не прилетела бы маленькая бабочка и не села бы на берег. К ней тот-

час устремились наперегонки землеройка и ящерица. Только ящерица прицелилась схватить бабочку, как та взлетела. Тогда за ней понеслась трясогузка. Бабочка снизилась к самой воде, и тут, пытаясь ее поймать, из глубины выпрыгнула уклейка. Но рыба промахнулась, и, обдав бабочку водой, отбросила ее на назад, на берег, прямо к бутылке.

Первой к мокрой бабочке снова подроспела юркая ящерица. Но ее оттолкнула землеройка, на которую в свою очередь спикировала трясогузка. Через секунду ящерица, зверек и птичка отчаянно тузили друг друга, а уклейка из реки сердито брызгала на них водой. В это время бабочка с намокшими крыльями забралась на цветок одуванчика и оттуда наблюдала за потасовкой.

Наконец драчуны устали, разошлись и отдышались. Трясогузка поправила перышки, землеройка почистила шерстку, ящерица стряхнула со своей шкурки песчинки; успокоилась и уклейка.

Потом все расположились вокруг той самой бутылки, на которой, как вы помните, был изображен бородатый стражник в красном камзоле и с алебардой на плече, и стали держать совет, кому все-таки должна достаться бабочка.

— Давайте сделаем так, — предложила трясогузка. — Силы у нас всех примерно равные и мы можем драться хоть до вечера, но так ничего и не добьемся. Но та, кто докажет, что ее родственники самые сильные и могучие, та и получит эту бабочку.

Они вновь начали спорить, но так ни до чего и не договорились.

— Этак у нас ничего не выйдет. Надо бы нам найти того, кто бы нас рассудил по справедливости, — сказала трясогузка.

— Я могу это сделать, — слышался приглушенный голос.

— Кто это сказал? — спросила птичка.

— Не я, — пропищала землеройка. — Это, наверное, ящерица.

— Не я, — запротестовала ящерица, — Это, наверное, уклейка.

— Не я, — сказала рыба.

— Так все же, кто это? — настаивала трясогузка.

— Это я, — слышался все тот же голос.

— Кто ты? — спросила трясогузка.

— Где ты? — поинтересовалась землеройка.

— Мы тебя не видим! — хором произнесли ящерица и уклейка.

— Я Джинн, — отвечал им загадочный собеседник. — А не видите вы меня, потому, что я в бутылке. Отвинтите пробку, я выйду и исполню желание каждой из вас.

Ящерица, землеройка и трясогузка, поднатужившись, открутили своими лапками пробку. Только они это сделали, как из бутылки повалил густой белый дым и перед ними предстал огромный Джинн — точь-в-точь каким он был изображен на этикетке — бородатый стражник в красном камзоле и с алебардой на плече.

— Слушаю и повинуюсь, — прогремел его голос, похожий на раскаты грома. — Я выполняю по одному желанию каждой. Приказывайте!

— Сначала мое, мое желание, — торопливо прошептала трясогузка. — Пусть перед нами предстанет моя родственница — самая большая, самая могучая птица, которая когда-либо существовала на Земле.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Сейчас здесь появится птица и такая огромная, что ее прозвали Ужасной Птицей или Динорнисом. Она жила 200 лет тому назад, — проревел Джинн, взмахнул своей алебардой и произнес заклинание:

Ордовік, карбон, триас!
Пролетай зон за час!
Время быстро вспять лети,
Нам Динорниса найди!

И тут же на берегу реки возникла гигантская птица Динорнис. Ноги ее были как колонны, голова на длинющей шее достигала вершин деревьев. А вот крыльев у Динорниса не было совсем. Птица медленно приближалась к собравшимся на берегу, и земля содрогалась от каждого ее шага.

Трясогузка, землеройка и ящерица затрепетали от страха, а уклейка нырнула в глубину.

Первой опомнилась землеройка.

— А теперь, пусть появится мой родственник — самый ужасный зверь. Посмотрим, кто сильнее! — пискнула она.

— Будь по-твоему! Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Ужасный Зверь, Динотерий, тот, который жил десять миллионов лет назад, покажись! — воскликнул Джинн, взмахнул своей алебардой и произнес заклинание:

Ордовік, карбон, триас!
Пролетай зон за час!
Время быстро вспять лети,
Динотерия найди!

Только Джинн это произнес, как из-за поворота реки на мелководье вышел огромный слон. Вернее этот зверь был очень похож на слона, но в два раза больше, а кроме того, его огромные бивни были направлены не вверх, как у настоящего слона, а вниз.

Ужасный Зверь Динотерий растопырив уши и, поднимая тучи брызг, бросился на Динорниса.

Ужасная Птица Динорнис с испуганным кудахтаньем, пустилась наутек и скрылась в ближайшем лесу.

А Динотерий остановился у самого берега, поднял вверх хобот и победоносно затрубил.

Когда смолк его рев, все услышали тихий голос уклейки.

— А теперь, о великий Джинн, сделай так, чтобы в этой реке появилась моя родственница — самая большая, самая страшная рыба, — произнесла уклейка.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Твоя самая страшная родственница — это Ужасная Рыба Динихтес. Она жила сотни миллионов лет назад. Смотрите и трепещите! — воскликнул Джинн, и, взмахнув алебардой, произнес заклинание:

Ордовик, карбон, триас!
Пролетай зон за час!
Время быстро вспять лети,
Нам Динихтеса найди!

И в тот же миг из речной глубины всплыла десятиметровая рыба. Громко щелкая огромными острыми зубами Ужасная Рыба Динихтес бросилась к Ужасному Зверю Динотерию. Тот, прижав от страха уши и опустив хобот, выбежал на берег и скрылся в том же самом лесу, где уже пряталась Ужасная Птица Динорнис. А раздосадованная Ужасная Рыба Динихтес выпрыгнула из воды и своими смертоносными челюстями в ярости перекусила напополам ствол нависающей над рекой столетней ивы.

— Ну, а теперь твое желание, — обратился Джинн к ящерице.

— Покажи нам мою родственницу по имени Ужасная Ящерица.

— Давным-давно на Земле царил многочисленный и могущественный клан, все соплеменники которого назывались Ужасными Ящерицами. Кого тебе из них показать?

— Покажи их всех! Пусть они все перед нами появятся!

— Но это будет очень страшно!

— Очень хорошо! Это мое желание! Я настаиваю!

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! Ужасные Ящеры, Динозавры, явитесь! — произнес Джинн, снова взмахнул своей алебардой и произнес заклинание:

Ордовик, карбон, триас!
Пролетай эон за час!
Время быстро вспять лети,
Динозавров нам найди!

И Динозавры явились. И с каждым мигом их становилось все больше и больше.

По реке побрели Бронтозавры такие огромные, что Ужасная Рыба Динихес, казавшаяся рядом с ними мальком, от испуга выпрыгнула на берег. Из леса с кудахтаньем выбежала испуганная Ужасная птица Динорнис, следом за ней — отчаянно трубивший Ужасный Зверь Динотерий. За ними с диким ревом гнался громадный хищный динозавр Тираннозавр.

И всюду, всюду все появлялись и появлялись новые и новые Динозавры.

Их было так много и все они были настолько страшные, что испуганные ящерица и землеройка скрылись в норках, трясогузка забилась в траву, а уклейка спряталась под корягой на дне реки.

Даже огромный Джинн от страха уменьшился в размерах, превратился в белое облачко, которое с шипеньем втянулось внутрь бутылки.

Неожиданно послышался тихий голосок:

— Эй, Джинн! Ты же обещал исполнить желания всех, кто собрался около твоей бутылки!

— Это так! И я их все исполнил!

— Осталось одно желание. Мое!

— А кто же ты?

— Я та самая бабочка, из-за которой и возникла ссора. И я была вместе со всеми. Так что вылезай и исполняй свое обещание!

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа, — смиренно произнес Джинн, и, покинув свою бутылку, стал испуганно озираться на приближающихся со всех сторон чудовищ.

— Слушаю и повинуюсь, — торопливо повторил Джинн. — Приказывай. Ты, наверное, тоже хочешь, чтобы здесь появилась твоя родственница — Ужасная Бабочка?

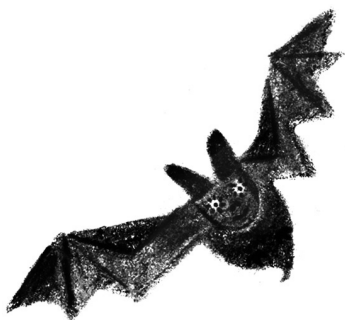
— Ужасных бабочек не бывает. Это всем известно. А ты, Джинн, сделай так, чтобы все стало как раньше. Пусть исчезнут все эти ужасные Динозавры с ужасной Динихтес, и ужасный Динорнис с ужасным Динотерием.

— Слушаю и повинуюсь, моя госпожа! — радостно воскликнул Джинн и взмахнул алебардой.

И все стало так, как и было раньше. А бабочка, расправив высохшие крылышки, полетела к лесу.

ТУДА И ОБРАТНО

ПИСЬМО

Вречной заводи жил старый Рак. У него были многочисленные родственники, он их всех помнил, поздравлял с праздниками и с днями рождения. Бокоплавцы и водяные ослики, щитники и жаброноги, и даже все-все крохотные циклопы и дафнии, все-все они хоть раз в год, да получали от Рака весточку.

И вот однажды Рак узнал от Сороки (а она, как известно, приносит на хвосте все новости), что, оказывается, у него есть еще одна родственница — Мокрица, внучка четвероюродная.

А живет эта Мокрица не в озере и не в реке, не в пруду и не в луже, и вообще не в воде, как все остальные нормальные раки, а на суше. И на суше она живет не просто так, а в человеческом жилье, в глубоком подвале четырехэтажного дома.

Узнав об этом, Рак написал письмо мокрице о себе, о своем житье-бытье, о жизни всех многочисленных родственников, поздравил со всеми прошедшими праздниками и стал думать, как бы это письмо Мокрице переправить.

Думал он, думал и решил передать это письмо кому-нибудь из жильцов человеческого дома. Не одна же Мокрица в нем живет! А уж кто-нибудь из них Мокрице его письмо обязательно доставит.

Расспросил Рак об этом Сороку. Она, балаболка любопытная, все знает, все ведает.

И рассказала ему Сорока, что жильцов в доме действительно, много, но знакома она лишь с обитателями чердака — с Летучей Мышью, Стрижем, Голубем, и с Воробьем. Но по слухам, живут внутри дома и Тараканы, и Пауки и Мыши, и даже какие-то Фараонов Муравей и Серебряная Рыбка.

Разузнал Рак от Сороки про обитателей дома и стал еще сильнее думать, с кем письмо передать. Воробей и Голубь, хоть и вылетают из дома, но только весь день далеко на полях кормятся, Стриж — он всегда высоко в небе носится, и никогда на землю не садится. Как Раку с ними всеми встретиться?

— А отдам-ка я это письмо Летучей Мыши. Животное оно скромное, но, ответственное, к тому же, над самой рекой по ночам летает. Попрошу ее.

Вечером вылез Рак на берег с письмом и стал ждать Летучую Мышь.

И как только стемнело, она действительно появилась над рекой и начала гоняться за мошками.

— Эй! Мышь! Летучая! — крикнул Рак и помахал клешней.

Но Мышь была занята охотой и не слышала его. Тогда Рак свистнул. Свист Мышь услышала и полетела.

— Звал? — спросила она, повиснув в воздухе и разглядывая Рака крошечными глазками.

— Пожалуйста, отнеси это письмо в дом. И попроси тамошних жителей передать его Мокрице, моей родственнице, внучке четвероюродной.

— Хорошо, — согласилась Летучая Мышь. — Но сама-то я на чердаке живу, а твоя Мокрица — в подвале. Придется письмо доставлять с оказией, с помощью нескольких почтальонов. Так что быстро оно не дойдет, и не надейся.

— А мне и не к спеху. Мы раки — народ неторопливый. Лишь бы она его получила.

— И еще, — сказала Летучая Мышь. — Я всю ночь охотиться-кормиться буду. Так что ты мне письмо на утренней заре передай, когда я в дом возвращаться стану.

Рак дождался утренней зари, снова вылез на берег, вытянул вверх клешню с письмом, Летучая Мышь на лету подхватила конверт и понеслась к дому.

Там она забилась в щель под крышей и задремала, дожидаясь, когда проснутся другие обитатели чердака.

Лишь только солнце встало, и его лучи через слуховое оконце разогнали царящий на чердаке мрак, как тут же зачирикал Воробей, заворковал Сизый Голубь, со свистом вылетел из-под крыши стремительный Стриж.

— Кажется, Паук путешествует с чердака вниз. Но кто из птиц письмо ему передаст? Кому из них довериться можно? — размышляла Летучая Мышь. — Стриж уже улетел. Воробей, конечно, может письмо передать, но вдруг забудется, да и склюёт Паука. Отдам-ка я письмо Сизому Голубю. Он хоть и туповат, но есть у него и положительные черты: он пауков не ест, а кроме того, он ответственный и исполнительный,

— Слушай Голубь, — сказала, зевая, Летучая Мышь. — Вот письмо. Для Мокрицы, от Рака. Пожалуйста, передай его Пауку и попроси, пусть он либо сам спустится вниз, на четвертый этаж, либо пере-

правит туда письмо с кем-нибудь. Я бы и сама Пауку конверт отнесла, но, во-первых, я сейчас засну, а во вторых он меня побаивается — ведь я на членистоногих охочусь.

— Исполню, — сказал Сизый Голубь, гордый тем, что ему поручили такое важное дело.

Летучая Мышь тут же уснула, потому, что, как всем известно, днем все летучие мыши спят. Письмо выпало из ее лапок, но Голубь вовремя подхватил его клювом и понес в самый дальний оплетенный паутиной угол чердака, туда, где жил Паук. А так как он давно жил в доме, то это был настоящий Домовой Паук.

Стараясь не задеть паутину, важный Голубь сказал:

— Здравствуй Паук! Вот какое дело. Рак написал Мокрице письмо. Не смог бы ты его переправить с чердака ниже — то есть на четвертый этаж?

— Не с руки мне чердак покидать, — проворчал Домовой Паук. — Я уйду, а вы всю мою паутину порвете. Ты, Голубь, — неуклюжий, Воробей — неугомонный, Стриж шебутной. Как начнете по чердаку без присмотра летать — и прощай моя паутина. — И увидев, что голубь от этих слов погрузнел, добавил, — Я знаю, кого мы с письмом пошлем. Муху! Домовую Муху! У меня тут одна живая еще в запасе осталась. Ее можно было бы и сразу в подвал к Мокрице снарядить, да боюсь, не дотянет. Я ее помял маленько, когда ловил, — добавил Домовой Паук виновато. — Но до четвертого этажа долетит. Гарантирую. Стой здесь — приказал он Голубю — Я сейчас ее принесу. — И Паук полез в самый дальний угол своего паутинного дома и вскоре вернулся со связанной Мухой.

— Слушай внимательно, — сказал он перепуганной Мухе, освобождая ее от пут. — Это — письмо.

Его надо отнести на четвертый этаж, отдать Фараонову Муравью и попросить его, чтобы он переправил письмо еще ниже, на третий этаж. Не выполнишь..., — и Домовой Паук так свирепо заскрежетал зубами, что Муха упала в обморок.

— Ну-ну, ты чего..., — произнес он и похлопал Муху лапками по щекам. — Все нервные какие-то стали! — добавил Паук, обернувшись к Голубю.

— Дело очень важное, — продолжал напутствовать Паук Муху, которая открыла глаза — Поняла? Или мне еще раз повторить?

— Поняла, — пролепетала Муха. — Письмо от Рака. Мокрице. Фараонову Муравью. Передать.

— Правильно, молодец, — похвалил Муху Паук. — А это тебе пропуск — на тот случай, если мою длинноногую приятельницу встретишь раньше, чем Фараонова Муравья. Сразу же вручи ей эту упаковку, тогда и сама жива останешься, — и Паук сунул в лапки Мухе сверток. — Аккуратней неси. Внутри — деликатес. Консервы из Моли. Так сказать «Моль в собственном соку». Сам делал! — добавил Паук с гордостью. — И из тебя тоже бы сделал, если бы не письмо, — добавил он. — Эй, эй! — закричал он, видя, что Муха вновь готова упасть в обморок. — Но ведь не сделал же! А теперь лети, милая! — и он подтолкнул Муху к входу в вентиляционную шахту.

И Муха с письмом в одной лапке и со свертком в другой полетела вниз и оказалась в просторной комнате четвертого этажа. Только она примостилась на потолке, размышляя, где бы ей здесь найти Фараонова Муравья, как на нее стремительно набросилось какое-то длинноногое существо. Муха словно оказалась в клетке — со всех сторон ее окружали членистые конечности.

— Что это у тебя? — раздался хриплый голос.

— Это письмо, — пролепетала Муха и показала конверт. — А это пропуск от Паука, чтобы меня не съели.

— Так это же для меня! — обрадовалось существо. — Это чтобы именно я тебя и не съела! Я ведь Многоножка-Мухоловка, в основном вами, мухами и питаюсь. А что в пакете? Паук не сказал?

— Моль в собственном соку, — пролепетала Муха.

— Настоящий деликатес! — обрадовалась Мухоловка. — Давай его скорее. А сама брысь отсюда!

Многоножка приподняла свои конечности, освободила Муху и схватила паучий подарок.

— Простите, пожалуйста..., — произнесла Муха.

— Как, ты еще здесь? — удивилась Мухоловка — Я ведь после Моли за тебя примусь.

— Мне к Фараонову Муравью надо, — пролепетала попятившаяся Муха. — Вы не знаете, где он живет?

— Вот в том углу щель, — сказала Мухоловка, распаковывая посылку. — Он иногда оттуда выглядывает. А теперь скройся с моих глаз! Видишь — мы кушаем!

Не помня себя от страха, Муха добралась до угла комнаты. Там действительно была щель. Муха хотела просто опустить в нее конверт как в почтовый ящик, но, вспомнив слова Домового Паука, что письмо непременно надо передать лично Фараонову Муравью, принялась вежливо постукивать лапками по стене, раздумывая при этом, почему этот муравей — Фараонов. Ее мысли были прерваны неожиданным появлением из щели маленького рыжего муравьишки.

— Чего надо? — тихим дребезжащим голосом спросил муравей.

Муха, забыв про письмо, неожиданно для самой себя спросила:

— Скажите, а почему вы именно Фараонов Муравей, а не, допустим, Императорский или Царский? Может быть, вы фараон всех муравьев?

— Нет, — спокойно ответил, видимо привыкший к таким вопросам Муравей. — Мы просто с настоящими фараонами родственники, вернее, свойственники. Мы оба ведем свою родословную из Египта. Только настоящие фараоны жили во дворцах, а потом перебирались в пирамиды, а мы, муравьи, всегда жили в этих пирамидах, вернее в саркофагах фараонов. Потому-то мы — настоящие Фараоновы Муравьи. Я ответил на твой вопрос?

— Да, — сказала Муха

— Тогда — до свидания! — произнес муравей и скрылся в своей щели.

— Эй, постойте! — закричала вслед ему Муха. — Я вам про письмо забыла сказать!

— Письмо? Мне? — спросил муравей, вновь высунувшись из щели.

— Нет, не вам. Это письмо от Рака для Мокрицы. Его летучая Мышь принесла и отдала Голубю. Голубь отнес его Домовому Пауку. Паук, — тут Муха вздрогнула, — отдал мне и велел передать его вам, чтобы вы передали его еще кому-нибудь тоже. Но чтобы письмо непременно к Мокрице дошло!

— Раз оно проделало такой путь, то уже многое повидало, — сказал Фараонов Муравей, а Муха еще раз вздрогнула, вспомнив на этот раз Многоножку-Мухоловку. — Я его отнесу на третий этаж, а уж на второй его переправит Серебряная Рыбка.

— Рыбка? — удивилась Муха — она, что между этажами плавает?

— Не плавает, а живет в ванной комнате, — ответил Муравей. — Она очень влажность любит, — сообщил он. — А к рыбам, кстати, никакого отношения не имеет, — добавил Фараонов Муравей и исчез.

А Муха полетела залечивать свои душевные раны.

Долго ли, коротко ли брел Фараонов Муравей тайными тропами за обоями, под плинтусами и под

кафельными плитками на третий этаж пока, наконец, не добрался до ванной комнаты. Там, где подтекал кран, и поэтому было сыро, Муравей и нашел Серебряную Рыбку.

Она, хотя и относилась к насекомым, действительно была очень похожа на рыбку, потому что ее вытянутое тело покрывала мельчайшая серебристая чешуя. При этом Серебряная Рыбка любила сахар и постоянно улыбалась приторно-сладкавой улыбкой. Поэтому ее еще звали Сахарной Чешуйницей.

— Здравствуй, Серебряная Рыбка, — сказал Фараонов Муравей.

— Здравствуй, — ответила Чешуйница и ее улыбка стала еще приторней. — Что это у тебя в лапке?

— Конверт. А в нем письмо — пояснил Фараонов Муравей. — Его Мокрице надо доставить. Отнесешь на второй этаж?

— А сколько мне за это заплатят? — и улыбка Серебряной Рыбки стала еще слаще.

— Ни сколько, — буркнул Фараонов Муравей. Мы все бесплатно почтальонами работаем. А Муха, говорят, еще и жизнью рисковала.

— Раз не заплатят, то я никуда ничего не понесу.

— Бесстыжая! Даже Домовой Паук и тот Муху отпустил ради такого благородного дела! Гонцы и вестники всегда в почете!

— Почет мне не нужен. Мне денежки нужны.

— Если письмо не отнесешь, — произнес Фараонов Муравей с угрозой, — я водопроводчика вызову. Он кран в ванной починит, станет сухо и тебе придется другое место искать. В туалет переселишься.

— Фи, — скривилась Чешуйница, — в туалете жить не хочу. Давай письмо.

Она взяла у муравья конверт и вместе с капелькой воды (она была хоть и не настоящей, но все-таки

рыбкой), просочилась в ванную комнату на втором этаже.

Тем временем слух о письме, написанным Раком для Мокрицы, быстро разнесся по всему дому, потому что на втором этаже Сахарную Чешуйницу уже ждал следующий гонец — верткий, суетливый Прусак.

Прусак на своих шести ногах шустро подскочил к капельке, на которой прибыла лучезарно улыбающаяся Сахарная Чешуйница, ловко выхватил у нее слегка намокший конверт, и, не говоря ни слова, зашил прочь.

— Ты куда? — крикнула ему в след Серебряная Рыбка, — письмо ведь не тебе!

— Знаю, знаю, — обернувшись, писклявым голосом произнес Прусак — Это письмо Мокрице от Рака!

— Ты его сам ей отнесешь?

— Нет. Только до первого этажа. А дальше, то есть ниже, его мой кузен переправит.

— Кузен?

— Кузен. Тоже таракан. Только не как я — блондин, — кокетливо добавил ярко-рыжий Прусак, — а жгучий брюнет.

По извилистым ходам между стен Прусак быстро добрался до первого этажа и очутился в логове Черного Таракана.

Логово было очень комфортным. Оно располагалось за холодильником. Но холодно там не было, наоборот, от холодильника шло ласковое тепло.

Сам же хозяин этого уютного уголка — Черный Таракан — сидел в углу и лакомился изюмом: вчера хозяйка квартиры пекла пирог и одна изюмина закатилась под холодильник.

— С чем пожаловал? — солидно спросил Черный Таракан.

Он мог себе позволить быть таким важным — ведь именно про него была написана знаменитая поэма «Тараканище».

— Вот бессовестный! — подумал Прусок, — ни присесть не предложил, ни угостил. А еще кузен! Я у себя на втором этаже с голодухи корешки книг обгладываю, а у него здесь деликатесы не переводятся. Жадина! — но вслух произнес — Вот, письмо-с!

— Мне, что ли? — и Черный Таракан не торопясь разгладил свои роскошные усы. — Давай!

— Не вам, а Мокрице-с. Просили передать.

— Ну и неси его Мокрице сам.

— Никак невозможно-с! Мне нижние этажи ведомы. Мы, Прусоки, существа маленькие, все в эмпиреях витаем, а вы Черные Тараканы — господа солидные, приземленные, поэтому вам все земные дела ведомы. Так что будьте любезны, отнесите его вниз — Домовой Мыши. А она уж его Мокрице и отдаст.

— Вот еще, — проворчал Черный Таракан — что ж я, братец, по-твоему, письмоносец какой — с конвертами туда-сюда бегать?

— Что же делать, — с отчаянием подумал Прусок, — не дойдет письмо-то! — И вдруг его осенило:

— Наверху говорят, — и он многозначительно поднял лапку, — что тараканов морить скоро будут. Может статься, что нам с вами переселяться придется. Временно-с. В подвал. К той же самой Мокрице. Если она, конечно, всех нас согласится приютить.

Черный таракан перестал жевать изюмину.

— А ведь и правда, — подумал он. — Если травить начнут, то единственный приют — это подвал, — и уже вслух сказал. — Ладно, отнесу. Давай письмо. — И когда конверт оказался у него в лапках буркнул Прусаку: — Ну, чего стоишь! Ступай!

Когда Прусок скрылся, Черный Таракан встал. Посмотрел на себя в осколок зеркала, еще раз расправил усы. Взял в одну лапу трость, в другую — конверт и не торопясь, по ступеням черного хода, стал медленно спускаться в подвал. Ему оставалось преодолеть последние полметра до щели под дверью, как на него набросилась Кошка, как раз в это время караулившая Домовую Мышь. Мышь никак не ловилась и Кошка решила, что такой толстый таракан тоже может стать неплохим трофеем.

Таракан, забыв всю свою солидность, стремглав юркнул под дверь, выронив и свою трость, и конверт.

За дверью таракан как раз и встретил ту самую Домовую Мышь, ловимую кошкой.

— Успел? — спросила она с сочувствием.

— Успел, — ответил Черный Таракан, вытирая пот со лба. — Только вот письмо уронил. И трость. — И он заглянул под дверь. — Вон они лежат. Совсем близко, у самой двери. Только я не пойду — поймают проклятая Кошка. И не знаю теперь что делать.

— Неужели то самое письмо Мокрице от Рака? — поинтересовалась Мышь.

— То самое. Тебе нес. Чтобы ты ей передала. Ты ведь в подвал вхожа?

— Конечно, доставлю. Только его сначала из-под лап Кошки добыть надо. Давай сделаем так, — продолжала Мышь, — я поскребусь в дальнем углу. Кошка туда бросится, а ты не зевай, выскакивай и хватай конверт. Идет?

— Идет, — сказал Черный Таракан, у которого от страха опустились усы.

Так и сделали. Мышь пискнула и поскреблась в углу, Кошка метнулась туда, Черный Таракан выскочил из-под двери, схватил конверт и свою тросточку и юркнул обратно.

— Молодец, — похвалила его Мышь. — А как ты назад пойдешь?

— Дождусь, когда Кошка уйдет.

— Это не скоро будет. Пойдем лучше ко мне. Посидим, музыку послушаем.

— Музыку?

— Да. У меня сосед — музыкант. Скрипач. Какие вариации выводит!

Черный Таракан согласился и пошел вслед за Мышью.

Оказавшись под полом, в мышьином жилище, Черный Таракан про себя отметил, что у нее тепло и уютно.

Неожиданно за стеной послышалась музыка.

— Я же говорила, музыкант! — с гордостью произнесла Мышь. — И громко постучав в стену, крикнула: — Эй, сосед! Заходи к нам!

И вскоре появился сосед — Домовый Сверчок.

Черный Таракан сразу же почувствовал в нем артиста: строгий, но элегантный сюртук бледно кофейного цвета, изящные усы, томный взгляд. В лапках Сверчок держал скрипку, выводя на ней бесконечные мелодии.

— Обожаю Вивальди, — призналась Мышь, подперев одной лапкой голову, а другой, взяв свой хвостик, стала помахивать им в такт музыке.

— Однако, господа, мы забыли про письмо, — вспомнила Мышь. — Ведь его надо отнести Мокрице. Не хотите ли прогуляться со мною в подвал?

Черный Таракан был домоседом и не любил путешествия. Но больше всего сейчас ему не хотелось возвращаться к себе наверх мимо Кошки. И он согласился. Сверчок также выразил желание присоединиться к компании.

И они — впереди Мышь с письмом, за ней играющий на скрипке Сверчок, за которым следовал Черный Таракан со своей тросточкой — двинулись вниз.

В подвале было прохладно, и царил полумрак. Из крошечного конца под самым потолком едва пробивался свет.

Весь подвал был заставлен бочками, банками, бутылками и ящиками. Вот здесь-то и жила Мокрица.

Она сидела в углу и, щурясь, читала книгу «Дети подземелья».

— Привет, соседка, — сказала Домовая Мышь, приняхиваясь к одной из коробок, — я тебе письмо принесла от родственника.

— От родственника? — печально спросила Мокрица. — Разве у меня есть родственники?

— У всех они есть, — уверенно сказала Мышь. Например, у меня — Крыса, у Черного Таракана — Прусак, у нашего Сверчка — Полевой Сверчок. И у тебя они тоже есть. Правда, все они в воде живут — кто в реке, кто в пруду, кто в луже. Одна ты сухопутная. Поэтому ты о них не знала. А это вот как раз тебе письмо от речного Рака. Кстати, а что в этой коробке лежит?

— Кажется, сыр, — рассеянно отвечала Мокрица, распечатывая конверт.

— Сыр! — радостно пискнула Мышь

— Настоящий сыр! — воскликнул Черный Таракан.

— Много сыра! — подхватил Домовый сверчок.

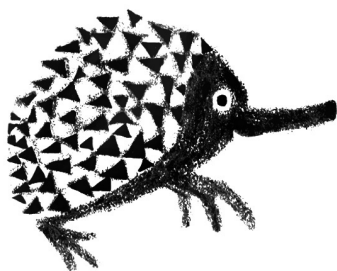
И все они кинулись к коробке и набросились на лакомство.

А Мокрица тем временем дочитала письмо до конца, достала бумагу, чернильницу, гусиное перо и принялась писать ответ.

И когда вся компания гостей насытилась, она передала Мыши запечатанный сургучом конверт, на котором была написано: «Раку от Мокрицы».

— Переправьте, пожалуйста, это письмо Раку, — попросила Мокрица.

— Передадим, так же, по эстафете, — ответила Мышь, взяв конверт в лапки. — Только надо проложить новый маршрут — черный ход, пожалуй, слишком опасный — и Мышь взглянула на Таракана. — Да и Муху следует кем-нибудь заменить. Она уж точно к Пауку не полетит.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУМКИ

Далеко-далеко, там где дует южный ветер Австр лежит удивительная страна Австралия. Интересна она тем, что все, ну почти все, звери там носят сумки и поэтому называются сумчатыми. Самое известное животное с сумкой — это, конечно, кенгуру. Есть кенгуру большие — в человеческий рост, есть совсем маленькие — с кошку, а есть и средних размеров. Они зовутся валлаби.

Вот с одним Валлаби и приключилась эта история. Наш Валлаби был еще детеныш. Однако он уже не сидел в маминой сумке, а только иногда там прятался — когда было особенно страшно.

Большую часть своего свободного времени он гулял по Австралии, а все самое интересное он клал себе в сумку: красивые камушки, раковины улиток, орешки.

Однажды он обнаружил под камнем какой-то плюшевый клубок и, конечно же, сунул его к себе в сумку, чтобы дома получше разобраться с находкой. И о горе! Оказывается среди мягкого меха этого «клубка» скрывались острые иголки. И его замечательная но-

вая сумка тотчас порвалась! Оказывается, он случайно положил к себе в сумку колючую Ехидну!

Кенгуренок, конечно же, выбросил Ехидну и стал рассматривать огромные дыры в сумке. А Ехидна, потирая ушибленные бока и обиженно сопя, поползла прочь.

Дома он рассказал о своей беде маме. Та всплеснула лапами.

— Какое несчастье, сынок! Ведь Ехидна единственная на всю Австралию, кто может починить твою сумку! Шить-то она не умеет (перевелись в Австралии мастера), а штопает замечательно. Но она так обидчива и злопамятна! Недаром называется ехидной! Ходить тебе всю жизнь с дырявой сумкой!

Посмотрел Валлаби на огромные дырки в своей сумке и заплакал. А мама-кенгуру подумала и сказала:

— Может быть, кто-нибудь из наших заморских родственников тебе поможет? Только мне ничего о них неизвестно. Единственный, кто всё про всех знает — это колдун-Крылан. Надо идти к нему за советом.

— Не пойду я в пещеру к колдуну! Я боюсь! — заныкал кенгуренок.

— Во-первых, ты уже почти взрослый и тебе стыдно бояться. Во-вторых, это только в сказках колдуны живут в пещерах. А наш колдун живет в дупле самого высокого эвкалипта Австралии. И, в-третьих, ты же хочешь иметь новую сумку. А своей цели добиваются только самые храбрые кенгурята. Так что иди. Да, милый, не забудь наш древний пароль: «Привет от сумчатых» — и тебе обязательно помогут наши сумчатые родственники.

Кенгуренок послушал маму, подумал, вздохнул, потом решительно поскакал к Крылану-колдуну.

До самого высокого эвкалипта путь был неблизким. Кого только не повидал Валлаби на своем пути: и разнообразных кенгуру (один из них, знаменитый спортсмен, научил Валлаби высоко прыгать), и другую многочисленную родню: сумчатого муравьеда (он угостил Валлаби пригоршню сушеных муравьев, но Валлаби вежливо отказался — ведь он питался только растениями), сумчатого крота (сумка у него — вот потеха! — открывалась не вверх, в вниз!), сумчатую белку-летягу (которая не грызла орехов, зато пила цветочный нектар).

И всем Валлаби говорил: «Привет от сумчатых» и все (и даже сумчатый дьявол!) указывали ему дорогу к Крылану.

Только серая крыса, которая недавно появилась в Австралии, но уже успела со всеми перессориться из-за своей привычки к воровству (и, к тому же, она не была сумчатой) сделала вид, что не слышит приветствие кенгуренка.

Наконец Валлаби добрался до самого высокого эвкалипта. Он поднял голову и у вершины огромного дерева увидел черную точку — вход в дупло Крылана-колдуна.

Кенгуренок призадумался. Для своего возраста он уже очень неплохо прыгал не только в длину, но и высоту. Но на вершину эвкалипта не смог бы запрыгнуть даже его знаменитый родственник-рекордсмен по прыжкам — Рыжий кенгуру.

Опечалился кенгуренок и присел в тени огромного дерева. Вскоре он заметил, что по стволу эвкалипта медленно ползет какой-то серый зверек с сонными глазами и кожаным носом-сливой.

— Привет от сумчатых, — машинально сказал Валлаби.

— Привет, привет! — отозвался зверек — Что печалишься? Чем тебе помочь?

— Да чем ты можешь помочь, — отвечал кенгуренок. — Мне к крылану надо. Вот туда, — и он показал наверх.

— Так я как раз туда и иду, ведь Крылан — мой сосед. Я рядом живу. Садись мне на спину — подвезу.

— А звать-то тебя как? — спросил кенгуренок, вспоминая всех родственников, о которых ему рассказывала мама и поудобней устраиваясь на спине зверька.

— Одни зовут меня Сумчатым Медведем, другие — «Тем, кто никогда не пьет», а третьи — просто Коала. Устроился? Поехали.

Поднимались они очень долго и очень медленно — несколько часов.

— Это не сумчатый медведь, а какой-то сумчатый тихход, — подумал про себя кенгуренок, когда Коала в очередной раз остановился и стал медленно объедать листья эвкалипта. Кенгуренок попробовал их тоже, но они оказались настолько горькими, что Валлаби тут же выплюнул их. Он посмотрел вниз. От высоты у него закружилась голова. Знал бы он, на какие высоты занесет его желание иметь новую сумку! Но Валлаби этого не ведал, а только крепче вцепился в серую шерстку Коала, больше не глядел вниз и ждал, когда же кончится это восхождение.

Наконец они добрались до дупла. Коала забрался на соседнюю ветку и тут же заснул, а кенгуренок шагнул внутрь.

В жилище Крылана было сумрачно, тихо и немного страшновато.

— Привет от сумчатых, — сказал Валлаби, стараясь рассмотреть в сумраке хозяина дупла.

— И вовсе я не сумчатый, — послышался из угла скрипучий голос — Я рукокрылый. Зачем пожаловал?

Валлаби всмотрелся и видел колдуна. Крылан почему-то висел на стене дупла вниз головой.

И Валлаби рассказал ему свою историю.

Крылан молча выслушал кенгуренка, расправил свои огромные крылья и легко перелетел к другой стене своего жилища. Там он сдернул с какого-то предмета рогожу. Рогожа прикрывала компьютер.

— Только Главный Предок может знать, где живут все твои родственники и чем они занимаются, — сказал Крылан и потом торжественно произнес, — вызываю дух Главного Предка — Сумчатого Волка, — и включил поисковую систему.

В компьютере что-то затрещало, а потом на мониторе появился Волк.

Крылан и Волк уставились друг на друга.

— Привет от сумчатых, — произнес колдун пароль. — А кстати, где у тебя сумка?

— А нет у меня сумки, — ответил Волк. — Сумки нет, зато корзинка есть. Во! — И он показал корзинку. — Память о Красной Шапочки. А это рядом с тобой кто? — Спросил в свою очередь Волк Крылана — Заяц? А почему у него уши такие короткие? И хвост такой длинный? Ну, заяц, погоди! — и начал вместе с корзинкой вылезать из экрана.

Крылан торопливо щелкнул клавишей и монитор погас.

— Компьютер глючит, — пояснил он кенгуренку — Мастера надо вызывать. Однако, попробуем еще раз.

Экран снова засветился. На этот раз там появился бородатый мужчина в тельняшке с серьгой в ухе и витатуированным на запястье якорем.

— Ты кто такой? — спросил Крылан мужчину. — Мы же Волка вызывали.

— А я и есть волк. Морской. А это кто с тобой рядом, с длинным хвостом и непонятной мордой?

Морская лиса? Или морской заяц? А почему у него сумка порвана? Непорядок. Я вот из таких хлюпиков на флоте настоящих морских чертей делаю. Дай-ка мне его сюда, — и тоже начал вылезать из экрана.

Крылан снова торопливо выключил компьютер и лапой оттер пот со лба.

— Ну, еще одна попытка, — устало сказал он.

На экране появилась тень Сумчатого Волка.

— Что тебе надо? — печально спросил Сумчатый Волк. — Спрашивай.

— Где живут сумчатые? Кто поможет кенгуренку починить его сумку? Говори, — сказал колдун и взмахнул крыльями.

И сумчатый Волк медленно заговорил.

— Давным-давно Сумчатые были великим племенем. Они населяли весь мир — Америку, Европу, Азию, Австралию и даже Антарктиду. Самые первые сумчатые жили по соседству с динозаврами. Они умудрялись красть яйца прямо из гнезд этих ужасных огромных ящериц. Были среди сумчатых и гиганты — размером с медведя, и кровожадные охотники, вооруженные длинными как ятаганы клыками. Но потом мода на сумки прошла, и нас победили, оттеснив к границам империи, наши более удачливые потомки. Им помог и человек, который на нас охотился. Это он истребил и все славное племя сумчатых волков. Поэтому вы говорите сейчас только с духом Сумчатого Волка. Вы спрашиваете, где живут сумчатые сейчас? В Австралии, Южной и Северной Америке, Новой Гвинее. А тебя, кенгуренок, ожидают долгие странствия, невероятные и опасные приключения и масса новых знакомств, и новая сумка. Иди на

Тут экран стал тускнеть, а голос Сумчатого Волка стал совсем едва различимым.

— Батареи садятся, — сказал Крылан, и спросил Сумчатого Волка, — так куда ему направляться?

— ...к поссуму, — почти неслышно произнес призрак, а потом звук пропал совсем. Сумчатый Волк показал лапой куда-то и экран потух.

— Так куда же мне идти? — спросил Валлаби.

— Он вроде показал на север, на Новую Гвинею. Как раз там этот поссум и живет. Только ты туда не допрыгаешь. Новая Гвинея — это остров. Туда только доплыть или долететь можно. На крыльях.

— Нет у меня крыльев, — сказал Валлаби. — И плавать я не умею.

Крылан подумал, а потом отстегнул свои крылья и протянул их Валлаби. — На, лети. Потом вернешь. А я пока дома посижу. Вот Коалановые батарейки мне принесет, и я тоже буду путешествовать. Не выходя из дома. С помощью интернета. А ты лети. Только осторожней. Крылья ведь не новые. Еще от дедушки достались. Так что, береги их. Семейная реликвия, как никак.

Крылан помог приладить кенгуренку крылья и показал, как с ними надо управляться. Кенгуренок взмахнул ими, но слишком сильно — и потому через секунду врезался носом в стену пещеры.

— Осторожней! — проворчал крылан. — Я же говорил — это семейная реликвия! Ну, иди. То есть лети, — и он подтолкнул Валлаби к выходу.

Валлаби выглянул из дупла и увидел всю Австралию. У него от такой высоты снова закружилась голова. Но он был храбрым кенгуренком, а потому расправил крылья, закрыл глаза и бросился вниз.

* * *

Он открыл глаза, когда понял, что не падает, а летит. Это было чудесное ощущение — словно он

сделал свой самый высокий прыжок, но не опустил-ся на землю, а повис в воздухе.

Он облетел вокруг дерева, и только потом вспомнил, что не знает куда лететь.

— Туда, туда! — показал на север, высунувшийся из дупла бескрылый Крылан.

И Валлаби полетел. На север. В Новую Гвинею. За новой сумкой.

Вскоре кенгуренок увидел остров. И он понял, что это новая Гвинея! Ведь на острове росли деревья — все огромные! Над ними летали птицы — все райские! Под деревьями стояли люди — все голые! А на дереве сидел мохнатый зверек. Наверняка Поссум!

Но тут напал туман, и кенгуренку пришлось подняться повыше и полетать там, ожидая пока туман рассеется.

Он снова увидел остров и стал снижаться. Там по-прежнему росло дерево, на котором сидел мохнатый зверек, а на него снизу смотрели голые люди. Только райских птиц не было. Кенгуренок не обратил на это внимание и сел на дерево рядом со зверьком.

Тот взглянул на кенгуренка, и молча вытащил из-за пазухи два банана. Один он протянул Валлаби, а другой начал есть сам.

— Привет от сумчатых, — сказал кенгуренок. — Ты Поссум?

Зверек хотел ему ответить, но посмотрев вниз, выронил банан, быстро схватил Валлаби за лапу и перетащил его на другую сторону дерева. Он сделал это как раз вовремя, потому что снизу с пением прилетела красиво раскрашенная стрела и вонзилась как раз в тот сук, на котором секунду назад сидел зверек.

— Всегда так, — печально проговорил зверек, посмотрев сначала на дрожащую стрелу, а потом вниз. Было слышно, как банан свалился на землю, а потом и как его с чавканьем кто-то ест.

— Вот так. Кому банан на завтрак, а кому и шерстокрыл на обед. Шерстокрыл — это я, — представился зверек. Только сумки у меня нет. Зато есть меховое одеяло. В которое можно завернуться себя или хранить бананы. И он достал откуда-то из складок своего одеяла очередной плод.

— А ты кто? Давай, рассказывай, зачем к нам на Филиппины залетел, — сказал Шерстокрыл, снимая кожуру с банана. Да не бойся, — добавил он, видя, как Валлаби с опаской рассматривает торчащую в стволе дерева стрелу. Это место не простреливается.

— Разве это не Новая Гвинея? А ты не Поссум? — спросил кенгуренок.

— Во дает! — удивился зверек. — Я же тебе русским языком говорю: Шерстокрыл я. А здесь, — он постучал по дереву, — Филиппины. А там внизу — филиппинцы. Которые, кстати, хотят меня съесть. А может быть и тебя заодно. А Новую Гвинею ты, братец, проскочил. На таких крыльях — и он потрогал подарок Крылана, — это не мудрено. Крылья — это тебе не одеяло-самолет, — добавил он со вздохом.

— Ковер-самолет, — машинально поправил его Валлаби.

— Не ковер-самолет, а одеяло-самолет, — возразил Шерстокрыл. Впрочем, сам потом увидишь. Так куда ты путь держишь? И что тебе надо было в Новой Гвинее?

И кенгуренок рассказал Шерстокрылу про свою беду и показал дырявую сумку.

— Твой Крылан — шарлатан, — в рифму подытожил рассказ кенгуренка Шерстокрыл. — На батарейках экономит! А если бы не экономил, то вы бы услышали, что тебе нужен не Поссум, который действительно живет в Новой Гвинее, но настолько ленивый, что сам ничего не шьет, а донашивает

старые дедовы сумки. А нужен тебе Опоссум. И живет он в Северной Америке. Там у него свое дело — целая сумочная империя. Но до Америки очень далеко. И лететь тебе не на север, а на восток. Доел банан? Давай прощаться. После меня полетишь — я внимание отвлеку. Ты когда стартовать будешь, порезче начитай. Охотники все еще внизу, — Шерсткрыл бросил на землю еще один банан, и снизу опять послышалось громкое чавканье. — Слышишь, какие голодные? Им все равно в кого стрелы пускать — в шерсткрылов или в летающих кенгуру. При случае черкни письмецо. Филиппины, Шерсткрылу. С этими словами зверек опустил ветку, за которую держался и начал падать.

У кенгуренка захватило дух. Но Шерсткрыл растопырил свои лапы, меховая перепонка, которая была натянута между ними, расправилась, и Шерсткрыл действительно превратился в небольшое летающее шерстяное одеяло. Он понесся, ловко огибая стволы деревьев.

Снизу раздались крики и вслед зверьку засвистели стрелы. Но ни одна из них не достигла цели.

— Может быть, они и не охотятся на кенгуру, — подумал, подбадривая себя Валлаби, взмахивая крыльями.

Когда Валлаби пролетал над охотниками, он увидел, что все они стояли выпучив глаза, раскрыв рты, выронив из рук луки и стрелы — ведь никто из них не видел кенгуру, и тем более — летающего кенгуру.

Наконец у одного из них прошла оторопь, и он пустил вслед Валлаби единственную стрелу, которая пробила его крыло. И кенгуренок стал падать. А так как он уже успел покинуть остров, то он начал падать прямо в океан.

Но у самой воды его клювом подхватила огромная белоснежная птица.

— Нырять учимся? — добродушно, но почему-то сильно гнусавя, спросила птица и посадила Валлаби к себе на спину.

— Через линию противовоздушной обороны про-
бивался? — На этот раз с уважением спросила пти-
ца, заметив торчащую в крыле кенгуренка стрелу. —
А если не секрет — куда летим? — поинтересовалась
она.

— В Америку, — ответил кенгуренок

— В какую? — деловито уточнила птица, — в Се-
верную или в Южную?

— В Северную. К дяде.

— К дяде, так к дяде, — произнесла птица. — Мне
все равно куда лететь — в Северную Америку, Южную
Америку, Австралию, Индию. Каждый год в кругос-
ветку хожу. Странник я. Альбатрос. Странствующий.
Над морями-океанами. Слыхал, может?

— Это вы, наверное, над морем и простудились?
Надуло? — вежливо спросил кенгуренок, вслушива-
ясь в гнусавый голос альбатроса.

— Да нет, это от воды. От морской. Ведь ее пить
приходится. А морские соли через нос выходят. Вот
так, — и альбатрос громко чихнул.

— А ты в Америку по какому делу? — переменил
Альбатрос тему разговора. И, не дожидаясь ответа,
сказал, — зря ты туда. Скучный там народ. Обороти-
стый, но скучный. Впрочем, это твое дело. Я тебя до-
везу. А ты пока чини свое крыло. К самому берегу
мне подлетать опасно — там у них такая береговая
охрана! Это тебе не папуасы с луками и стрелами.
Там зенитки — собьют наверняка. Я тебя доставлю
почти к самому берегу, но последние мили ты уж сам
лети. Ты маленький, тебя не заметят. А меня собьют.
Не теряя времени — ремонтируй свое крыло. Так все
же зачем тебе Америка и твой дядюшка в ней?

И кенгуренок рассказал Странствующему Альбатросу про свою беду.

— В Америку? За сумкой? Зачем так далеко — они и ближе есть. В море живет морской конек — рыбка с сумкой. Она в этой сумке свое потомство вынашивает. Как и вы — сумчатые. Он случайно не твой родственник? Нет? Тогда полетели дальше. Ты хоть на море когда-нибудь бывал? Нет? Давай спустимся пониже, посмотрим на разную морскую живность.

— Видишь, облака над морем — это киты дышат, а из воды выпрыгивают — это дельфины. В море живут не только сумчатые, но и крылатые существа. А это — косяк летучих рыб летит — это они от хищных барракуд в воздухе спасаются. А вот летающий кальмар — за ним тоже кто-то под водой гнался — вот и выскочил. А вон целая флотилия плывет — паруса словно радуга сияют. Это военные кораблики — медузы такие. Лучше от них подальше держаться — уж больно щупальца у них жгучие.

Кенгуренок, слушая Странствующего Альбатроса, вытащил стрелу из крыла и как мог, залатал пробоину.

— А вон улитка-янтина построила себе плотик из пузырьков воздуха, — продолжал Альбатрос. — Вроде как из пенопласта. Улитка на нем путешествует. А вот рыба-луна. Она настолько ленивая, что катается на морских течениях, а сама почти не плавает. А вон рогатый скат манта. Он своими рогами в свой огромный рот мелкую рыбешку загоняет. А вон и твоя Америка. Прилетели, — прогнусавил Альбатрос. — Готовься к десантированию. Дальше полетишь сам. Крыло починил?

— Да, — ответил Валлаби, вглядываясь в приближающийся берег, на котором высилась гигантская, как скала статуя с факелом в руке. К факелу

был прикреплен огромный транспарант: «Лучшие в мире сумки от Опоссума». Кенгуренок понял, что это и есть Америка.

— Держись у самых волн, — напутствовал его Альбатрос. — Ну, вперед! — и Альбатрос бережно вынырнул из-под Кенгуренка, и, убедившись, что его починенное крыло работает, развернулся и быстро полетел прочь.

А никем незамеченный кенгуренок благополучно над самыми волнами долетел до огромного города. Там он отцепил крылья, сложил их и принялся искать дядюшку.

Со всех сторон на него с рекламных щитов смотрел Опоссум. И на каждой рекламе он был с новой сумкой.

На Валлаби, который прыгал по тротуару, держа сложенные крылья под мышкой, никто не обращал внимания. В пестрой американской толпе можно было встретить кого угодно: и завернутых в одеяло, как шерстокрыл, и во всем белом, как альбатрос, и сплошь утыканных иголками, словно тетушка Ехидна, и даже совсем голых, как тот дикарь, который стрелял в кенгуренка из лука.

— Как все-таки он похож на крысу, — думал Валлаби, всматриваясь в очередной портрет дядюшки Опоссума и вспоминая тех нахальных и вороватых грызунов, которые недавно появились в его родной Австралии. Под самым большим портретом, на котором дядюшка был изображен со звездно-полосатой сумкой, красовалась вывеска «Офис Опоссума» и Валлаби поскакал туда.

Ему пришлось прождать в приемной несколько часов, и только после этого его принял дядюшка. Опоссум сидел в огромном кабинете за огромным столом. На столе стояли песочные часы. Опоссум

оказался более седым и облезлым, чем выглядел на портретах. Радости по поводу появления родственника он не выказал.

— Выкладывай, что у тебя там. Но помни: время — деньги. Каждая минута — 20 долларов. И я тебе могу дать не больше 60 долларов.

И Оппосум перевернул песочные часы.

Валлаби затараторил о своих горестях, демонстрируя дядюшке и дырявый карман, и пробитое крыло и стрелу, которая это крыло пробила.

— Боюсь, что ничем не смогу тебе помочь, дорогой племянничек, — прервал рассказ кенгуренка Оппосум. — Кроме тех 60 долларов, которые я тебе уже подарил, — и он указал на песочные часы.

— Моя фирма шьет только очень дорогие сумки и только для очень состоятельных клиентов. А ты к ним не относишься, дорогой родственничек. Поэтому придется поискать тебе мастеров попроще, так сказать, по твоему карману. Лети-ка ты, дружок в другую Америку. В Южную. Там тоже опоссумы живут. И тоже сумки делают. Это как раз то, что тебе нужно. Они-то тебе сумку и сошьют. Дешевую. В индейском национальном духе. Чао! — и дядюшка привстал, давая понять, что разговор окончен.

Огорченный кенгуренок медленно заковылял к выходу, грустно почесывая себе спину стрелой, которой его подбили на далеких Филиппинских островах.

— Погоди-ка, — остановил его дядюшка, — взглядываясь в стрелу. — Что это у тебя?

— Я же говорил, — ответил кенгуренок, — меня ею над Филиппинами сбили.

— Ну-ка, покажи.

Валлаби протянул Оппосуму стрелу. Дядюшка схватил ее и стал рассматривать.

— Древко из черного дерева, а на нем какие-то письма. Инкрустация из перламутра, — бормотал Оппоссум себе под нос, — оперение из перьев попугая, наконечник из шипа ската. Наверняка стрела вождя! За такой экспонат отвалят кругленькую сумму в любом этнографическом музее.

И громко добавил: «Послушай, племянничек! Я передумал и рад тебе помочь как родственнику! Я тебе не только помогу добраться до Южной Америки, но еще покажу тебе мою последнюю коллекцию сумок и даже подарю тебе каталог новейших моделей нашей фирмы, а мои мастера заштопают золотой нитью пробойну в твоём крыле. За это ты мне отдашь эту ни на что не годную стрелу. О'кей?»

Кенгуренок согласился.

Сначала Оппоссум повел его в огромный зал, где как раз проходила демонстрация сумок из новой коллекции. На подиум по очереди выходили длинноногие зверушки, прикрытые лишь сумками от дядюшки Оппоссума. И пока Валлаби рассматривал манекенщиц и висящие на них сумки, мастера дядюшки Оппоссума очень быстро и красиво, золотой нитью заштопали пробитое счастливой стрелой крыло кенгуренка так, что на месте дыры появилась блестящая надпись «made in USA». Потом дядюшка подарил ему каталог сумок. А затем Оппоссум позвонил кому-то по телефону и сказал:

— Привет Сэм! Я слышал у тебя сегодня маневры над Мексиканским заливом. Не смог бы ты немного отклониться от курса, ну скажем до Южной Америки? Да, Амазония подойдет! Сбросишь там моего племянничка. Нет, садиться не надо. Да, у него спецзадание. Спасибо Сэм! Считай что новая сумка для долларов от Оппоссума уже у тебя. Естественно, со зверушкой, — и повесил трубку.

Сэм — белоголовый орлан, на котором кенгуренок теперь летел в Южную Америку в отличие от Странствующего Альбатроса, не чихал и был неразговорчив. Он мигом домчал кенгуренка до Южной Америки и сбросил его в самый центр бразильской сельвы. Кенгуренок на своих крыльях, одно из которых поблескивало золотым шитьем, стал медленно спускаться. Валлаби поднял голову — в синюющем над ним небе орлана видно не было, только белый след указывал туда, куда улетел Сэм — в Северную Америку.

В это время раздался треск. Это красивая штопка на крыле разошлась. Но Валлаби, теперь уже опытный авиатор, сумел мягко сесть в крону большого дерева. Он осмотрел крыло. Дядюшка Опоссум надул его — нитки оказались не золотыми, а хлопковыми, покрашенными желтой краской, и к тому же гнилыми. Кенгуренок раздумывая, где же ему искать местных опоссумов стал жевать листок.

Дерево казалось совершенно безжизненным. Но через несколько минут начали появляться все его обитатели, напуганные появлением свалившегося с неба чужака.

Первого зверя кенгуренок не увидел, а услышал:

— Отбой! Ложная тревога! Это не хищник! Это травоядное! — кто-то так громко заревел прямо над ухом кенгуренка, что Валлаби чуть не упал с дерева.

Из густых зарослей показалась обезьяна. Она цеплялась за ветки не только всеми четырьмя лапами, но и хвостом.

— Отбой! — еще раз крикнула обезьяна-Ревун и тут же показались другие южноамериканские обитатели. Сначала появился сумрачный колючий древесный Дикобраз. Потом приковылял древесный муравьед Таманду и зачем-то облизал Валлаби своим тонким

и длинным, как веревка языком. Потом из листвы медленно выполз серый зверек с прищуренными глазами. Кенгуренку даже показалось что это его знакомый Коала.

— Привет от сумчатых, — сказал Валлаби ему.

— А он вовсе не сумчатый, — вмешался в разговор подлетевший Тукан с огромным оранжевым клювом и болтливый как сорока.

— А ты что, сумчатый? — продолжал верещать Тукан. — Так у тебя здесь полно родственников. И заорал: «Дриада! Дриада!»

— Какое интересное имя, — подумал кенгуренок, — по-моему, древнегреческое.

В это время из листвы вынырнуло маленькое, юркое, похожее на симпатичного мышонка существо.

— Звали? — спросил мышонок.

— Вот принимай родственника, тетушка Дриада, — сказал Тукан. — С неба свалился.

— Да нет, — принялся объяснять Валлаби. — Я из Северной Америки, то есть с Филиппин, которые я перепутал с Новой Гвинеей. Ну, в общем, я из Австралии. Кенгуру я. Валлаби. У меня сумка порвалась, — и он показал сумку. — Новую надо шить. Вот я к вам и прилетел.

— А что, кенгуру теперь летают? Какой прогресс! — всплеснула лапками тетушка Дриада. Впрочем, об этом потом. Давай знакомиться. Я — твоя тетушка. Дриада. Опоссум. Мышиный опоссум. Опоссумов — их в Южной Америке много. Есть они и в Северной. Ты ведь, небось, в Северной Америке у дядюшки опоссума гостил. Он большой жмот!

— Да, — согласился Валлаби и стал не торопясь рассказывать все по порядку. Начиная с того как он обидел Ехидну и закончив своим путешествием на Белоголовом Орлане, показывая и свой дырявый

карман, и крыло (умело пробитое стрелой дикаря и скверно починенное в мастерской дядюшки Опоссума), и красивый глянцевый каталог сумок.

Наконец кенгуренок закончил свой рассказ. Тетушка Дриада полистала каталог и потом сказала:

— И здесь дядюшка Опоссум тебя надул! Этот каталог аж за позапрошлый год. А говорил, что в нем собраны новейшие модели. И потом все сумки у него непрочные — либо бумажные, либо пластмассовые. На материале экономит. Зато реклама! Шумиха! Краски! Манекенщицы! — Дриада помолчала, а потом обратилась к зверям и птицам, — ну что, земляки, поможем моему заморскому родственнику? Покажем, что и мы кое-что умеем?

— Поможем! — отозвались звери и птицы. — Покажем!

— Ну вот, малыш, — обратилась Дриада к кенгуренку, — Будет тебе и новая сумка и новая заплатка на крыло и другой, самый главный, подарок. А пока давай сюда свои крылья.

Кенгуренок снял крылья и протянул их Дриаде. А та передала крылья ленивцу и муравьеде: — Почините их как следует. Лететь ему далеко — до самой Австралии. И возможно, на этот раз ему не так повезет и он не встретит Странствующего Альбатроса. Так что отремонтируйте их на совесть, а не так, как наш дядюшка Опоссум. А мы, — Дриада обратилась к Валлаби, — мы пойдем с тобой за самым главным подарком.

Кенгуренок думал, что он сразу получит новую сумку, но ошибся.

Оказалось, что сшить по-настоящему хорошую сумку — очень долгое и хлопотное занятие. Сначала они с тетужкой Дриадой пошли к дядюшке Удаву, и он дал им свою красивую прежнюю кожу, из кото-

рой он недавно вылез и сейчас щеголял в новом наряде.

Потом они вместе с тетушкой Дриадой и дядюшкой Туканом дубили эту кожу для того, чтобы красивые узоры на ней выглядели как можно более эффектной. После этого дядюшка Дикобраз дал кенгуренку иголки и помог ему сделать прочные нитки из листьев агавы. Потом пришел дядюшка Таманду и своим длинным языком разметил границы выкройки. А затем своими острыми зубами шкуру удава кроила тетушка Тиранья. И только потом тетушка Дриада сшила кенгуренку замечательную сумку.

— Держи, племянничек, — сказала тетушка Дриада кенгуренку

— Спасибо, — поблагодарил Валлаби. Это мой самый главный подарок — моя новая сумка.

— Нет, это пока не главный подарок, — возразила тетушка. — Свой главный подарок ты от нас получишь через месяц. — Пошли работать.

И они снова принялись шить сумки. Одну, вторую, третью, девятую. Увлеченный работой Кенгуренок не заметил, как, ссылаясь на важные южноамериканские дела, исчез сначала дядюшка Таманду (и кенгуренку пришлось самому сделать лекало), потом его покинул дядюшка Дикобраз (правда, оставив Валлаби запас иголок), а затем — и тетушка Дриада. Так что десятую сумку кенгуренку пришлось полностью шить самому.

Напоследок он, как учил его дядюшка Броненосец, панцирем черепахи (сначала выпуклой стороной, а потом плоской) разгладил сумку, осмотрел ее со всех сторон и пошел к тетушке Дриаде. Оказалось, что не только она ждала Валлаби, но и дядюшка Ревун, и дядюшка Ленивец, и дядюшка Тукан, и дядюшка Таманду, и дядюшка Броненосец, и дядюшка

Дикобраз и дядюшка Удав и еще много каких-то незнакомых зверей и птиц.

— Ну, показывай, что получилось, — сказала тетушка Дриада.

И Валлаби показал ей сумку.

— А ну-ка земляки, оцените работу, — сказала тетушка и пустила сумку по кругу.

— Хорошо! — громко сказал дядюшка Ревун (потому, что он не мог говорить тихо)

— Хорошо! — тихо сказал дядюшка Ленивец (потому, что он не мог говорить громко).

— Хорошо! — торопливо сказал дядюшка Тукан (потому, что он не мог говорить медленно).

— Хорошо! — сумрачно произнес дядюшка Дикобраз (потому, что он всегда так говорил).

А дядюшка Таманду ничего не сказал, но аппетитно шмыгнул своим длинным языком, что означало, что сумка ему тоже понравилась.

— Ну вот, племянничек, тебе твой самый главный подарок, — и Дриада вернула удивленному Валлаби сумку. — Самый главный подарок — это твое умение шить такие замечательные вещи. А эту, свою первую сумку ты себе не оставляй, а подари маме.

А потом Дриада обратилась к Ленивцу, — Ну как, сделал?

— Конечно, сделал, — тихо ответил Ленивец и вытащил из дупла крылья кенгуренка. Но какие крылья!

Ленивец работал хотя и медленно, но зато делал все основательно и красиво. Он укрепил крылья и поставил на пробоину надежную заплатку. А самое главное — дядюшка Ленивец украсил их серебристо-голубыми крылышками Бабочек-из-Снов, которые водятся только в Южной Америке.

— Ну вот, ты и готов в путь, — сказала тетушка Дриада, протягивая кенгуренку специально сшитый

для путешествия баул, в который были уложены все его вещи.

— Помиришься с тетушкой Ехидной, и она даст тебе новых иголок, — напутствовала кенгуренка Дриада. — Сходи к дядюшке Питону и передай ему привет от его родственника Удава, и Питон даст тебе кожи. Из корней акации сделай прочные нитки. Приди на берег моря и будь вежлив с тетушкой Акулой, и ее острые зубы помогут тебе кроить кожу. А остальное — то есть голова и руки — у тебя есть.

Кенгуренок захлюпал носом — ему жаль было расставаться с новыми друзьями. Но дома его ждала мама. Кенгуренок надел крылья, взмахнул ими и полетел.

— Лети Валлаби, лети кенгуренок, — закричали звери и птицы, махая ему вслед лапами и хвостами, пока он не скрылся в высоте.

Новые крылья были чудесными. Они подняли Валлаби высоко-высоко. Из поднебесья он увидел и Южную Америку с огромной рекой Амазонкой, и Северную Америку, над которой кружил белоголовый орлан.

Над океаном по-прежнему летал Странствующий Альбатрос. Кенгуренок приветливо помахал ему своими крыльями, а Альбатрос в ответ так громко чихнул, словно ударила пушка приветственного салюта.

Потом Валлаби увидел Новую Зеландию, по которому гуляла странная подслеповатая птица Киви и наконец — родную Австралию, там, где ждала его мама.

Он сделал все, что велела ему тетушка Дриада.

Он поскакал к маме и подарил ей новую сумку.

Он вернул Крылану его крылья.

Он пошел к тетушке Ехидне и попросил у нее прощения. И Ехидна дала ему иголок.

Он пришел в пещеру к дядюшке Питону и передал ему привет от дядюшки Удава. И Питон дал ему кожи.

А потом Валлаби сел и принялся шить. Но прежде всего он сшил не сумку, а прочный, защищающий от стрел, кожаный бронежилет, который через Странствующего Альбатроса переправил своему приятелю Шерстокрылу на Филиппины.

И только после этого Валлаби начал мастерить прекрасные сумки для всей своей многочисленной австралийской родни.

— Сынок, — как-то раз сказала ему мама, — скоро ты станешь таким же знаменитым и богатым, как твой дядюшка Опоссум. Ты будешь жить в большом городе с длинноногими зверушками, сколько твоей душе угодно.

— Нет, мама, мне этого пока не надо.

— А чего же ты хочешь?

— Я, мама, лучше сошью себе новые крылья и снова полечу путешествовать. Ведь в скольких странах я еще не бывал! А на первые заработанные деньги я подпишусь на журнал «Юный натуралист» и куплю самый лучший школьный учебник по зоологии — В. Г. Бабенко. Ведь надо же знать каких еще животных можно встретить на Земле!

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗМЕЙ

Однажды, далеко-далеко, в глубинах Виноградного моря, моря, у которого нет берегов, потому, что оно со всех сторон окружено океаном, да и к тому же, в нем и винограда тоже нет, а вся поверхность покрыта слоем водорослей, так вот там появилось страховидное существо Плоскоголов. У него была плоская, сжатая с боков голова, огромные глаза и чудовищные, острые, направленные вперед зубы.

Вы бы, наверное, умерли бы от страха, если бы не одно обстоятельство. Это существо было совсем крошечное, и разглядеть его можно было лишь под увеличительным стеклом.

Как только Плоскоголов всплыл из морских глубин, его тут же подхватила величавая Океанская река (у которой, кстати, как и у Виноградного моря, тоже не было берегов) и медленно понесла на запад.

Если рассмотреть каплю океанской воды под микроскопом, там можно обнаружить целый зоопарк из крохотных животных. И многие из них становились добычей Плоскоголова.

Плыл, он плыл, хватал разную безликую мелочь и однажды встретил странное создание. Оно было похоже на маленький огурчик, но не зеленый, а бесцветный и прозрачный. У существа были реснички, росшие двумя рядами — спереди и сзади. Взмахивая ими, существо стало быстро улепетывать от Плоскоголова, но тот догнал его и разинул свою пасть.

— Не тронь меня! — взмолилось существо. — Дай мне только вырасти, и ты увидишь, какой красивой я стану.

— Кем же ты станешь?

— Когда я вырасту я стану морской богиней.

— Ты? — изумился Плоскоголов, — вот уж никогда не поверю.

— И не просто морской богиней, а Той, Что Светится, Когда Танцует во Мраке. Не тронь меня, дай мне вырасти, и, ты, как знать, увидишь мой танец.

— И когда это будет?

— Не скоро. Ты встретишь меня на обратном пути, когда ты и будешь возвращаться назад.

— Почему ты сказала «на обратном пути?» Я что, поплыву обратно?

— Да, поплывешь. Когда превратишься.

— В кого?

— В Серебряного Змея. Но это будет не скоро. Сначала ты доплывешь до сладкой воды и превратишься в Стекланную Змейку, потом, на десятом речном перекате станешь Желтой Змеей, и только потом, уже в озере — Серебряным Змеем.

— Откуда ты все это знаешь?

— Как откуда? — удивилось существо. Я ведь морская богиня. И хотя только будущая, но я уже сейчас все знаю.

— Ладно, — согласился озадаченный Плоскоголов. — Расти. Очень хочется посмотреть на тебя, ког-

да ты станешь настоящей морской богиней. Да еще танцевать будешь во мраке. И к тому же светиться. — И поплыл дальше.

Через некоторое время ему встретился крошечный комочек, весь густо покрытый короткими волосками.

Только Плоскоголов раскрыл свою ужасную пасть и хотел было его схватить, как услышал тоненький голосок:

— Пожалуйста, не ешь меня. Дай мне вырасти, и ты увидишь, каким красивым я стану.

— Красивым? Ты вырастешь и станешь похожим просто на большой волосатый колобок. А это не красиво.

— А вот и нет. Я не только вырасту, но еще и превращусь.

— Превратишься?

— Да. В Огненный Цветок!

— Ты меня хочешь обмануть! Всем известно, что в море цветы не цветут, и огонь не горит.

— Не ешь меня, и, обещаю, что на обратном пути ты сам в этом убедишься. Еще, обещаю, что если я тебя и обожгу, то совсем не больно.

— Хорошо, сейчас я тебя не трону. Но если обманешь — берегись! Обязательно съем!

— Тогда до встречи, — сказал Волосатый Комочек и исчез.

— До свидания, — ответил Плоскоголов, и поплыл дальше.

А навстречу Плоскоголову уже двигалось еще одно, похожее на крошечный кораблик, существо, над которым, гордо возвышался маленький парус.

— И этим не пообедаешь, — с досадой подумал голодный Плоскоголов. — Наверняка тоже какую-нибудь историю придумает.

— Как тебя звать-то? — спросил он незнакомца.

— Раз у меня парус есть, то я — настоящий Парусник! — гордо отвечал тот.

— Понятно, — сказал Плоскоголов. — И ты, конечно, тоже в кого-нибудь превратишься. В какую-нибудь морскую фею. Так?

— А вот и нет. То есть я превращусь, но не в фею, а в поставщика драгоценностей для самого Китайского Императора.

— И какие же драгоценности ты будешь ему поставлять? И откуда ты их будешь брать, такой маленький? — с насмешкой спросил Плоскоголов.

— Эти драгоценности я буду выращивать сам. И они будут стоить дороже золота. Придет срок, и я тебе эти сокровища покажу.

— Когда?

— Когда ты будешь возвращаться назад.

— Вот незадача, — сказал Плоскоголов. — Я еще не доплыл туда, а все рассказывают о том, что я увижу, когда поплыву обратно.

— Не расстраивайся, — успокоил его Парусник. — У тебя еще долгий путь. И ты увидишь много интересного, и когда будешь плыть туда, и когда будешь возвращаться. Встретишь и меня, когда я стану взрослым.

— А где тебя искать?

— Да я тебя сам окликну. Иначе ты меня не узнаешь.

— Почему?

— Потому что я изменю свой облик. Как, впрочем, и ты. Ты ведь сейчас маленький Плоскоголов, а будешь большим Серебряным Змеем! А теперь прощай, вернее — до свидания! — И Парусник, расправив свой парус, медленно заскользил прочь.

Как только Парусник скрылся из виду, Плоскоголов увидел, что ему навстречу плывет крохотный прозрачный рачок. Клешней у него не было, зато каждая тоненькая ножка была обрамлена целым веером

щетинок. Рачок, резво работая своими ножками, быстро плыл вперед.

— Здравствуй, Плоскоголов, будущий Серебряный Змей! — вежливо сказал рачок.

— Здравствуй, рачок.

— Вообще-то у меня имя есть.

— И как же тебя звать?

— Да у меня имя простое, — отвечал рачок. — Сейчас я меня называют Жизнью. А потом...

— Жизнью? — перебил его Плоскоголов. — Так все живое — и растения и животные, да и я тоже — это все жизнь. А это великое имя носишь ты — такая не-приметная кроха?

— Да, мое имя Жизнь, — невозмутимо продолжал рачок. Потом, когда я буду жить в раковине...

— Раз ты будешь жить в раковине, значит ты никакой не рачок, а улитка!

— Нет, не улитка, — терпеливо отвечал рачок. — Раковину я возьму чужую, пустую. И имя у меня будет другое — Отшельник. А потом я буду жить на суше, и лазать по деревьям...

— Ну, а уж в это я никогда не поверю! — воскликнул Плоскоголов. — Хотя имя у тебя, может быть и Жизнь, но ты Жизнь морская, а не сухопутная!

— Хочешь — верь, хочешь — не верь, но только когда ты будешь возвращаться назад, ты найдешь меня не в океане, а на суше, на острове. Вот тогда и поговорим. — И рачок, работая всеми своими ножками, уплыл.

А Река Без Берегов понесла Плоскоголова дальше.

Он рос, исправно питался, сам раз чуть не попался в зубы каким-то неведомым морским монстрам и повидал еще немало диких обитателей океана.

Однажды ему встретился шарик, весь усаженный острыми колючками. Присмотревшись, Плоского-

лов обнаружил, что этот шарик — живой, у него были глаза, рот и маленькие плавнички.

— Ты, наверное, морской ежик! — догадался Плоскоголов.

— А вот и нет, — ответил Колючий Шарик. — Это я сейчас так выгляжу. А когда мы с тобой вновь встретимся, и ты уже станешь...

— Знаю, знаю, — перебил его Плоскоголов. — Когда я стану Серебряным Змеем.

— Да, — подтвердил Колючий Шарик. — Когда ты станешь Серебряным Змеем, я стану Самой Большой Рыбой.

— Вот хвастуны! — подумал Плоскоголов. — Одна обещает стать Морской Богиней, другой вообще называет себя Жизнью, а эта мелюзга говорит, что будет Самой Большой Рыбой. Эх, побыстрее бы повзрослеть, и посмотреть на них. А вдруг они не обманывают и действительно ими станут?

— Такой большой рыбой, — продолжал Колючий шарик, что меня даже будут сравнивать с планетой!

— Ну, это ты загнул! — не выдержал Плоскоголов. — Ты, что станешь больше кита?

— Ну, конечно не больше, — смутился Колючий Шарик. — Но с планетой все равно будут сравнивать, — добавил он упрямо, и, как показалось Плоскоголову, обидевшись, исчез в глубине.

— Когда же начну превращаться в Серебряного Змея? — думал Плоскоголов, по-прежнему скользя по течению Реки Без Берегов.

* * *

Однажды Плоскоголов почувствовал, что изменилась вода — она помутнела, и еще у нее появился сладковатый привкус. Оказалось, что Плоскоголов из

океана попал в настоящую реку с настоящими берегами.

Изменился и сам Плоскоголов — его прозрачное тело сузилось, сильно вытянулось и стало таким гибким, что теперь он мог завязаться узлом. Кроме того у него исчезли огромные зубы, а голова стала маленькой и аккуратной. И он, вспомнив пророчество Морской Богини, понял, что с ним произошло первое превращение — он стал Стеклоанной Змейкой.

* * *

Все в реке было другим — и вода, и берега, и дно и течение. И речные обитатели тоже были другими.

Шестиногое зеленоватое существо, с тремя нитями на хвосте и бахромой по бокам неподвижно сидело на камне. Другое существо Стеклоанная Змейка не сразу заметила — так оно было похоже на лежащую на дне кучку стебельков каких-то растений. Неожиданно у этой кучки сначала показалась круглая голова, затем длинные ножки и существо быстро поползло вперед, таща на себе свой травяной домик.

— А вы, речные жители, тоже во что-нибудь превратитесь? — Спросила их Стеклоанная Змейка

— Конечно! А чем мы хуже морских обитателей? — хором отвечали Бахромчатый и Хозяин Домика.

— И во что же?

— Оба — в Летний Снег.

— Какое странное имя, — подумала Стеклоанная Змейка.

Она хотела узнать у этих двоих, когда можно будет полюбоваться на Летний Снег, но неожиданно Бахромчатый юркнул под камень, а другой спрятал-

ся в своем домике и уже оттуда крикнул Стеклоанной Змейке: «Берегись!».

Стеклоанная Змейка оглянулася. К ней по дну очень медленно приближалось какое-то уродливое неуклюжее пучеглазое существо.

— Странно, что они его испугались, — подумала Стеклоанная Змейка. — Этот тихоход никому не страшен. — А вслух спросила:

— Ты тоже в кого-нибудь превратишься?

— Превращусь, — пробурчало существо. — В Летучего Дракона.

— Что-то не верится.

— А ты подплыви поближе и рассмотри меня по-лучше, — сказал Тихоход.

— Не делай этого! — пискнул из-под камня Бахромчатый.

— Не подплывай! — слышалось из травяного домика.

Но было поздно. Как только Стеклоанная Змейка подалась вперед, чтобы рассмотреть Тихохода, тот оттолкнулся от дна, сложил свои лапки под брюхом и стремительно, словно ракета, полетел ей навстречу. Потом у него из подбородка выдвинулся длинный рычаг с двумя острыми шевелящимися крючьями. Этими крючьями Тихоход попытался схватить Стеклоанную Змейку. Та резко дернулось в сторону, Тихоход промахнулся, и с досадою пробурчав: «Повезло тебе», медленно опустился на дно.

А до смерти напуганная Стеклоанная Змейка быстро поплыла вверх по реке.

Она думала о том, как ей посчастливилось избежать ужасных крючков Тихохода, и о том, что скорее бы ей добраться до десятого переката и там, наконец, превратится в Желтую Змею, которой никакие Тихоходы страшны не будут.

Плыла она долго, подросла, окрепла, и за девятым перекатом встретила еще одного незнакомца: в речной заводии плавал глазастый шарик с хвостиком.

— Далеко ли до десятого переката? — спросила путешественница.

— Еще немного, — ответил Толстячок. — Еще немного, Стеклянная Змейка и ты станешь Желтой Змеей.

— И ты тоже плывешь туда? Тоже превращаться?

— Нет, я останусь в этой заводии. Но тоже превращусь.

— В кого?

— В Гремящую-В-Ночи, — гордо сказал Толстячок.

— Ух, какое имя! — восхитилась Стеклянная Змейка.

— И я его полностью оправдаю, — заметил Толстячок. — Когда вырасту. Да ты и сама увидишь. Вернее, услышишь, на обратном пути. Когда станешь Серебряным Змеем. А теперь спеши к десятому перекату. Тебе ведь Желтой Змеей сначала надо стать.

И действительно, на десятом перекате уже сильно подросшая к этому времени Стеклянная Змейка перестала быть прозрачной, и ее тело окрасилось в красивый желтовато-золотистый цвет.

Она стала сильнее, и быстро поплыла вверх по течению реки. Ей очень хотелось увидеть, откуда это река берет свое начало, откуда она вытекает.

Желтая Змея плыла долго, останавливаясь в понравившихся заводях, знакомилась с различными речными обитателями, и, наконец, достигла огромного озера.

Там она прожила несколько лет. Днем Желтая Змея пряталась под корягами, а по темноте выплывала на промысел за спящими рыбками, и все росла и росла.

Однажды ночью, в полнолуние, она у самого дна схватила сонную плотвичку, и только направилась под родную корягу, чтобы там, не торопясь, поужинать, как что-то острое укололо ее изнутри в челюсть, а затем неведомая сила потащила ее наверх.

Она дернулась, боль во рту усилилась, и ее по-прежнему что-то влекло к поверхности.

Чтобы освободиться, она вынырнула и замотала головой из стороны в сторону головой.

— Змей! — закричал испуганный рыбак, а когда из-за туч появилась луна — восторженно добавил: — Серебряный Змей!

— Наконец-то превратился! — подумал, страдая от боли Серебряный Змей.

Рыбак на секунду ослабил натяжение лески. Этого было достаточно: Серебряный Змей, еще раз тряхнув головой, освободил свою пасть от крючка, и скрылся в глубине озера.

Весь следующий день он просидел под корягой, а ночью отправился в обратный путь — к океану.

В одной из речных заводей, которая показалась ему знакомой, Серебряный Змей остановился передохнуть. Но отдохнуть ему не дали. Как только сгустились сумерки, река огласилась громоподобными звуками. И Серебряный Змей вспомнил, что еще в те далекие времена, когда он был Желтой Змеей, именно в этой заводи он встретил Толстячка, который обещал превратиться в Гремящую-В-Ночи.

— Наверное, он уже превратился, — подумал Серебряный Змей и поплыл к берегу.

К своему удивлению Толстячка он нигде не обнаружил. Зато на берегу сидела огромная зеленая лягушка, и оглушительна квакала.

— Здравствуй, Серебряный Змей, — сказала она. — Видишь, я тебя не обманула.

— Здравствуй, Гремящая-в-Ночи. Я узнал тебя. Твой голос действительно подобен громовым раскатам.

— У тебя впереди еще много встреч, — отвечала Лягушка. — Доброго пути!

И действительно, уже на следующий день, Серебряный Змей, поднявшись к поверхности, встретил еще одного знакомого. Над рекой парило элегантное существо. У него были четыре длинных прозрачных крыла, тонкое длинное тело и огромные глаза. Оно виртуозно летало над рекой, выделявая сложные пируэты, ловко ловя пролетающих мимо мух.

— Не узнаешь? — весело спросило существо, зависшее над водой, словно крошечный вертолет. — А ведь мы с тобой когда-то встречались. Помнится, ты тогда чуть мне не попался на обед. Я ведь тогда пообещал, что когда мы снова встретимся, я превращусь в Летучего Дракона — то есть в Стрекозу. Ну, как я тебе в новом обличье?

— Ты теперь очень изящная. А главное — безопасная. Для меня, по крайней мере.

— Это верно, — засмеялась Стрекоза. Теперь, пожалуй, ты меня можешь съесть. Если поймает, конечно.

И она, дразня Серебряного Змея, пролетела совсем рядом с ним.

— А где другие мои знакомые, ну те, которые обещали превратиться в Летний Снег. Или они, в отличие от меня, все-таки попались к тебе в зубы?

— Нет, они живы-здоровы. Ты их скоро встретишь. Через три переката. Только не спи ночью, и ты их увидишь.

Через неделю Серебряный Змей, миновав третий перекат, остановился и стал ждать ночи. И когда стало темнеть, он всплыл к поверхности, высунул

из воды голову и обмер: над темной рекой вилась настоящая метель. Мириады «снежинок» скользили над самой водой и, словно танцуя, поднимались вверх, потом медленно опускались вниз, касались воды и вновь взлетали.

— Помнишь нас, помнишь? — хором спросили две подлетевшие к Серебряному Змею снежинки — одна белая, другая желтоватая.

— Я Ручейник, тот, что жил в травяном домике, — сказала Желтая Снежинка.

— А я Поденка — Сказала Белая Снежинка. А теперь мы — тот самый Летний Снег. Любуйся! Мы кружимся всего одну ночь!

И Серебряный Змей заморожено смотрел на них этот чудесный снегопад до самого рассвета.

А на заре он поплыл дальше.

Через некоторое время Серебряный Змей почувствовал, что вкус воды стал меняться — она стала солоноватой. И он понял, что попал в океан.

Серебряный Змей устремился туда, где он когда-то родился — к Виноградному Морю.

Он плыл, вспоминая всех речных обитателей, которые претерпели столь удивительные превращения, забывая, что и он сам когда-то начинал свое путешествие в виде крошечного, страшноватого Плоскоголова.

Его мысли были прерваны тем, что он неожиданно головой уткнулся в круглый, мягкий плавающий остров.

— Осторожнее, Серебряный Змей! Не толкайся! — послышался низкий глухой голос, исходивший из недр острова. — Ты мог бы поделикатнее поприветствовать своего давнего знакомого.

— Кто ты? — недоуменно спросил Серебряный Змей, отплывая подальше, чтобы получше рассмо-

треть огромное существо. Серебряный Змей увидел, у этого острова есть глаза, рот и два длинных плавника — один сверху, а другой — внизу.

— Какой ты большой! — воскликнул Серебряный Змей. — Разве мы раньше с тобой встречались?

— Да, мы с тобой встречались. Это было давно. Ты тогда не верил, что я стану Самой Большой Рыбой. А я вот выросла и стала ею. Помнишь, я говорила тебе, что меня будут сравнивать с планетой. Так вот теперь меня так и зовут — Луна-Рыба. Это из-за того, что я такая огромная и такая круглая.

— Да, ты действительно самая большая рыба, — восхитился Серебряный Змей. — А куда ты плывешь?

— С возрастом я стала ленивая, — отвечала Луна-Рыба, — поэтому я всецело доверяюсь морским течениям. Куда они меня вынесут, там мне и хорошо. Врагов у меня нет, а корма в океане везде хватает.

— Тогда нам не по пути, Луна-Рыба, — сказал Серебряный Змей. — Прощай!

— Прощай! — ответила Луна-Рыба, и течение стало медленно уносить ее прочь.

Вскоре на пути Серебряного Змея возник еще один остров. На этот раз настоящий, возвышающийся над морем и поросший деревьями.

С вершины одной из прибрежных пальм раздался голос:

— Эй, погоди! Разве ты не хочешь повидаться со своим старым приятелем?

Услышав это, Серебряный Змей высунул из воды голову и посмотрел вверх.

По стволу пальмы вниз спускалось странное существо. Оно было похоже на гигантского паука, вооруженного огромными клешнями.

— Не узнаешь? — спросило существо, подходя к самому берегу.

— Не узнаю, — честно признался Серебряный Змей.

— А помнишь маленького рачка, которого ты встретил в океане, когда был Плоскоголовом? Я тогда звался Жизнью.

— Того рачка я помню. Но ты на него совсем не похож. И потом, все раки живут в воде, а ты — на пальме!

— На пальму я редко залезаю, — признался бывший рачок. — Я больше по земле хожу. И нора у меня в земле. Уютная! Я ее мягкой травой выстилаю.

— А питаешься ты чем? На суше раку не прокормиться.

— Кокосовыми орехами. Они падают, раскалываются, и я их ем. Правда, люди думают, что я у них эти орехи ворую, прямо с пальмы. Поэтому и называли меня Пальмовым Вором. А я на пальму просто так залезаю — на закат полюбоваться. Если я сейчас не забрался бы на пальму то, тебя бы и не увидел.

— Действительно, если бы ты меня не окликнул, мы бы так и не встретились, — согласился Серебряный Змей и поплыл дальше.

— Что же ты меня не замечашь, — вдруг послышался тихий укORIZненный голос с морского дна.

Серебряный Змей нырнул, чтобы увидеть обладателя голоса, но на дне были только камни.

— Я здесь, — продолжал голос. — Совсем близко, рядом с тобой.

Только после этих слов Серебряный Змей понял, что один из камней вовсе не камень, а ракушка. Ее створки чуть приоткрылась, и голос стал громче:

— Приветствую тебя, Серебряный Змей. Не узнаешь? А я ведь тот самый поставщик драгоценностей для Китайского Императора. Хорошо, что ты приплыл. Я же обещал показать тебе самую красивую

драгоценность, которую я выращивал долгие годы. Смотри! — и моллюск медленно раскрыл створки своей раковины.

Серебряный Змей увидел в глубине раковины огромную светящуюся голубую жемчужину.

— Какая чудесная! — воскликнул восхищенный Серебряный Змей. — Она действительно достойна Китайского Императора!

— Нравится? — спросил Моллюск. — Это мой подарок Морской Богине. Когда ты ее встретишь, передай эту жемчужину ей.

— А как же Китайский Император?

— Я для него другую выращу, — успокоил его Моллюск.

— Обязательно передам, — сказал Серебряный Змей, прикрепил жемчужину себе на голове и заскользил дальше.

На коралловом рифе он увидел огромную лиловую «хризантему».

— Ну, а тебя-то я узнал, — воскликнул Серебряный Змей, любуясь нежными полупрозрачными лепестками. — Ты — Морской Цветок!

— Ты почти правильно назвал мое имя, — ответил цветок. — Только не Морской, а Огненный. А еще меня зовут Актинией.

— Почему «огненный»? — удивился Морской Змей, ведь ты не горишь и не светишься.

— А ты подплыви поближе и узнаешь, почему.

Серебряный Змей подплыл, Актиния слегка коснулась его одним лепестком и Серебряный Змей, почувствовав жгучую боль, отпрянул в сторону.

— Теперь ты понял, почему я Огненный Цветок?

— Понял! Потому, что жжешься!

— Правильно. А ведь я тебя совсем легонько обожгла. А других могу и до смерти.

— Зачем же ты это делаешь?
— Когда врагов прогоняю.
— Не подскажешь, где мне найти Морскую Богиню?

— Нереиду?

— Кого?

— Это имя Морской Богини. Для того чтобы встретиться с ней тебе надо добраться до Виноградного моря. Там, в глубине, в непроглядном мраке ты ее и найдешь. Прощай!

— Спасибо! Прощай, — сказал Серебряный Змей.

Плыл он долго и, наконец, добрался до Виноградного моря, в котором, как вы помните, не было никакого винограда, и берегов там тоже не было.

Серебряный Змей начал погружаться вглубь. Вода сначала была голубой, потом стала синей, потом фиолетовой и наконец наступила непроглядная черная мгла. Лишь его жемчужина светилась в темноте.

Серебряный Змей остановился и стал ждать.

Прошло немного времени, и он заметил слабое мерцание. Через мгновение перед Серебряным Змеем возникло удивительное существо. Его длинное тело с боков украшали вытянутые, полупрозрачные фалды.

Но, самое главное, это существо, сияя зеленоватым призрачным светом, прихотливо извивалось, подчиняясь какому-то неведомому и очень сложному ритму.

— Нереида! Морская Богиня! Та, Что Светясь, Танцует во Мраке! Я узнал тебя! Я принес тебе самую красивую жемчужину! — воскликнул путешественник.

— Здравствуй, Серебряный Змей! — отвечала Нереида. — Вот мы, как я и обещала, встретились! И все мои предсказания, которые я давала тебе, сбылись. Ты совершил великое путешествие, видел многие

превращения и сам превратился в того, кого теперь называют Серебряным Змеем.

— Почему «называют»? А разве я не настоящий Змей?

— Нет. Ты рыба. Угорь. А так как ты очень долго прожил в реке, то ты — Речной Угорь.

— Скажи, и больше я ни в кого не превращусь, и не буду путешествовать?

— Больше ты не в кого не превратишься. А путешествие тебе еще одно предстоит. И, оно, пожалуй, самое главное в твоей жизни. Но это уже совсем другая история.

ЗЕМЛЯНАЯ РОЙКА

В лесу, под густым слоем опавших дубовых листьев жила-была крошечная зверушка, которую звали Ройка. У Ройки была вытянутая мордочка, крохотные глазки, маленькие ушки и длинный хвостик.

Именовали ее так не потому, что у нее был знаменитый шотландский предок по имени Рой, а потому, что она постоянно рылась в опавшей листве в поисках своего любимого корма — слизней, дождевых червей и личинок жуков.

Иногда ее называли и Земляной Ройкой и даже Землеройкой, но это название не очень ей подходило, потому что Ройка рыть землю не умела.

У Ройки были две мечты. Одна — это научиться копать землю — для того чтобы полностью оправдать свое имя.

А вторая мечта..., вторая мечта Ройки была заветная. Однажды Ройка увидела, как червяк прогрыз насквозь яблоко, и подумала, что ведь так, пожалуй, можно насквозь прокопать весь и Земной Шар, вылезти с его другой стороны и посмотреть на зверей,

которые там живут (раз шар земной — значит, он сделан из земли — значит, его можно прорыть — так рассуждала Ройка).

Научиться землекопскому ремеслу Ройка решила у Крота. И однажды она проникла в его нору. Хозяин подземных галерей пил чай. Он пригласил к столу Ройку.

— Дяденька Крот, — сказала Ройка, отхлебнув из чашки и сразу перейдя к делу — научи меня землю копать.

— И зачем тебе это? — спросил Крот — Ведь ты и безо всякого землекопского умения под землей лазаешь. По чужим-то норам как легко!

Ройка, уловив иронию в его словах, покраснела, но продолжала:

— А я не хочу по чужим, я хочу по своим. Кроме того, есть у меня заветная мечта — прорыть земной шар насквозь и посмотреть что там, с той стороны делается. Кто живет, что растет, и вообще...

— Прорыть земной шар? — удивился Крот — Так это даже мне не под силу.

— Тебе-то, дяденька Крот, как раз под силу (услышав такие слова, Крот самодовольно хмыкнул), а мне вот никак.

Крот с сочувствием и с сожалением посмотрел на тоненькие лапки Ройки и произнес:

— Да, пожалуй, из тебя хорошего землекопа никак не получится.

И, взглянув еще раз на погрустневшую Ройку добавил:

— Впрочем, есть выход.

— Какой? — встрепелась Ройка.

— Мы станем путешествовать вместе. А то что-то я дома засиделся, домоседом стал. Развеемся хочется. Когда отправляемся?

И, не дождавшись ответа, скрылся в глубине норы. Через некоторое время оттуда послышался лязг и показался Крот, толкающий перед собой тачку, в которой лежал шанцевый инструмент — лопаты и кирки разных форм и размеров.

— Ну, куда рыть-то? — деловито спросил Крот, выбрав одну лопату.

— Вниз, — ответила Ройка. — Только подождите немного, я за своим вещами сбегая.

— Давай, только быстрее возвращайся, — сказал Крот, отложив лопату и вновь присаживаясь к столу.

— Я мигом! — крикнула Ройка.

Действительно, вернулась она скоро. В лапках у нее был глобус, фонарик и компас.

— Вот, — произнесла запыхавшаяся Ройка. — Мы — здесь — и показала лапкой, на глобусе где это «здесь». — А нам надо сюда, то есть на юг и вниз.

— Понятно, — произнес Крот и отставил чашку.

Крот, взяв лопату, принялся рыть землю, а Ройка последовала за ним, толкая тачку с инструментами.

* * *

Долго ли, коротко ли Крот пробивал свой ход (дело у него спорилось, чувствовалось, что он настоящий мастер), но неожиданно его лопата ушла в пустоту, а через минуту он сам, а за ним Ройка с тачкой оказались в незнакомом тоннеле. Эта подземная галерея была намного шире, чем кротовый ход.

— Странно, — проворчал Крот, осматриваясь. — Похоже, кто-то еще пытался прорыть земной шар.

— А вдруг здесь какое-то чудовище под землей бродит? — пробормотала Ройка, — например, подземный зверь Мамонт.

— Ну что ты! — воскликнул Крот. — Мамонты жили давным-давно. И не под землей, а на земле, в

тундре. А называли их подземными зверями потому, что их кости под землей находили. Нет, здесь Мамонт не живет, здесь кто-то другой обитает.

Вдруг в тоннеле послышался шум: кто-то шел к ним.

— Шелоб, — прошептала Ройка, начитавшаяся «Властелина Колец».

— Кто? — не понял Крот, но на всякий случай, взяв лопату наперевес.

— Страшная пещерная паучиха.

— Это всё сказки. А к нам кто-то реальный пробирается.

Не успел он это произнести, как из тоннеля показался плоскоголовый, покрытый короткой серой шерстью безглазый зверек.

Он принялся и строго спросил:

— Кто такие? Куда идете? И вообще, как попали в мой тоннель?

Крот хотел было ответить, но Ройка положила ему лапку на плечо и заговорила первой:

— Мы пилигримы. Путешествуем, знакомимся с подземными обитателями. Я — Ройка, а это мой товарищ — Крот. Он у нас самый главный — именно Крот землю роет, а я тачку с инструментами за ним толкаю.

— А, коллеги, — сказал подобревший хозяин тоннеля. — А меня Слепышом зовут. Ройку я не знаю, а про тебя, Крот слышан — говорят ты славный землекоп. Я тоже под землей ходы прорываю, — продолжал Слепыш. — Киркой. А ты, Крот, чем?

— Я лопату предпочитаю.

— Можно посмотреть? То есть пощупать.

— Смотри, то есть щупай, — ответил Крот и протянул Слепышу лопату.

Слепыш пощупал и с одобрением произнес:

— Прекрасный инструмент! Такой лопатой всю землю насквозь прокопать можно.

— А мы как раз этим и занимаемся, — пискнула Ройка. — Хотим посмотреть, кто там живет — на другом конце земного шара.

— У шара нет концов, — назидательно произнес Слепыш. — А раз конца нет, то вы туда никогда не попадете.

— Концов нет, зато есть полюса, — нашлась Ройка. — Северный и Южный. Вот мы и копаем. В сторону Южного. У нас и компас есть.

— Ну, если так, тогда, может быть, вы докопаетесь до антиподов.

— До кого?

— До тех, которые на противоположной стороне земного шара обитают. Только путь туда не близкий. Кстати, мой тоннель как раз на юг идет. Можете им воспользоваться — и силы сбережете и время сэкономите. Идите по моим ходам ровно на юг. Там найдете Сурка. Он вам поможет.

* * *

Крот шел так быстро, что Ройка с тачкой еле поспевала за ними.

Неожиданно земля под ними рухнула, и Крот с Ройкой провалились в какую-то яму.

Это кто здесь безобразничает, мне спать мешает? — послышался из темноты грозный лающий голос.

— Извините! — пискнула Ройка. — Извините, что мы вас потревожили. Мы, видите ли, к Южному полюсу пробираемся. А к вам попали случайно.

— К полюсу? Как интересно! — произнес невидимый собеседник уже другим тоном.

Послышался шорох, Ройка направила туда луч фонарика, и они с Кротом увидели перед собой морду какого-то большого зверя.

— Сурок, — представилась морда. — Можете меня и Байбаком звать. Не обижусь. Так, значит, вы на Южный полюс собрались? Путешествие — это хорошо. Но не для меня. Домосед я, привык к своей норе. А что же вы так легко оделись? Там же, на полюсе холодно.

— Под землей всегда тепло, — возразил Крот.

— А на полюсе не земля, — не сдавался Сурок, — там лёд. Впрочем, как знаете. Так вам, говорите на юг? Тогда вам прямо вот по этому ходу моей норы. Он точно на юг идет. До его конца дойдете, а уж потом сами копайте. Счастливого пути!

Ройка и Крот поблагодарили Сурка и продолжили свое путешествие.

* * *

Копали они и копали (то есть Крот копал, а Ройка с тачкой шла следом), грунт становился все более рыхлый, а затем пошел сплошной песок.

— Быстро мы с тобой до Сахары докопались, — произнес Крот, оглядываясь на Ройку.

— До Сахары вам еще рыть и рыть, — прошипел кто-то рядом.

— Кто ты, братан? — спросил Крот, сжимая в лапах лопату. — Объявись!

— Сейчас объявлюсь, — прошипел незнакомец, и из песка заструилось длинное тело.

— Змея! — пискнула Ройка и спряталась за Крота.

— Правильно, я — змея, — прошипела незнакомка, — как и вы — подземный обитатель. А звать меня Удавчик. А полное имя — Песчаный Удавчик.

— Удав? — уточнил Крот.

— Не Удав, а Удавчик, — поправила его змея. — Это мои многометровые родственники, что в тропиках живут — Удавы. А я маленький, поэтому я — Удавчик.

— И свою жертву вы тоже давите, вернее души-те? — пропищала Ройка.

— Бывает, — прошипел Песчаный Удавчик, задумчиво переводя взгляд с Крота на Ройку, которая еще сильнее прижалась к своему товарищу. — Только я путешественников обычно не трогаю. И к тому же я сегодня утром очень плотно позавтракал. Но я отвлекся. Как я вам уже говорил, это не Сахара. Она вот там, — и Удавчик показал хвостом, в каком направлении находится Сахара. — Но вам до нее еще копать и копать. Счастливого пути! — и исчез в песке.

— Ух, пронесло, — прошептала Ройка, вытирая лапкой мордочку, — и, взглянув на компас, толкнула Крота в бок. — Пошли, что ли. Юг-то, он вон там.

И Крот взялся за лопату.

* * *

Долго ли, коротко ли копал Крот, две лопаты стесал, а когда сломалась третья, спросил Ройку:

— Мы, часом не промахнулись? Что-то мы до Африки никак не докопаемся. И грунт какой-то тяжелый пошел. В Африке вроде как песок должен быть, а тут сплошной известняк, — с этими словами Крот отложил лопату и вытащил из тачки тяжелую кирку.

— Мне конечно, подручной лопатой работать, — произнес он, — но ничего не поделаешь — придется кайлом помахать. — И он со всей силы ударил киркой по камню.

После третьего удара каменный пол под ними рухнул, и Крот с киркой, а также Ройка с тачкой, во второй раз за свое путешествие полетели вниз.

Они падали долго, что Ройка подумала, что на этом их путешествие и закончится, так как они разобьются. А Крот тоже решил, что их путешествие закончится, потому что они пролетят насквозь всю землю и, наконец, увидят загадочных антиподов.

Они не разбились, и сквозь землю не пролетели, а упали в реку. В подземную реку. И поплыли к берегу.

— Всё, — сказал Крот печально, помогая мокрой Ройке выбраться из воды. — Всё — повторил он. — Наше путешествие завершено. Тачка с инструментами утонула. Рыть нам нечем. И мы навсегда останемся здесь, в этой пещере.

Вдруг из воды прямо перед ними возникло странное существо: с мертвенно бледным длинным телом и с короткими слабыми лапками.

— Горлум, — подумала перепуганная Ройка, вспомнив «Властелина колец», и ожидая услышать от существа знаменитое: «Моя прелесть».

А вот Крот не испугался, потому, что, кроме сказки «Дюймовочка», он вообще ничего не читал.

— Простите, это не ваши вещи? — тихим голосом произнесло существо и вытолкнуло из воды на берег тачку с инструментами, глобусом, компасом и фонариком.

— Ура! — воскликнула Ройка.

— Ура! — закричал Крот. — Спасены! Кто, ты, наш благодетель?

— Я подземная Саламандра, — произнесло существо — пещерный житель, вернее пещерный водный житель. А это моя пещера.

— А твоя пещера, надеюсь, находится недалеко от Южного Полюса? — спросил Крот.

— Мне не хотелось бы вас огорчать, но далеко. Очень далеко, — ответила Саламандра. — Вам сначала до Африки надо добраться.

— Поняла? — спросил Крот, обернувшись к Ройке, — доставай свой компас и глобус, показывай, где эта Африка, куда копать, — и вытащил из тачки очередную кирку.

— Постойте, постойте, — заволновалась Саламандра, увидев решительные приготовления Крота, — вам еще море надо преодолеть.

— Какое море?

— Ну, то, которое посреди земли лежит. А впрочем..., — Саламандра на секунду задумалась, — я вам, пожалуй, смогу помочь. Мне давным-давно показывали вход в пещеру, идущую прямо в Африку. Следуйте за мной.

Саламандра поплыла вниз по подземной реке, а путешественники, стараясь не терять ее из виду, поспешали за своим проводником по берегу.

— Вам сюда, — Саламандра показала на отходящий вбок сухой подземный ход. — Дальше я с вами пойти не могу. Там воды нет, я только в воде и живу. Так что прощайте.

— Спасибо тебе, — сказали путешественники и направились к Африке.

* * *

— Что-то жарко стало, — произнес Крот, останавливаясь и вытирая пот со лба. — Проверь еще раз, туда ли мы движемся.

— Туда, туда, — откликнулась Ройка. — Ведь для того, чтобы до полюса добраться, надо сначала экватор пересечь. А на нем всегда жарко.

— Да вы уже давно экватор пересекли! — неожиданно раздался стройный хор многочисленных писклявых голосов.

— Боже мой, — подумала Ройка, уже привыкшая к появлению новых незнакомцев. — Настоящая подземная опера! «Аида»!

— Кто это, кто здесь? — заволновался Крот.

— Это мы, ваши коллеги, — отозвался хор. — Мы, также как и вы землекопы. Только мы голые землекопы.

— Голые? — удивился Крот. — Что у вас там, баня, что ли? И вообще, где вы?

— Нет, мы не в бане, — отозвались голоса — А голые потому, что у нас тут в Африке всегда жарко. А не видите вы нас потому, что мы в соседнем тоннеле. Сейчас мы к вам выберемся. Давай, ребята, поднажмем!

После этого возгласа стена обрушилась, и тоннель заполнился десятками очень симпатичных маленьких розовых подслеповатых зверьков. Действительно, голых.

— Как их много! — воскликнула Ройка, глядя, как в стене появляются все новые и новые дыры и оттуда ловко выскакивают все новые и новые зверьки.

— Какие у вас инструменты! Мы таких никогда не видели! — верещали Голые Землекопы, вытаскивая из тачки лопаты, кирки, а так же глобус, компас и фонарик. — А это что? А это зачем? — слышалось со всех сторон.

— Как этим рыть? — спрашивал один зверек, крутя в лапках глобус.

— Этим тоже землю роют? — пропищал другой, разглядывая компас.

Ройка с Кротом с трудом вернули все инструменты в тачку.

— Это наша Земля, — сказала она, вытирая глобус от пыли.

— Неужели она земля круглая? И такая маленькая? — засомневались Землекопы.

— Круглая, но большая, а это просто ее модель, — наставительным тоном произнесла Ройка, вращая глобус. — А это компас. В нем стрелка. Она указывает, куда нам надо копать. Вон туда, к Антарктиде.

* * *

Очень-очень долго рыл Крот. Запасных инструментов в тачке оставалось совсем мало.

— Неужели докопались? — сказал он однажды, когда путешественники попали в пещеру такую огромную, что, сколько не светила Ройка своим фонариком, потолка никак не могла увидеть. — Неужели всю Землю, наконец, прокопали? Я чувствую, что в этой пещере кто-то есть. Наверное, антиподы.

— Есть, — подтвердила Ройка, — и я слышу, как они разговаривают.

— А я ничего не слышу, — возразил Крот.

— Это потому, что я, Ройка, очень чуткая. Я даже ультразвук распознаю. Поэтому их разговор я слышу.

— И чем они говорят?

— Они говорят о нас.

— О нас? О том, что мы великие путешественники?

— Нет. О том, что в нас много теплой, свежей, вкусной крови.

— Они, что вампиры?!

— Да, мы летучие мыши-вампиры! — раздалось из темноты, а затем послышался приближающийся шелест многочисленных крыльев.

— Бежим! — пискнула Ройка и юркнула в нору, откуда они только что вылезли. Крот поспешил за ней.

— Промахнулись, — сказала Ройка грустно — Промахнулись.

— Промажнулись, — ответил ей Крот с облегчением. — Промажнулись Вампиры. А добрались бы до нас, всю кровь бы высосали. А ты что не радуешься?

— Да я не про Вампиров говорю, а про нас. Это мы промажнулись. С Антарктидой.

— Как так?

— Ведь Вампиры только в Южной Америке живут. Значит и мы сейчас в Южной Америке. А не в Антарктиде.

— Что, компас барахлит?

— Наверное, барахлит, — вздохнула Ройка.

— Не расстраивайся, — успокоил ее Крот. — Во-первых, мы живы. Во-вторых, — и он взял в лапы глобус, — смотри-ка мы с тобой и так почти всю Землю прокопали. Далась тебе эта Антарктида. Чего мы там не видели? Ведь там одни льды да пингвины. Может, махнем куда-нибудь еще? — сказал Крот, взмахнул киркой и ударил по стене, да так сильно, что она осыпалась и путешественники провалились в очередную пещеру.

— Что-то часто у нас сегодня приключения случаются, — сказал Крот, поднимаясь и потирая ушибленное колено.

— Ройка, ты слышишь? Как будто кто-то барабанит!

— Наверное, это барабаны орков! — Все-таки роман «Властелин колец» произвел на Ройку неизгладимое впечатление. — Надо спастись! Бежим!

— Не бойтесь, — произнес кто-то в темноте. — Мы не орки. Мы птицы. Козодои-Гуахаро. И Кротами не питаемся.

— А землеройками? — пискнула Ройка.

— И землеройками тоже не питаемся. Мы семена пальм едим. Вылетаем из пещеры и там, наверху, их едим.

— А барабаните зачем?

— Не барабаним, а щелкаем клювом. Для того чтобы в темноте пещер ориентироваться. Эхо щелчков от стен отражается, мы чувствуем, и так, при помощи звуков, «видим» и стены и выход из пещеры. Про летучих мышей слышали?

— Не только слышали, но еле-еле от них ноги унесли, — ответила Ройка, с содроганием вспомнив недавнюю встречу с вампирами.

— Ну вот, они с помощью звуков, точнее — ультразвуков, свою добычу находят...

— Знаем, знаем! — воскликнули путешественники. — Они и нас так нашли!

— ...А мы вот клювом щелкаем, — закончил фразу Гуахаро.

— Понятно, — произнесла Ройка. — Раз вы такие безопасные, мы у вас в пещере посидим, отдохнем и подумаем.

— О чем? — поинтересовался Гуахаро.

— Куда нам теперь направиться. До Южного Полюса мы идти передумали. Домой возвращаться не хочется — все-таки мы за это время к путешествиям привыкли, это так здорово — странствовать и каждый день узнавать что-то новое.

— Так направляетесь на север, в Северную Америку. Там тоже места интересные. Кстати, там и ваш родственник живет. Звездорыл.

— Он что, звездой землю роет? — спросила Ройка.

— Нет, он на назван так потому, что у него на рыле, то есть на носу звезда, а лучше сказать, — цветок. Он слеп, как Крот. Ой, извините, — засмутился Гуахаро, вспомнив, что Крот как раз и стоит перед ним. — Ну, в общем, он этим самым «цветком» или «звездой» — как хотите это называйте — все ощупывает вокруг себя. Сканирует, так сказать.

— А что, Гуахаро, по-моему, дело говорит, — встрепенулся Крот. — Пошли, навестим родственника. — И Крот взялся за лопату.

— Куда «пошли»? — уныло отозвалась Ройка. — Мы с таким компасом, — и она потрясла прибором — опять куда-нибудь не туда зарулим. В Новую Зеландию, например.

— В Новой Зеландии хорошо, — мечтательно произнес Гуахаро. Там все пещеры подсвечены. Светящимися червячками на паутинках. Цивилизация! Но далековато до нее, до Новой Зеландии будет. К тому же тоннель придется рыть под дном океана. Впрочем, вам не привыкать, вы же от Африки до нас докопались! Но все же, я вам порекомендую Северную Америку. Оно как-то ближе получится, и потом туда пути торные ведут. Сначала докопайтесь до нор Туко-Туко, потом по его ходам дойдете до нор Броненосца, а там уж и тоннели Полифема рядом, а дальше, по галереям Луговых Собачек и до Звездорыла рукой подать.

Ройка начертила маршрут на глобусе, и друзья отправились в путь, теперь уже на север.

* * *

Сначала они добрались до нор Туко-Туко. Это был маленький длиннохвостый грызун, который все время жил под землей, рыл длинные ходы, а когда его тревожили возмущенно кричал: «Туко-туко!».

Потом они провалились в огромный подземный муравейник, где муравьи-листорезы выращивали на своих подземных плантациях грибы.

Потом, Крот и Ройка, покусанные муравьями, долго шли длинными тоннелями маленького земляного Броненосца, а потом галереями еще одного подземного жителя — черепахи Полифема.

А уж потом, через норы Луговых Собачек (которые к собачкам никакого отношения не имели, а на самом деле были сусликами, но очень громко тывкали), достигли, наконец, нор Звездорыла.

Звездорыла действительно обладал чудесным носом, который напоминал и красную звезду, и красную гвоздику одновременно. Звездорыл был не только умелым землекопом, но так же быстро бегал по поверхности земли и к тому же часто подолгу плавал и нырял в соседнем озере.

После знакомства со Звездорылом Крот заявил Ройке, что ради того, чтобы повидаться с таким замечательным родственником стоило совершить такое далекое и полное опасностей путешествие. И что он, Крот, мечтает освоить под руководством Звездорыла подводное плавание (но главное, Крот втайне надеялся вырастить у себя на носу такой же чудесный цветок).

А Ройка, устроившись в норе гостеприимного Звездорыла, принялась писать мемуары, вращая глобус и вспоминая места, где они побывали, и мечтая о тех, до которых они пока не докопались.

ДВА ЧАСА ДО ОБЕДА

Тяжелые, еще по-утреннему прохладные листья инжира не шевелились под дуновением легчайшего бриза.

Белый, увитый виноградом дачный домик казался пунцовым в лучах восходящего солнца.

Было так тихо, что слышалась негромкая трель ручья, доносящаяся из ближайшего оврага.

Дубоносы, пока спали хозяева домика, молча грабили вишневое дерево, сбрасывая на землю спелую пурпурную мякоть и с треском раскусывая толстыми клювами твердые зернышки. По дорожкам семенили, хватая пауков, трясогузки, иногда прерывая свой бег стремительной воздушной погоней за взлетевшей мухой. На земляничных грядках хозяйничали дрозды, вытаскивая из земли зазевавшихся червяков и не упуская случая полакомиться запоздалой переспелой ягодой. На ветвях абрикоса, тихо попискивая, торопливо скакала синица, тщательно осматривая каждый листик в поисках гусеницы. Иногда она испуганно замирала, когда с дерева, стуча по сучьям, падал, на еще не нагретую землю спелый плод.

Зеленый богомол притаился на цветке желтой розы в ожидании добычи — мухи или бабочки. Изумрудная ящерица, греющаяся на крыльце, стремительно скрылась в трещине фундамента, испугавшись прилетевшей вороны. Птица посидела на крыше, прогулялась по тропинке, примостилась на краю большого каркасного бассейна, внимательно осмотрела странное судно ярко-синего цвета, которое в этом бассейне плавало, попила воды, оглушительно каркнула и улетела к морю.

Оттуда, приглушенный расстоянием и соседними садами таких же дачных участков, послышался звук моторки — наверное, какой-то дачник вознамерился с утра половить бычков.

Громогласное карканье вороны, казалось, разом разбудило обитателей поселка. Захлопали двери и залаяли собаки. Отовсюду слышались детские голоса: до начала занятий в школе был еще целый месяц и приморский дачный поселок был похож на огромный пионерский лагерь.

Открылись двери белого дачного домика, и дубоносы резво вспорхнули с вишни. Из домика вышел профессор Барсуков. Доктор биологических наук. Изобретатель.

Вы бы никогда не подумали, что Барсуков — настоящий профессор, тем более — доктор наук, потому, что Барсуков увлекался слаломом и мотоциклетным спортом, был высок, прям, не носил ни бороды, ни очков, и вовсе не отличался рассеянностью. Голубая футболка и салатовые шорты не скрывали южный загар профессора. Голову Барсукова венчала красная бейсболка.

Профессор Барсуков, любовно погладив стоящий у крыльца огромный красный мотоцикл, направился к бассейну. Проходя мимо вишни, он хотел было полакомиться ягодами, но обнаружив, что все они над-

кусаны и ковром покрывают серую землю, только присвистнул и начал озираться в поисках дубоносов (недаром он был доктором биологических наук и поэтому прекрасно знал, кто это набезобразничал). Но тех уже и след простыл.

Слегка огорченный этим Барсуков добрался до бассейна. Он не стал в нем плавать, а занялся тем самым предметом, который так заинтересовал ворону.

Это была подводная лодка: в длину около пяти метров, в ширину — около двух. У судна имелось все, что и у настоящей субмарины — люки, рули, винты. На носовой части подводной лодки возвышалась прозрачная полусфера, сквозь которую можно было рассмотреть каюту. На борту судна красовалась надпись «Архей».

Профессор хотел забраться на палубу, но ему помешали.

Калитка в заборе, окружающем барсуковскую дачу, с шумом распахнулась и на участок с криками вбежали двое детей — мальчик в маечке и шортах и девочка в цветастом сарафанчике.

У обоих за спинами болтались легкие рюкзачки.

— Натуралисты, — подумал догадливый Барсуков. — Юные натуралисты.

И он не ошибся, потому что юннаты были вооружены огромными сачками. Этими сачками они яростно размахивали. А размахивали они сачками потому, что через забор барсуковской дачи перелетела роскошная бабочка, желтая с черными прожилками и длинными «шпорами» на задних крыльях. За ней-то и гнались юные испытатели природы.

Бабочка, наверное, хотелось пить, и она стала неторопливо кружить вокруг бассейна, а энтомологи продолжали преследовать ее, не обращая внимания ни на бассейн, ни на плавающую в нем подводную

лодку, ни на испуганно замершего профессора Барсукова.

Наконец, насекомое, по-видимому, устало и село отдохнуть на красную бейсболку хозяина дачи.

В тот же момент голова опешившего профессора оказалась сразу в двух сачках.

— Улетел? — спросила девочка.

— Попался! — уверенно ответил мальчик.

— Попался, — подтвердил Барсуков. — Я попался. А бабочка улетела.

— Извините, — насуплено и укоризненно сказал мальчик, как будто именно Барсуков был виноват в том, что они упустили ценный трофей.

— Извините, — тихо произнесла девочка и спряталась за спину мальчика.

— Чего уж там, — примирительно сказал профессор Барсуков, высвобождаясь из сачков — бывает. А вы хоть знаете, какую бабочку вы хотели поймать?

— Знаем, — хором ответили ребята, — махаона!

Девочка сняла с рюкзачок, вытащила из него потрепанную книжку «Бабочки», полистала, нашла нужную страницу и показала Барсукову рисунок. — Вот! Махаон! Он и летал!

— Правильно, — подтвердил профессор.

— Был такой врач в Древней Греции. В честь него и назвали, — сказала девочка. Я в книге читала.

— А это что у тебя за книга? — спросил Барсуков, заметив в рюкзачке девочки еще один томик.

— Это ее любимая, — снисходительно произнес мальчик, — она ее везде с собой таскает.

— Да, любимая! — с вызовом произнесла девочка. — «Необыкновенные приключения Карика и Вали». А любимая потому, что я сама — Валя, и еще потому, что мне бы очень хотелось тоже стать совсем малюсенькой и путешествовать.

— И чтобы тебя такую малюсенькую какой-нибудь паук слопал, — захихикал мальчик.

— Пауки не лопают, — возразила Валя, — они высасывают!

— Хорошо, раз ты Валя, — прервал их спор Барсуков, — то ты наверняка Карик.

— Нет, меня Костей зовут.

— Он мой брат, — пояснила Валя, — только двоюродный.

— А меня зовут Иваном Герасимовичем. А фамилия моя Барсуков. Профессор. Вот и познакомились.

— Ух ты! — восхитилась Валя, — почти как профессор Иван Гермогенович Енотов. Из этой вот книжки, — и она любовно погладила обложку.

— Ну, а у тебя, Костя, как я догадываюсь, наверняка тоже книга в рюкзаке есть, — предположил Иван Герасимович

— Есть, — с гордостью произнес мальчик.

— Тоже про бабочек?

— Нет, он бабочками не увлекается, — ответила за него Валя.

— Вот как? — недоверчиво произнес профессор Барсуков, вспоминая, что именно сачок Кости первым накрыл его голову, — а чем же твой брат увлекается?

— Огромными страшными динозаврами! — пояснила Валя.

— Вовсе они не страшные, а наоборот очень интересные. Вот бы на них живых поглядеть! — мечтательно произнес Костя.

— Он «Парк юрского периода» уже раз двадцать смотрел, — затараторила Валя, и всех по латыни знает. И книгу про динозавров все время с собой носит. А вы Иван Герасимович, чем увлекаетесь?

— Простейшими.

— Чем, чем?

— Микроскопическими одноклеточными животными.

— Все время с микроскопом возитесь?

— Ну, зачем же так — «возитесь»? — обиделся Барсуков. — Микроскоп это очень важная и нужная вещь для протистолога, такая же необходимая как вам — сачок.

— Для кого? Проти-..., просто.... Кто это?

— Для протистолога — ученого, который изучает микроскопических животных.

— Неужели это интересно? — удивился Костя.

— Чрезвычайно интересно! — горячо откликнулся профессор. — И скажу тебе по секрету, эти существа не менее удивительны, чем твои динозавры!

— Ну, это вряд ли, — не поверил Костя.

— Уверяю тебя, что это так. И если хочешь, я тебе это докажу.

— Микроскоп сейчас принесете?

— Да нет. В микроскоп ты и сам как-нибудь заглянуть сможешь. А я приглашаю тебя совершить настоящее путешествие в микромир.

— Как Карик и Валя? А меня возьмете? — с надеждой спросила Валя. — Мы уменьшимся и на стрекозе мы летать будем?

— Вы, наверное, шутите, — недоверчиво возразил Костя, — ведь всем известно, что не существует ни порошка, ни эликсира, который уменьшает человека. — И мальчик презрительно кивнул в сторону книги, которую прижимала к себе Валя.

— Эликсира такого, к сожалению, пока нет. А вот другое средство есть. — И профессор показал на ярко-синее судно, плавающее в бассейне.

— Что это? — хором спросили дети.

— Это мое последнее изобретение, — с гордостью произнес профессор Барсуков. — Я ведь не только

доктор биологических наук, но еще и инженер, — добавил он скромно. — Так вот эта подводная лодка — мое последнее детище!

— И что, она по-настоящему может плавать под водой? — с недоверием спросила Валя. — А из нее можно за рыбками наблюдать? А акула ее не разгрызет?

— «Архей», — прочитал Костя надпись на борту лодки, — это, наверное, тоже кто-нибудь из Древней Греции?

— Нет, это время, то есть период времени, когда на нашей планете существовали только одноклеточные простейшие организмы. Примерно 4 — 2 миллиардов лет назад.

— Раньше, чем на земле появились динозавры, — сделал вывод Костя.

— Гораздо раньше, — подтвердил профессор.

— На ракету похожа, — заметил Костя, осматривая судно.

— В этом ты, пожалуй, прав, — согласился профессор, — в какой-то степени «Архей» и создан для путешествия в космосе, только в микрокосмосе.

— А почему лодка в бассейне плавает? — настаивал Костя. — Вы что, еще в море ее не испытывали?

— В море я ее не испытывал, да и, наверное не буду. Дело в том, что эта лодка не простая...

— А волшебная! — подхватила Валя.

— Ну что ты, — усмехнулся профессор, — волшебство бывает только в сказках, а мы с вами наукой занимаемся. Эта лодка как раз и создана для научного исследования крошечных животных, которые видны только в микроскоп. Причем в их естественной среде обитания.

— Я поняла! — воскликнула Валя. — Там внутри стоит большой микроскоп, вы забираетесь в лодку, и

в этот микроскоп смотрите, кто вокруг плавает. А мне можно взглянуть? Ну, пожалуйста! Очень хочется!

— Никакого микроскопа внутри нет, — разочаровал девочку Барсуков. — Просто лодка сделана из особого материала. Но самое главное вот это, — и профессор показал на аппарат, висевший на столбе у бассейна.

Аппарат этот был похож на огромный прожектор, однако вместо лампы у него была прихотливо изогнутая спираль из какого-то ослепительно блестящего металла.

— Что это? — спросила Валя.

— Это генератор, испускающий невидимые лучи особой длины, которые могут на некоторое время уменьшить любой предмет и все что находится внутри него. Причем очень сильно.

— Ой! — восхищенно воскликнула Валя, — Иван Герасимович, пожалуйста, направьте эти лучи на меня! Я хочу стать маленькой и полетать на стрекозе!

— Это невозможно. Есть одно условие: предмет должен быть сделан точно из такого же материала, из которого изготовлена обшивка этого судна, — и профессор постучал пальцем по корпусу плавающей в бассейне ярко-синей субмарины.

— Значит можно сделать из такого же материала и скафандр. И в нем уменьшиться, — предположил Костя. — Вот тогда тебе, — и мальчик снисходительно посмотрел на сестру, — можно будет покататься на стрекозе. Или на мухе.

— Это тоже невозможно, — возразил Барсуков. — Пока никак не удастся создать настолько гибкий, эластичный материал, из которого можно сшить такой костюм. Но, думаю, когда-нибудь мы его обязательно сошьем. Ну как, согласны совершить со мной подводную экспедицию в микромир?

— Согласен! — решительно сказал Костя.

— Я тоже согласна, — произнесла Валя. — Только нас из дома отпустили всего на два часа. Если мы к обеду опоздаем, то родители ругаться будут.

— А мы за два часа успеем обернуться, — заверил Барсуков. — Сейчас я запрограммирую генератор, и он уменьшит судно на этот срок.

Профессор подошел к серому ящику, стоящему у основания столба, на котором был прикреплен странный «прожектор», открыл дверцу и начал щелкать тумблерами.

— Ой, — заволновалась Валя, — ваша подводная лодка сейчас уменьшится, и мы в нее не сможем залезть.

— Не волнуйся, — успокоил ее Барсуков, — это произойдет ровно через десять минут. Так что у нас будет время, чтобы в ней расположиться.

Барсуков повесил на борту бассейна табличку «Не подходить! Идет научный эксперимент!», затем прислонил к бассейну короткую лестницу, забрался на нее, оттуда шагнул на палубу своей синей субмарины, развернул красную бейсболку козырьком назад, и открыл люк.

Потом обернулся к Косте и Вале:

— Ну как? Не раздумали? Тогда полезайте!

Костя, а за ним и Валя, оставив свои сачки у края бассейна, взобрались на палубу.

— Осторожно, не свалитесь в воду, — предупредил Барсуков и скрылся в недрах субмарины. Вскоре оттуда донесся его приглушенный голос, — спускайтесь! Только осторожно! Люк узкий, а лестница крутая.

Изнутри лодка напоминала салон легкового автомобиля. В нем, точнее в каюте, стояли три кресла — два впереди, а третье, на возвыше-

нии — сзади. Перед третьим располагался пульт управления, с обилием кнопок, рычажков, тумблеров, циферблатов и датчиков. Был и маленький штурвал. Сверху кабину закрывал прозрачный купол.

— Пристегивайтесь ремнями, — приказал Барсуков, и ребята защелкали пряжками.

Профессор задрал люк, сел за пульт и заработал переключателями. В корме лодки загудело, потом ее мягко качнуло. Валя тревожно завертела головой и вцепилась в подлокотники. Гул нарастал.

— Погружаемся, — раздался торжественный голос Барсукова.

За бортом плеснула волна, и лодка мягко пошла вниз.

— Здорово! — восхитилась Валя, — но пока ничего не видно.

— Скоро, скоро, — успокоил профессор. — Сейчас на дно спустимся, и животные появятся.

По крику Вали Барсуков и Костя поняли, что они появились.

— Осьминог! — завизжала Валя от ужаса и от восторга.

На дне среди огромных камней действительно сидело полупрозрачное существо, отдаленно напоминающее очень упитанного осьминога. По крайней мере, на его округлом теле были многочисленные длинные толстые выросты. Эти выросты шевелились, вытягивались и сокращались. Ими «осьминог» цеплялся за камни, и, переваливаясь, медленно двигался вперед.

— А почему он слепой? — спросила Валя, — и какой-то бесцветный? Осьминоги ведь очень красивые бывают. Я по телевизору видела.

— Потому что это не осьминог, — ответил профессор. — Мы ведь уже уменьшились. Если бы мы

оказались рядом с настоящим осьминогом, то просто не смогли бы его окинуть взором. Большое видится на расстоянии.

— Так кто же это?

— Амеба. Амеба-протей. Это животное назвали протеем в честь древнегреческого морского божества, которое могло принимать различные облики, — профессиональным лекторским тоном начал вещать Барсуков.

— Ой, наш осьминог кого-то поймал! — прервала его Валя.

— Амеба, — мягко поправил ее Барсуков. — Кстати, у настоящего осьминога вопреки названию не восемь ног, а восемь рук. Так вот, амеба захватила свою жертву не ногой и не рукой, а псевдоподией.

— Чем-чем?

— У амебы не ни рук не ног. А эти выросты ее тела называются «псевдоподиями». «Псевдо» — «ложный», «подус» — нога. Получается «ложная нога». А так как амеба очень маленькая, то эти выросты протистологи называют «ложноножками». Понятно?

— Понятно!

Было хорошо видно, как амеба медленно захватила двумя псевдоподиями-ложноножками какое-то сначала дрыгающееся, но вскоре затихшее существо.

— Жгутиконосца поймала, — прокомментировал подводную микродраму Барсуков.

— Кого-кого? — наконец начал интересоваться протистологией и Костя.

— Жгутиконосца. Мы его рассмотрим попозже. Я надеюсь, нам повстречается боле солидный экземпляр, а не такая мелюзга.

— А теперь она его, несчастного, глотать будет? — допытывалась Валя.

— С ее точки зрения — да, с точки зрения человека — нет.

— Как это?

— У нее глотки нет, — значит, и глотать не может.

— А тогда как же?

— А вы смотрите, смотрите.

Амеба тем временем стала медленно наползать на несчастного жгутиконосца. Вскоре тот, очутившись в теле протей, оказался полностью запакованным в небольшой пузырек, который медленно поплыл внутри тела амебы.

— В чем этот жгутиконосец сейчас находится? — спросила девочка.

— В пустоте, — ответил Барсуков.

— Как это?

— Шучу, конечно. Этот пузырек — пищеварительная вакуоль. От слова «вакуум» — «пустой». На самом деле он заполнен пищеварительным соком.

Подводная лодка медленно развернулась и поплыла над самым дном. Оно казалось пустынным, изредка лишь попадались медленно ползущие на своих псевдоподиях амебы. В щелях между камнями клубились беловатые комочки.

— Бактерии, — указал на них профессор. — Кстати, обратили внимание на камни?

— Обратили, — откликнулась Валя.

— Так это песок, обычный мелкий речной песок. Я его сюда, в бассейн, из ручья принес. Ага, вот и родственнички. Одна, а вот и вторая.

— Где? — спросила Валя.

— И чьи родственники? — уточнил Костя.

— Вон там, под камнями, то есть под песчинками, сидят. Одна под красной, другая под прозрачной. Это родственники нашей знакомой — амебы. Амеба голая, а эти похитрее будут. Видите — обе в домиках. Та, которая спряталась в коричневом домике, похожем на шляпку белого гриба, зовется арцеллой.

А вторая называется диффлюгией. И вообще привыкайте, что названия в микромире сплошь латинские. Нет у этих животных русских названий. Как, кстати и у динозавров.

— Почему? — удивился Костя.

— Потому, что живых динозавров никто не наблюдал, а имена им давали палеонтологи, для которых латинские названия самые главные. И амёб никто из простых людей не видел, а рассматривали их только ученые в микроскоп и называли опять же по-латыни. Так что привыкайте, что тут, в микромире все по латыни называются.

— Понятно. Так где же ваша диф-...дифф-..., — попыталась произнести название Валя.

— Диффлюгия, — пришел на выручку Барсуков. — Вон она, под красным камнем, то есть, конечно, песчинкой. У нее тоже домик, только не такой, как у арцеллы. У арцеллы сплошной, а у диффлюгии — в виде колпачка, набранного из мелких песчинок.

— А зачем им домики? — спросила Валя.

— От врагов спастись. Как рак-отшельник.

— Рака-отшельника я видела, — вспомнила Валя. — Он меня даже цапнул! А наша голая амёба, протей то есть, она, значит, совсем беззащитная?

— Хотя и беззащитная, но можно сказать бессмертная.

— Как это?

— Она периодически размножается — делится надвое, на две совершенно одинаковых половинки. И поэтому если одну из них какой-нибудь хищник съест, но вторая-то останется, и дальше будет делиться. И так далее.

— А если обеих сразу съедят? Или водоем пересохнет?

— Ну, если обеих съедят, то здесь уже, конечно не до бессмертия. А если водоем пересохнет, то они уж-

мутся, плотной оболочкой покроятся, и будут ждать, пока водоем снова наполнится. Или ветер перенесет их куда-нибудь в лужу, пруд или реку.

«Архей» приблизился к диффлюгии. Оказалось, что ее «колпачок» умело инкрустирован не только разнообразными песчинками, но и прозрачными, словно отлитыми из стекла, изящными предметами. Они были похожи на мыльницы, покрытые вычурными замысловатыми узорами, словно неведомые стеклодувы и гранильщики соревновались друг с другом в изощренности и фантазии. Иногда попадались целые «мыльницы», у которых крышка плотно прилежала ко дну, но чаще эти «мыльницы» состояли из одной части, вторая же была безнадежно утеряна.

— Перед вами водоросли, — пояснил Барсуков.

— Где? — воскликнули юннаты, ожидавшие увидеть обильное переплетение подводных зеленых растений.

— Да вот же они, прямо перед вами. Все эти коробочки и есть водоросли. Одноклеточные диатомовые водоросли. Вернее, их скелеты.

— Скелеты? Прозрачные, словно из стекла? — удивилась Валя.

— Они и есть из стекла. Точнее, из двуокиси кремния.

— А почему они не зеленые?

— Потому что они все мертвые. Хотя нет, одна вот живая. Ее диффлюгия наверное недавно поймала и вставила в качестве кирпичика в стенку своего домика.

— Вот это да! — восхитилась Валя, — сверкают, словно самоцветы.

— Их действительно называют опалами, — согласился Барсуков.

— Конечно, ведь они такие красивые.

— Да нет, не из-за красоты, а из-за того, что их створки состоят из тех же веществ, что и этот драгоценный камень.

— А эта приклеенная водоросль, теперь что, погибнет? — поинтересовался Костя.

— Да нет, почему же. Будет жить. Самое главное свет есть, ведь только на свету идет процесс фотосинтеза. Правда, двигаться не сможет.

— Так это же растение, как оно может двигаться?

— Диатомовые водоросли как раз могут двигаться — медленно скользить по дну. Правда, ученым пока не известно, как это у них получается.

— Иван Герасимович, а давайте дадим ей побольше света. Для этого, как его..., фотосинтеза.

— Барсуков крикнул, но все-таки включил прожекторы. Водоросль отозвалась целым каскадом разноцветных лучей.

— А вот этой гостьи нам сейчас не надо, — произнес Барсуков, вглядываясь в водную толщу, — летит как бабочка на свет.

— Кто летит? — не поняла Валя.

— Вон она!

— Где? — продолжала вопрошать Валя, и хотела было спросить еще что-то, но осеклась, заметив, как к подводной лодке стремительно приближается длинная полупрозрачная «торпеда». Все тело существа было заполнено зелеными «мячами», а на его переднем конце расположен длинный жгут. Этот жгут быстро, словно пропеллер, вращался и тащил «торпеду» прямо к субмарине.

— Кстати, вы пристегнуты? — спросил Барсуков

— Пристегнуты, — ответили Валя и Костя, загипнотизировано следя за вращающимся жгутом. — А что?

— А то, что нас сейчас крутить будет.

— А как эта зеленая штуковина нас нашла? Она что, видит нас что ли? — спросил Костя.

— Эта «зеленая штуковина» называется эвглена зеленая. Она нас, конечно, не видит, а видит свет нашего прожектора.

— А чем видит?

— Вон то красное пятнышко — это и есть ее глаз.

— На конце морды, что ли?

— Нет у нее морды, нет, — терпеливо поправил мальчика Барсуков. — Это называется «передний конец тела». Она всегда на свет плывет. Эвглена — это вроде как полу-растение полу-животное. На свету — растение, в темноте — животное.

— Странные у вас здесь в микромире существа: вроде как растения, а по дну ползают, или как моторки плавают, — удивился Костя.

Эвглена достигла подводной лодки, жгутик обвился вокруг корпуса субмарины и судно закрутило.

— Вот это аттракцион! — восторженно воскликнул мальчик.

— Ой, — застонала Валя. — Меня сейчас тошнить начнет!

— Держи, — сказал Барсуков, — и протянул девочке упаковку «Драмина» — таблеток от укачивания.

Барсуков нажал на кнопку и свет прожекторов погас. Обескураженная эвглена, на прощанье помахав жгутиком, уплыла.

— Отстала, — облегченно вздохнула Валя.

— Теперь давайте посмотрим на тех животных, которые держатся у поверхности, — и с этими словами Барсуков устремил лодку вверх.

Вскоре они встретили странное существо. У существа было вытянутое тело с заостренным передним концом и закругленным задним, а все его тело покрывала редкая щетина. По щетине словно пробега-

ми волны: каждый волос то распрямлялся, то сгибался, действуя как весло. От толчков сотен тысяч «весел» животное плавно двигалось вперед.

В боку существа зияла огромная воронка, обрамленная длинными прутьями. Прутья гнулись, словно на ветру, и загоняли беловатые «мячи», «дыни» и толстые спирали в воронку.

— Иван Герасимович, кто это? — шепотом спросила Валя.

— Парамециум каудатум, — ответил Барсуков. — Кормится. Бактерий ловит.

— Эта пара..., пара...ну, как ее, оказывается очень полезная животина. Вон как бактерий трескает!

— Зови ее инфузория-туфелька, — пришел на помощь девочке Барсуков.

— Совсем на туфлю не похожа. Она сейчас и нас засосет, — вжалась в кресло Валя.

— Ну, положим, мы для нее слишком велики, — успокоил ее Барсуков, внимательно всматриваясь в приближающуюся инфузорию, — она может нас расценивать лишь как...

Он не успел закончить фразы, так как из того бока инфузории, который был ближе к лодке словно выстрелили тысячи орудий. Каждое из них извергло не ядро и не снаряд, а длинный упругий заостренный стержень — словно на теле туфельки мгновенно вырос частокол.

Заостренные концы «частокола» забарабанили по корпусу «Архея». К счастью, они не причинили судну никакого вреда.

— ...лишь как врага, — наконец закончил фразу Барсуков.

— Что это было? — спросил Костя.

— Бортовой залп.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Инфузория приняла нас за врага. И атаковала. Выбросила множество мгновенно застывающих в воде упругих нитей-трихоцист. Мелкого неприятеля они пробивают насквозь, а тех, кто с прочным корпусом — как наша лодка — просто отталкивают.

— А «Архей» они точно не пробьют? — заволновалась Валя.

— Корпус нашего судна сделан из новейших сверхпрочных материалов. Давайте поищем еще одну туфельку. Не такую агрессивную. И попытаемся рассмотреть ее лучше.

Другая нашлась быстро. Она мирно, не торопясь плыла чуть в стороне от подлодки, поглощая своей огромной глоткой-воронкой облака бактерий. Неожиданно за прозрачным стеклом кабины разыгралась подводная драма. К инфузории-туфельке быстро приблизилась другая инфузория, размером поменьше, и по форм напоминающая половину разрезанного пополам огурца. Незнакомая инфузория не снижая скорости, врезалась туфельке в бок.

— Дуэль субмарин, — прокомментировал ситуацию Костя. — Одна таранила другую.

— Почти так, — отозвался Барсуков. — Только не таранила, а присосалась и теперь будет ее поедать. Это хищная инфузория.

— А как же трихо... — трихо.... Ну, в общем, эти колья, которыми инфузория-туфелька нас отпихивала? — спросила Валя.

— Трихоцисты, — подсказал Барсуков и добавил, — в животном мире нет абсолютного, идеально-го оружия. Нет ее и у инфузории-туфельки.

Профессор хотел еще что-то сообщить, но не успел. Свет померк, лодка закрутилась в гигантском водовороте.

Как только вода в бассейне, после погружения субмарины успокоилась, с яблони на середину искусственного водоема упала, сорвавшись с листика, маленькая зеленая древесная лягушка-квакша. Она, приходя в себя, лежала некоторое время на поверхности, а потом, неуклюже гребя худосочными лапками, медленно поплыла к берегу, то есть к бортику бассейна.

В это время дверь домика открылась и оттуда вышла внучка профессора — пятилетняя Лена. Она уже позавтракала и отправилась гулять по саду. Сначала она понаблюдала за ящеркой, которая вновь вылезла погреться на крыльце. Затем Лена собрала в маленькое ведерко упавшие на землю спелые абрикосы и отнесла их бабушке на кухню, чтобы бабушка их помыла (Лена была послушной девочкой и никогда не ела немытые абрикосы!). Потом Лена прошлась по клубничным грядкам в надежде найти хоть одну запоздалую ягоду. Но она обнаружила там только дрозда, который эту ягоду увидел первым, и, мгновенно проглотив ее, с верещаньем улетел.

Так гуляя по саду, нюхая цветки, любуясь разноцветными бабочками и обходя жужжащих пчел и шмелей, Лена очутилась у бассейна, к которому ей, Лене, категорически запрещалось подходить.

На краю бассейна висел лист бумаги, на котором виднелась надпись «Не подходить! Идет научный эксперимент!» Однако Лена нарушила запрет. Оглянувшись по сторонам, она осторожно подошла к огромной круглой пластмассовой ванне, и, встав на цыпочки, заглянула за ее край.

Бассейн был пуст. Только одинокий зеленый лягушонок плавал на его поверхности.

— Бедненький, — обратилась Лена к лягушонку. — Как же ты сюда попал? Ты же в речке жить должен (Лена помнила, что когда они с бабушкой ходили на речку, то там по берегам сидело множество зеленых лягушек, которые громко шлепались в воду).

— Я сейчас тебя спасу, — пообещала Лена квакше.

Она оглянулась и увидела лежащие в траве два сачка.

— Интересно, чьи они? — подумала Лена, но потом, прервав свои размышления, взяла один сачок и с нескольких попыток подхватила им лягушку.

Потом Лена зачерпнула ведерком воды, посадила туда квакшу и заспешила через сад к ближайшему оврагу. Там она вылила воду вместе с лягушкой в ручей. Затем довольная Лена вернулась в сад, и пошла к бабушке — рассказывать, как она спасала лягушку.

Квакша за ближайшим поворотом выбралась на берег и стала карабкаться на ивовый куст.

А подводная лодка, случайно оказавшаяся в Ленином ведре, поплыла вниз по течению.

* * *

— Все пристегнуты? — спросил взволнованный неожиданным поворотом событий профессор Барсуков.

— Пристегнуты, — ответили юннаты — А где мы? И почему нашу лодку так сильно крутит?

— Нештатная ситуация, — пояснил Барсуков. — Кто-то перенес нас, то есть «Архей», в другой водоем.

— В какой другой водоем? — насторожился Костя.

— А мы к обеду успеем? — заволновалась Валя.

— Судя по тому, что нас несет течение — мы, скорее всего, в ручье. А к обеду мы обязательно успеем,

через..., — профессор взглянул на часы, — ровно через час сорок три минуты «Архей» примет свои первоначальные размеры. Хорошо было бы нам за это время добраться до реки — оттуда лодку легче перевезти домой.

— Ну, до реки-то мы быстро доберемся, — уверенно произнес Костя, — ведь ручей-то коротенький.

— Да, короткий. Но здесь встречаются совсем другие существа, чем в нашем спокойном бассейне с амебами, эвгленами и инфузориями-туфельками. Животные, обитающие в ручье, гораздо страшнее всяких разных динозавров.

— Ну, это вы, Иван Герасимович, преувеличили. Страшнее динозавров никто не может быть, — вступила в разговор Валя.

— Не может быть? Смотри, — и Барсуков указал вперед.

Юннаты взглянули и замерли. За прозрачным куполом каюты показался густой лес, и этот лес внушал юным подводникам ужас. Со дна вверх тянулись тысячи длиннющих мясо-красных стволов. На этих стволах не было ни ветвей, ни листьев. И все стволы шевелились — по каждому из них от основания к вершине словно пробегали волны, и казалось весь лес, извивался в каком-то бесшумном танце, словно щупальца тысячи осьминогов пытались кого-то схватить.

— Ну как, впечатляет? — спросил профессор, не меняя курса лодки.

— А мы, что, обходить их не будем? — прошептала Валя.

— А чего нам бояться?

— Ну, схватить могут.

— Эти не схватят. Их самих хватают.

— Кто?

— Рыбы. Ведь это лишь черви-трубочники. Отдаленные родственники обычных дождевых червей.

— Червяки размером с небоскреб?

— Да они меньше сантиметра. Просто сейчас наша лодка размером с инфузорию.

— А чего они так качаются?

— Дышат.

— Дышат?

— Ну да. Такие колебания воду перемешивают. Если бы они так не делали, то задохнулись бы.

— А едят они что?

— Ил через себя пропускают как дождевые черви — грунт. Всякую органику оттуда добывают и переваривают.

— Может, все-таки их обойдем?

— Нет, пойдем прямо. Лодку покачает немного, зато здесь более безопасно, да и в реке побыстрее окажемся.

Неожиданно весь лес исчез, скрылся под дном.

— Куда они делись? Как сквозь землю провалились! — воскликнул Костя.

— Так оно и есть. В грунт спрятались.

— Почему? Нас испугались?

— Нет. Нас они и не почувствовали. Рыба, наверное, кого-то из них схватила, а остальные спрятались. Так что путь свободен.

Лодка продолжала двигаться вперед.

— А вот это для нас может представлять опасность, — насторожился Барсуков.

— Что? — спросил Костя.

— Где? — завертела головой Валя.

— Вон впереди сеть видите? Нас прямо в нее и несет.

— Наша лодка в ней запутается, и мы до реки не доберемся?

— Хорошо если бы только запутались. Ведь у этой сети есть хозяин, и он ее проверяет: попался кто-нибудь или нет.

— Вот потеха! — засмеялась Валя, — рыбак вытащит сеть, а там мы, то есть наша лодка.

— Ты постоянно забываешь, что и мы, да и наша лодка очень, очень маленькие и рыбак нас просто не заметит, — вздохнул Барсуков. — И к тому же эту сеть сплел и поставил в ручей вовсе не человек.

— А кто?

— Ручейник. Вернее, личинка ручейника.

— Я помню! — воскликнула Валя, — в этой книге, — и она вытащила из сумки заветную книжку, — рассказывается, как профессор Енотов выгнал ручейника из его домика и потом все трое путешественников в этом домике переночевали.

— А я на ручейников рыбу ловил, — добавил Костя.

— Это когда ты был большим, — возразил Барсуков. — А сейчас ты такой маленький, что этот ручейник не только тебя, но и всю нашу лодку слопает. Ведь это настоящий хищник. И свои подводные тента он строит для того же, для чего их строит паук, — то есть для ловли добычи. В данном случае он ловит нас.

— И если запутаемся в его сети..., — начал было Костя.

— Он раздавит нашу субмарину своими челюстями, — подтвердил его опасения профессор.

— Что же делать? — захныкала Валя.

— Кажется, есть выход, — произнес Барсуков, пристально вглядываясь вперед. — В прямом смысле этого слова.

— Где? — хором спросили ребята.

— Вон там, впереди. Видите? Дыра в сетях. Попробуем в нее проскочить, — произнес Барсуков и крутанул штурвал.

— Ура! — через секунду закричала Валя, когда субмарина, управляемая профессором точно прошла сквозь брешь. — Иван Герасимович, вы настоящий слаломист!

— Здорово! — не сдержался Костя.

— Рад стараться, — скромно сказал Барсуков. — Кстати, этот ручейник называется гидропсихе, что означает «водяная душа» или «душа воды». «Гидро» — значит вода, а «психэ» — душа.

— Почему? — заинтересовалась Валя.

— Ну, наверное, потому, что личинка ручейника живет в воде, а взрослое насекомое напоминает бабочку. В античные времена душу человека изображали в виде красивой девушки с крыльями бабочки.

Избежавшая опасности субмарина скользила над самым дном ручья.

— Медвежонок! — воскликнула Валя. — Вот там! По дну ползет! Какой миленький! Давайте остановимся и на него посмотрим!

— Ты что! — засмеялся Костя, — какой медвежонок на дне ручья? И потом, сколько раз профессор тебе говорил, что мы такие маленькие, что настоящего медведя мы просто не заметили бы!

— А ты знаешь, на это раз, твоя сестра, отчасти права, — поддержал Валю Барсуков, плавно разворачивая «Архей», чтобы ребята получше рассмотрели находку.

— Как так? — удивился Костя.

— Ученому, который впервые увидел это животное под микроскопом, тоже, как и Вале, показалось, что оно похоже на крошечного Топтыгина. Поэтому зоолог назвал его «маленький водяной медведь».

— Вот! — с торжеством повернулась Валя к Косте.

— Но это, конечно, не медведи, а особый тип животных. Они называются тихоходками.

— Потому что медленно ходят?

— Да, их нельзя назвать спринтерами, так как скорость их движения — всего два миллиметра в минуту, — подтвердил профессор.

— А чем они питаются?

— Соками растений. Самое интересное, пожалуй, в том, — продолжил профессор, что это одни из самых выносливых организмов. Они в высушенном виде выдерживают огромные дозы радиации, чудовищное давление, очень низкие температуры и даже пребывание в открытом космосе, а потом, в благоприятных условиях, оживают.

Барсуков, неожиданно прервав свой рассказ о тихоходках, резко увеличил скорость и круто развернул судно.

— Что случилось? — пискнула Валя, — опять сеть ручейника?

— Нет, — произнес профессор, оглядываясь назад, — не ручейник. За нами гонится еще один рекордсмен по выживанию. И не такой мирный как этот медлительный «медвежонок». Нас преследует коловратка.

— Около... чего? — не поняла Валя, и тоже оглянулась.

Сквозь прозрачную крышу «Архея» она увидела странное полупрозрачное существо. У него было продолговатое, удлиненное, сужающее к заднему концу тело и голова, увенчанная короной из многочисленных зубцов. Кроме того, на голове светилось два красных глаза.

— Ко-ло-врат-ка, — по слогам произнес Барсуков, закладывая такой крутой вираж, что и Валю и Костю вдавило в кресла. — От старого русского слова «коловорот», что значит — непрерывное вращение.

— Она, эта ваша коловратка, что, непрерывно вращается?

— Она сама не возвращается, — продолжил объяснения профессор, направляя лодку к самому дну. — У нее на голове такое устройство из ресничек, которое так и называется — коловращательный аппарат.

— И для чего он нужен?

— Она с его помощью плавает. Причем очень быстро, — произнес профессор, тревожно оглядываясь. — А еще, — добавил он, повернув штурвал так, что лодка чуть не врезалась в дно, — а еще при помощи него она пытается схватить добычу. В данном случае — нас с вами. Но это ей пока не удастся.

— А если удастся? — спросил Костя.

— Если удастся, — ответил профессор, отчаянно крутя штурвал, — то перетрет нашу лодку своими зубами.

— А у нее и зубы есть?

— Еще какие! Настоящие молоты и наковальни! Но мы постараемся не доставить ей такого удовольствия — расплющить наш «Архей». Попытаемся найти защитников.

— Каких защитников?

— А вот как раз и они, сбоку. Влево смотрите.

Костя и Валя посмотрели влево, но никаких защитников они не увидели. На дне лежали только какие-то полупрозрачные петли толстых канатов.

Профессор направил лодку в самое густое их переплетение. Коловратка не отставала. Она была уже совсем близко, но, в погоне за «Археем» угодила в один силок и застряла в нем.

Профессор сбавил скорость.

— Как после мотокросса, — вздохнул он, устало вытирая пот со лба.

Барсуков развернул лодку и направил ее к пленённой коловратке.

— Куда вы? — тревожно спросил Костя, — она же сейчас вырвется и снова на нас нападет.

— От защитников не вырвется, — уверенно произнес профессор.

— Так все таки, кто же эти защитники?

— Грибы.

— Грибы? — Костя и Валя вглядывались, ожидая увидеть шляпки подосиновиков или сыроежек. — Где же здесь грибы?

— Вот эти жгуты и канаты — это и есть грибы, но не простые, а хищные. Видите извивы канатов? Это ловчий аппарат грибов. Если какое либо животное попадает в такую петлю, она сжимается и жертва оказывается в плену. Вот как наша с вами коловратка.

— А потом? — спросил Костя.

— А потом гриб ее переварит.

— Если бы мы в такую петлю угодили, нас бы тоже переварили? — насторожилась Валя.

— Ну, во-первых, я очень старался, чтобы мы в такую петлю не попали. А во-вторых, нас бы не переварили — корпус лодки не переваривается. Мы бы просто сидели в грибной петле, — Барсуков взглянул на часы, — еще час двадцать. Пока лодка не стала бы нормальных размеров.

— Иван Герасимович, а куда сейчас?

— В речку. Впрочем, мы уже в ней.

— Почему вы так думаете? — спросил Костя.

— Течение стало медленней. Да и животные другие.

— И растения! — добавила Валя, — вон пальмовая роща листьями колышет. Только почему-то все листья прозрачные.

— Это не пальмы, — возразил профессор. — Это мшанки.

— Ой, правильно! Это же мох! Я все время забываю, что мы теперь сами крошечные, и мох нам кажется размером с пальму! Только почему у этого мха листья прозрачные?

— Это не мох, — терпеливо продолжал объяснять профессор, — это мшанка. Животное. Оно действительно напоминает мох. Особенно когда мшанки поселяются колониями. И это, конечно, не листья, это — ловчие щупальца.

— И кого они ловят?

— Разных мелких животных, плавающих в толще воды.

— То есть и нас поймать могут, — наконец догадалась Валя, и, вспомнив недавнюю атаку коловратки, добавила, — давайте от этих ваших мшанок держаться подальше.

— Согласен, — произнес профессор. — Но мы все-таки рассмотрим этих удивительных животных. Хотя бы издалека.

— А что в них удивительного? — буркнул Костя. — Сидят себе на одном месте и ждут, когда мимо проплывет что-нибудь съедобное. Скучотища!

— А ты присмотришься. Не все мшанки в колонии одинаковые. Одни ловят добычу и кормят всех остальных. Это именно они похожи на пальмы. У других выросты, словно острые птичьи клювы. Это настоящие солдаты, стражи-охранители. Если враг приблизится к такому поселению мшанок, они пустят в ход свое грозное оружие. А вот другие члены этой колонии. Видите, каждый из них вооружен длинным подвижным «бичом».

— Это, наверное, надсмотрщики, — предположила Валя.

— Нет, у них вполне безобидная профессия. Это чистильщики, санитары. При помощи своих «бичей» они удаляют из колонии различный мусор. И, наконец, есть мшанки, которые являются укрепляющими колоннами, балками и стенами всего поселения.

— Как интересно! Оказывается колония мшанок — это целый город! И у каждого жителя своя профес-

сия! — восхитилось Валя, и, повернувшись, воскликнула. — Ой, вон там, колокольчики на стебельках!

— Ну, какие могут быть колокольчики под водой, — возразил Костя. — Но взглянув туда, куда смотрела сестра, неохотно согласился, — хотя, действительно, похожи.

— А это родственники нашей инфузории-туфельки. Называются оно сувойками. Только они не плавают, а все время сидят на одном месте, прикрепившись к чему-нибудь своими стебельками, — пояснил профессор. — Давайте и их рассмотрим поближе.

— И они нас обстреляют этими..., трихо-... трихо-..., — попыталась вспомнить слово Валя.

— Трихоцистами, — подсказал ей Костя.

— Молодец, запомнил! — похвалил мальчика Барсуков. — Не обстреляют. У сувоек трихоцист нет.

— А как же они защищаются?

— Сейчас сам увидишь, — и профессор направил субмарину прямо в заросли «колокольчиков».

Но как только судно приблизилось к сувойкам, их стебельки мгновенно скрутились спиральями, утянув «колокольчики» на дно, где они свернулись в маленькие шарики.

— Как быстро они спрятались! — восхитился Костя.

— От того, что их стебелек так сворачивается, эти животные и получили свое название — «сувойки». Ведь старое русское слово «сувой» — означает что-нибудь свитое, навитое, — сказал профессор.

— Понятно, — отозвалась Валя. — А вот там не цветки, а какие-то синие трубы. Огромные.

— Это тоже инфузории. Они так и называются — инфузории-трубачи. Кстати, некоторые виды трубачей бывают окрашены не только в синий, но и в фиолетовый, красный, и даже черный цвета. А есть среди них и бесцветные.

— Ой, смотрите, один поплыл! — воскликнула Валя.

— Да, в отличие от сувоек, трубачи плавают, и лишь временно прикрепляются к различным подводным предметам: камням, листьям растений, корягам.

— Сувойки так называются, потому что могут свиваться. А эти ваши трубачи, почему они так называются? Они, что громко трубят? — спросила Валя.

— Трубить они конечно, не могут. Они вообще звуков не издают. Просто они внешне похожи на духовой инструмент — на трубу.

— Понятно...

— Но у трубачей есть еще одно название — стентор.

— Опять греческое? — догадался Костя.

— Именно. Согласно мифологии Стентор — это греческий воин, глашатай, участник Троянской войны. Он обладал мощным, трубным голосом, поэтому мог кричать так громко, как кричат одновременно 50 человек.

— Значит наша Валька, тоже Стентор, — сделал неожиданный вывод Костя.

— Почему? — удивился Барсуков.

— Потому, что она может визжать как 50 человек. Когда мышь увидит.

Валя ничего не ответила, только надулась, и, прижимая к себе любимую книжку, отвернулась.

Но через минуту она, забыв про обиду, воскликнула:

— Иван Герасимович! Там наверху над нами кто-то проскакал! Огромный! Вот с такими лапами, как ветви деревьев. Он ими дрыгал. Страшный!

— Сейчас посмотрим, — сказал профессор и направил лодку вверх. — Судя по твоему описанию, это может быть водяная блоха или дафния.

— Блоха ростом со слона?

— Ты опять забываешь, что мы очень м-а-л-е-н-ь-к-и-е! — наставительно произнес Костя. — Для нас любая блоха будет казаться размером со слона. Соображать надо!

Валя, хотела снова обидеться, но тут профессор воскликнул:

— Это действительно дафния! Маленький рачок из отряда ветвистоусых.

— А где же у него усы? Разве это у нее такие усы, а не ноги?

— Именно усы, — ответил профессор. И из-за таких ветвистых усов она и названа дафнией.

— Опять древнегреческая мифология? — предположил Костя.

— Верно, — подтвердил Барсуков, — Дафна — это прекрасная девушка, нимфа...

— Это чудовище? — и Костя кивнул на скачущего за стеклом рачка, — прекрасная нимфа?

— Не перебивай Ивана Герасимовича! — одернула брата Валя, и повернувшись к Барсукову, произнесла, — продолжайте, профессор.

— ...прекрасная девушка превратилась в дерево с раскидистыми ветвями. А у этого маленького рачка как раз имеются длинные ветвистые усики.

— Поэтому зоологи его и назвали Дафнией, — подхватила Валя.

— Именно так!

— Странные какие-то зоологи, — проворчал Костя, — с чересчур богатой фантазией.

— Ну, допустим, и твой вымерший птерозавр кетцалькоатль не очень-то похож на легендарного летающего змея ацтеков Кетцалькоатля, а динозавр бронтозавр вообще не похож на мифического великана-кузнеца Бронта, ковавшего для Зевса молнии, — с улыбкой возразил Барсуков.

Костя смущенно замолчал.

— У этой дафнии, что — только усики? А ножек нет совсем? — заинтересовалась Валя.

— Ножки есть, но они очень маленькие и скрыты под полупрозрачным панцирем, их, кстати, можно разглядеть — видите — они очень быстро шевелятся.

— И с их помощью они плавают?

— Нет, они прогоняют воду сквозь тело рачка. При помощи этих ножек дафния и дышит и питается.

— А что она ест? Нас не слопает?

— Для нас она безвредна, ведь основной ее корм — бактерии и мельчайшие водоросли. Но кажется, нашей дафнии самой угрожает опасность. Видите те длинные прозрачные «канаты»? Нашему рачку не следовало бы к ним приближаться!

— Тогда давайте дафнию отгоним, — предложил Костя.

— Можно попробовать, — согласился профессор. — Хотя, нет, уже поздно.

Водяная блоха коснулась одну из прозрачных толстых «веревочек», свешивающихся откуда-то сверху и словно прилипла к ней. «Веревка» мгновенно сократилась и потянула дрыгающегося рачка вверх. Дафния задела еще одну «веревку», потом еще одну, и дернувшись несколько раз, замерла.

— Хищное дерево! — прошептала потрясенная Валя. — Вот ужас-то!

— Как фильм про инопланетных монстров, — поддакнул Костя.

Существо действительно напоминало огромное полупрозрачное зеленоватое дерево. Вершина «ствола» была увенчана длинными, раскинутыми в разные стороны щупальцами. Этим щупалец и коснулся несчастный рачок.

— Теперь дафнию никто не спасет. Она стала жертвой гидры, — констатировал Барсуков.

— И это тоже что-то мифологическое? — догадалась Валя.

— Я знаю, — важно произнес Костя. — Гидра это такая древнегреческая змея. С ней еще Геракл боролся.

— Совершенно верно, — подтвердил профессор. — Второй подвиг Геракла.

— И у нее было много голов.

— Девять, — уточнил Барсуков.

— А на месте отрубленной, вырастали три новые, — продолжил Костя.

— Вот поэтому это животное — и названо гидрой. Оно ядовитое — вы только что сами видели, как своим ядом гидра убила дафнию. А кроме того у нее развита способность к регенерации.

— К чему? — не поняла Валя.

— К регенерации, то есть к восстановлению утраченных органов. Если у гидры оборвать щупальце, то вырастет новое.

— Одно, или как в мифе — сразу три? — спросил Костя.

— Одно. Мы же про настоящую гидру говорим, а не про сказочную. Более того если ее разрезать на множество кусочков из каждого образуется маленькая гидра, которая потом вырастет. А слово «гидра» означает «водяная». Потому что наша гидра — типично водное животное.

— А на кого еще она охотится?

— На различных мелких водных животных — чаще всего на рачков, — иногда в их щупальца попадают даже мальки рыб и тоже гибнут, парализованные ядом особых стрекательных клеток, похожих на отравленные гарпуны.

— И нас она тоже может парализовать?

— Стрекательные клетки корпус «Архея» пробить не смогут.

— Как трихоцисты инфузории? Так значит, нам нечего бояться? Тогда давайте подплывем поближе.

— Я думаю, этого не стоит делать.

— Почему?

— Потому что у гидры, помимо стрекательных клеток, есть еще и клейкие. Наша лодка будет болтаться на таком клейком щупальце еще целый час. И мы больше ничего в реке не увидим. Тебе этого хочется?

— Не хочется, — честно признался Костя.

— Тогда будем держаться от гидры подальше, — с этими словами профессор развернул судно.

— Иван Герасимович! С моей стороны видна маленькая зеленая Луна, — через некоторое время произнесла Валя. — И она медленно плывет.

— Если с твоей стороны зеленая Луна, то тогда, с моей — красный Марс, — отозвался Костя, — и очень шустрый.

Профессор посмотрел сначала налево, потом направо, откашлялся, словно хотел прочитать целую лекцию и начал:

— Зеленая «Луна» Вали называется вольвоксом. Это микроскопическая водоросль. Но это не единственный живой организм, а колония, как колония мшанки. Вольвокс состоит из сотен клеток и каждая обладает парой жгутиков. С их помощью вольвокс плавает. А твой «Марс», — Барсуков повернулся к Косте, — это водяной клещ.

— Разве клещи в воде живут?

— Они везде живут — и в воде, и в толще почвы и на ее поверхности, и в растениях и в животных. Везде. Кстати, твой «Марс» — это хищник. Но это экземпляр мелкий и поэтому для нас неопасный.

— Еще одна дафния! — воскликнула Валя. — Прямо к нам несется!

— Профессор посмотрел на «дафнию», и ничего не сказав, круто развернул лодку и резко увеличил скорость.

— Что случилось? — спросил Костя.

— Это не дафния, — мрачно произнес профессор, — это циклоп.

— Циклоп? Я знаю — одноглазый великан. Тоже из древней Греции, — сказала Валя.

— А еще он людей ел, — добавил Костя.

— Описание полностью соответствует нашему преследователю, — подытожил Барсуков, бросая лодку из стороны в сторону и постоянно оглядываясь. — Для нас он действительно и великан, и одноглазый, и если он нас догонит, то непременно проглотит. Кстати, дословный перевод слова «циклоп» — означает не «одноглазый», а «круглоглазый».

Валя и Костя, не отрываясь, смотрели назад, с тревогой наблюдая, как за лодкой огромными скачками мчится существо с вытянутым овальным телом.

— Какие у него усы длиннющие! — восхитилась Валя. — Он, что, так же как дафния ими машет и плывет?

— Это действительно усы, вернее антенны, — ответил профессор. — А вот плывет он иначе. Взмахивая короткими грудными ножками, циклоп делает резкий прыжок. А усы помогают ему некоторое время парить в воде. Эх, далеко мы с вами от гидры далеко отошли.

— Зачем нам гидра? — не поняли юннаты.

— Гидра для нас в данный момент такой же спаситель, как и хищный гриб. Помните, как мы удирали от коловратки?

— Помним, — подтвердила Валя, — как такие виражи забыть. Аaaa! — закричала она, когда лодка, уходя от циклопа, сделала мертвую петлю.

— Держитесь, ребята! — приободрил юннатов профессор, — кажется, я знаю, кто нас выручит на этот раз! Я нашел выход!

С этими словами он направил лодку в самую чащу подводных растений.

— Какой же здесь выход, — возразил Костя, — здесь самый настоящий лабиринт.

Мальчик оглянулся и добавил, — а, кстати, этот ваш круглоглазый тоже неплохо маневрирует в зарослях. Он от нас так и не отстаёт.

— Это не обыкновенное растение..., — начал было Барсуков.

— А волшебное! — подхватила Валя.

— Ну, не волшебное, а для нас спасительное. Называется оно пузырчатка.

— Вижу! — воскликнула Валя. — У него на корнях огромные пузыри.

— У него нет корней. Это, во-первых. Поэтому пузыри не на корнях, а на стеблях. Это, во-вторых. А в-третьих, эти пузыри совсем маленькие. Да и растение, в общем-то, совсем небольшое потому....

— Потому что мы сами очень маленькие, — заученно произнесла Валя.

— Вот именно, — подтвердил профессор, заставляя лодку делать немыслимые повороты. Неожиданно он сбросил скорость.

— Что вы делаете? — заволновался Костя, — один прыжок, и круглоглазый нас настигнет!

Барсуков ничего не ответил, а медленно направил субмарину прямо к одному из пузырей растения. Вел он судно очень осторожно.

— Самое главное, — прошептал профессор, — не задеть вот эти щетинки-сторожки! Ага! Кажется, удалось!

Костя оглянулся.

— Вот это да! — воскликнул он, — наш циклоп забрался в пузырь! Да быстро как! Я и глазом не успел моргнуть, а он уже там!

— И не может оттуда выбраться! — добавила Валя.

— Вот на это я и рассчитывал, — пояснил Барсуков.

— На то, что он туда ни с того ни с сего заберется? — недоверчиво спросила Валя.

— На то, что его пузырьчатка поймает. Это ведь хищное растение. Оно питается мелкими рачками — циклопами, дафниями и другой водной мелочью. А для того, чтобы их поймать, у него на стеблях имеются вот такие полые пузырьки. Каждый из них снабжен чувствительными волосками — теми самыми кольями, о которых я говорил. Если их задеть, то пузырек мгновенно, а точнее за тысячную долю секунды, засасывает проплывающего рядом рачка. Вот поэтому вы и не заметили, как наш циклоп там очутился — настолько быстро это произошло. А после этого клапан, находящийся при входе в пузырек захлопывается, и добыча оказывается в ловушке. Мы, то есть наша лодка, эти чувствительные щетинки не задела, а гнавшийся за нами циклоп — задел.

— И что же с ним будет?

— Переварит его пузырьчатка, вот что будет.

— А если бы мы, то есть вы, то есть наша лодка зацепила эти самые волоски?

— И нас пузырьчатка засосала бы.

— И переварила?

— Переварить не переварила, просто мы бы сидели в нем еще целый час — до того момента, когда...

— Когда колдовство закончится, — подхватила Валя.

— Какое такое волшебство-колдовство? — возмутился Костя. — Ты не в сказке, а в процессе научно-

го эксперимента. Тут сплошная наука. Надо говорить «Закончится влияние электромагнитного излучения». Так, Иван Герасимович?

— Можно сказать и так, — кивнул Барсуков, аккуратно выводя синюю субмарину из зарослей пузырчатки.

— А теперь куда? — спросил Костя.

— Найдем где-нибудь спокойное место, где нет ни коловраток, ни гидр, ни циклопов, ни других хищников и скоротаем время там. Вот, пожалуй, здесь, у этого камня, — и Барсуков направил лодку ко дну.

Но спокойно скоротать время подводникам не удалось. Неожиданно лодку закрутило и потянуло вниз, к камню.

— Мы сейчас разобьемся! — взвизгнула Валя.

Дно стремительно приближалось. А потом стало темно.

* * *

— Где мы? — испуганно прошептала Валя. — Мне страшно. Хочу домой.

— Мы словно сквозь землю провалились! — слышался встревоженный голос Кости.

— Сейчас свет включу, — произнес Барсуков.

Вспыхнули наружные прожектора субмарины, и путешественникам открылась величественная картина.

Они были в огромной подводной пещере. Потолок и дно скрывались во мгле. Сероватые стены слева и справа зияли многочисленными черными отверстиями.

— Куда мы попали? — тихо спросил Костя, — и как?

— Ой, они живые, — пискнула Валя.

— Кто?
— Стены. Вот одна чуть шевельнулась.
— Да, — прошептал мальчик. — Я тоже заметил.
— А на стенах щетинки есть. И все они колеблются.

— Точно. Где же мы, профессор?

— В раковине моллюска. Скорее всего — в перловице. Тот камень, у которого мы хотели остановиться, оказался глубоко зарывшимся в грунт моллюском.

— Так как же мы в перловицу попали?

— Она нас, то есть нашу лодку, себе в раковину затянула. Через особый орган, сифон. Стены с отверстиями — это жабры перловицы, усеянные особыми клетками с отростками-ресничками. Эти отростки все время колеблются, и создают ток воды, в который мы и попали.

— Зачем она это делает?

— Она воду засасывает для того чтобы дышать, а так же для того, чтобы из этой воды извлекать различные мелкие питательные частицы.

— «Мелкие питательные частицы» — это мы, то есть наша лодка? — уточнила Валя. И что, нас теперь переварят?

— Не переварят, — успокоил ее Барсуков. — Корпус нашей субмарины очень прочный. Мы тут плаваем, постараемся, чтобы судно не затянуло в ротовое отверстие перловицы, подождем еще, — профессор взглянул на часы, — еще сорок минут, а затем через сифон покинем гостеприимную ракушку. Мне здесь, кстати, нравится — красиво и безопасно — по крайней мере, никакой циклоп или коловратка нам здесь не страшны.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Валя, — на жабрах перловицы висит множество больших ракушек.

— Ты все время забываешь, что мы очень сильно уменьшились. На самом деле это крохотные личинки беззубки, — пояснил профессор. — Дожидаются своего часа.

— Может, пока мы здесь, мы жемчуг поищем? В раковинах моллюсков должен быть жемчуг! — предложил Костя.

— В пресноводных моллюсках жемчуг, конечно же, встречается, но в перловицах этого вида — крайне редко. А, кроме того, если мы и найдем жемчужину, то она нам покажется величиной с гору.

— Жемчужина величиной с гору! — воскликнула Валя, — посмотреть хотя бы одним глазком! Иван Герасимович, давайте поищем, может нам повезет!

— Ну, что ж, давайте искать, — согласился профессор. — Даже если не обнаружим, то хотя бы время скоротаем.

И лодка запетляла по ходам подводного лабиринта.

— Вы знаете, нам повезло, — с удивлением произнес через некоторое время профессор. — Жемчужина.

— Где? — хором воскликнули ребята, всматриваясь в темноту.

— Там, дальше, сейчас подойдем поближе, и вы ее рассмотрите.

Впереди, освещенный прожекторами «Архея», засверкал гигантский голубой шар.

— Какая огромная! — заворожено прошептала Валя, — и какая красивая!

— На самом деле она не больше спичечной головки. Сейчас мы попытаемся облететь эту «жемчужную планету».

— «Жемчужная планета»! — восторженно прошептала Валя.

Неожиданно суденышко было подхвачено мощной струей воды. Лодку закрутило, завертело, ударил

яркий солнечный свет — субмарина снова оказалась в реке.

— Это что? Она нас выплюнула? — спросила Валя. — Наверное, не хочет, чтобы мы рассматривали ее драгоценности.

Профессор не ответил: лодка почему-то потеряла управление и неестественно дергалась. Барсуков посмотрел вверх и помрачнел.

— Что случилось? — насторожился Костя.

— Мы в капкане, в живом капкане, — досадливо вздохнул профессор. — Который, к тому же двигается. Чувствуете, как лодку трясет?

— Так что же случилось, профессор? Объясните, пожалуйста! — взмолилась Валя.

— Хорошо, объясню. Мимо нашей перловицы проплывала рыба. Моллюск это почувствовал и с силой вытолкнул в ее сторону струю воды.

— Он хотел ее отпугнуть?

— Нет, он хотел, чтобы его маленькие личинки-глохидии, те самые ракушки, которых ты заметила на жабрах перловицы, попали на рыбу. Вот он и вытолкнул их, да и нашу лодку заодно.

— А зачем им рыба?

— Они к ней прикрепляются, развиваются, а затем, превратившись в крошечных перловиц, падают на дно. И пока личинки живут на рыбе, они могут покрыть на ней такие большие расстояния, которые никогда сами не смогли бы самостоятельно проползти. Так перловицы расселяются.

— А как же они на рыбе удерживаются? Ведь чешуя-то скользкая.

— Створки личинок имеют шипы. Из-за них личинки и называются глохидиями: от греческого «глохис» — наконечник стрелы. Они ими и держатся.

— И это блохидий своими шипами нас цапнул? — догадалась Валя.

— Не «блохидий», а «глохидий», — поправил ее профессор. — У личинок кроме того есть еще одно средство прикрепления — длинная клейкая нить. Вот она-то, похоже, и обмотала нашу субмарину.

— Что же теперь будет?

— Если личинка перловицы не успела прикрепиться к рыбе, то мы осядем вместе с нашим глохидием на дно...

В это время лодку резко дернуло, а потом путешественники, почувствовали что личинка, с которой они были намертво связаны, стремительно поплыла вперед.

Профессор посмотрел наверх и произнес:

— Наша личинка все-таки сумела зацепиться своими шипами за рыбку, а мы так и остались болтаться на клейкой нити. Поэтому нас так и трясет.

— К рыбке? — по-моему, это огромный кит! — возразила Валя.

— Это маленькая рыбка, — настаивал профессор, — скорее всего гамбузия. Надеюсь, что ей удастся избавиться от глохидия, а заодно освободить и нас.

— Как? — закрывая глаза от подступившего приступа тошноты, простонала Валя.

— Гамбузия может жить и в пресной, и в соленой воде, а личинки перловицы в морской воде погибают. Потерпи. А вообще-то эта североамериканская рыбка очень полезное существо — профессор старался отвлечь Валю от качки. — Ее завезли на юг России специально для борьбы с малярийным комаром. Самих комаров гамбузия, конечно, не ела, а вот личинок этих самых комаров ела с удовольствием. Через некоторое время малярийных комаров стало меньше, и болезнь отступила. Люди в благодарность рыбке-спасительнице поставили в одном из южных городов нашей страны памятник. Вот такая история.

Через десять минут тряска прекратилась — очевидно, сообразительная рыбка достигла устья речки и оказалась в море. Хватка глохидия ослабла, его крючки отцепись от гамбузии, и он стал медленно опускаться на дно, утягивая за собой на буксире и субмарину.

— Что же теперь? Где мы? — слабым голосом произнесла Валя, оглядываясь.

— В море. Видите, какая вода чистая. И обитатели здесь совсем другие. Но некоторые из них мне очень не нравятся.

— Какой красивый огромный красный цветок, — не обращая внимания на слова профессора, заметила Валя. — Вон там, справа.

— Нет под водой цветков, — напомнил ей Костя.

— Именно этот, так сказать, «цветок», а точнее актиния — мне и не нравится — откликнулся профессор.

— Почему?

— Потому, что если мы, то есть наш «Архей», попадет на щупальце, то вскоре окажемся в ее желудке. Хотя, к счастью, кажется, течение проносит нас мимо.

— А вон там, в стороне, справа, подводный вулкан, — оживилась Валя, — видите — гора белым дымом пыхтит.

— Этого нам только не хватало, — проворчал Барсуков, — нас прямо к нему тащит. И винты, как назло не работают из-за клейкой нити проклятого глохидия.

— Иван Герасимович, не ругайтесь, — голос Вали стал строгим.

— Виноват, вырвалось, больше не буду, — извинился Барсуков. — Это не вулкан — это рачок-белянус.

— Рачок?

— Да, рачок. Он свое тело спрятал в известковом домике, вернее в настоящей крепости.

— Как улитка?

— Скорее как ракушка. А взлетающие клубы дыма над его раковиной, — это его ножки.

— Ножки?!

— Они самые. Они ими дрыгает и ловит разную живую мелочь.

— И нас поймать может?

— Вот этого я больше всего и опасюсь. Лодку несет прямо к нему.

— И если он нас поймает..., — начал было Костя.

— То мы окажемся в плену. В каменном замке, — подтвердил догадку Кости Барсуков. — С плотно запирающимися воротами.

Казалось, худшие опасения Барсукова вот-вот сбываются. Обездвиженная глохидием лодка была совсем близко от баянуса. Ворота «замка» раскрылись, оттуда стремительно высунулся целый веер беловатых суставчатых покрытых длинными щетинками конечностей и попытался схватить субмарину. Но баянус сумел зацепить лишь глоходя. Рачок дернул ножками, и, оборвав клейкую нить, утащил добычу внутрь. А освободившийся от «якоря» «Архей» начал медленно всплывать.

Барсуков включил двигатель и посмотрел на перепуганных юннатов.

— Всё, свободны, — он посмотрел на часы, — еще двадцать минут, и наше путешествие закончится.

— Раз мы в море, то и дельфинчиков увидим! Так, Иван Герасимович? — обрадовалась Валя.

— Наверняка увидим, — подтвердил Барсуков, но позже.

— Почему позже?

— Потому, — не вытерпел Костя, — что наша лодка станет, наконец, большая. Может, мы уже сейчас рядом с ними плаваем, но разглядеть их не в состоянии.

— А вон там облако, большое и красивое, — заметила Валя, взглянув вверх и уже забыв о дельфинах.

— И от этого облака нам надо подальше держаться, — сказал профессор, разворачивая лодку.

— Почему?

— Потому что это не облако, а медуза. И она так же хорошо вооружена, как и ее родственники — уже знакомые нам гидра и актиния. Ты же не хочешь болтаться в ее щупальцах? И я не хочу. Лучше оставшееся время поплаваем, попробуем найти, что-нибудь интересное.

— А я уже нашел интересное, — откликнулся Костя. — Вон рыбы прямо у щупалец медузы плавают и ничего, она их не думает ловить. Интересно, почему?

— На этих мальков..., — начал профессор.

— Мальков! — воскликнула Валя, — да они размером с акулу!

— Не перебивай старших, — цыкнул на сестру Костя.

— На мальков этих видов рыб яд медузы не действует. Вот они и прячутся от врагов под ее куполом, как тропические рыбки-клоуны среди щупалец актиний. Кстати, эти мальки медузе пользу приносят.

— Какую?

— Обьедают различных с купола-зонтика медузы досаждающих ей паразитов.

— Ой, воздушный шарик! Белый! И с ниточкой! Вон, там, справа, — махнула рукой Валя.

— На этот шарик хорошо бы ночью посмотреть — заметил Барсуков.

— Но ведь ночью ничего не видно!

— А этот шарик как раз ночью очень хорошо заметен.

— Почему?

— Потому что он светится! И поэтому это существо называется ночесветкой.

— Так это из-за них море горит? Я видела!

— И я тоже, — добавил Костя.

— Именно из-за ночесветок. Светится не только море, но и сети, которые рыбаки выбирают из воды, и прибрежные камни, и корпуса кораблей.

— А у меня рука светилась, — вспомнила Валя, — мокрая. Я ее в воду окунула, а она потом светилась! Может, поплаваем здесь до ночи, посмотрим, как море изнутри светится!

— Нас дома на обед ждут, а ты до ночи хочешь в море плавать! — напомнил Костя.

— Я совсем забыла! — вплеснула руками Валя.

— Осталось совсем немного, всего десять минут, и действие излучения закончится, — успокоил ребят Барсуков. — Лодка примет свои обычные размеры, мы подойдем к берегу, я вас высажу, и через четверть часа вы будете дома.

— А вы, Иван Герасимович?

— Обо мне не беспокойтесь. Я пойду грузовик искать, чтобы «Архей» в бассейн доставить.

— За десять минут может много чего случится, — проворчал Костя, вглядываясь куда-то в сторону. — Вон там, рядом с ночесветкой целый выводок каких-то странных созданий.

— Это все личинки, — произнес Барсуков.

— Личинки?

— Ну да, личинки различных морских обитателей. Вот тот шарик с ресничками...

— Похожий на волосатый колобок! — не выдержала Валя.

— Пусть будет волосатый колобок. Хотя мне он больше напоминает волосатый мяч для регби, — согласился Барсуков. — Так вот, это личинка губки.

— А эта, похожая на маленький прозрачный огурчик, тоже чья-то личинка?

— Это личинка морского червя-нереиса. Обратите внимание, у этого, как ты сказала «огурчика», реснички покрывают поверхность тела не сплошь, как у личинки губки, а двумя рядами — спереди и сзади.

— А зачем им эти реснички?

— Для того чтобы плавать, двигаться. У инфузории ведь тоже были реснички. И у коловратки. Помнишь?

— Как коловратку забыть! До смерти напугала.

— А вот еще один, вернее одна, — подал голос Костя. — Она с парусом!

— Эта личинка какого-то морского моллюска. Она из-за своего выроста похожего на парус, так и называется — велигер, что в дословном переводе с латыни — означает «несущий парус», а точнее — «парусеносец».

— Вот там какой-то глазастый и шипастый уродец плавает. Тоже чья-нибудь личинка?

— Тоже. Краба.

— Совсем на краба не похожа.

— А ведь и губки, и черви, и моллюски, и крабы — все они на дне сидят, — немного подумав, сказал Костя, — а их личинки плавают. Почему?

— Так они расселяются. Беззубки — с помощью рыбы. А эти — с помощью морских течений. Ведь губка, устрица или мидия всю жизнь проводят, сидя на одном и том же месте. А их крохотные личинки морскими течениями разносятся на огромные расстояния. И крабы, и морские черви тоже так расселяются. Все эти мельчайшие организмы, которые парят в толще воды, называются планктоном.

— Ой, я такое слово слышала, — встрепелулась Валя.

— Планктон — в переводе с греческого значит «блуждающие». Хотя они могут передвигаться, но с течениями бороться не могут, поэтому действительно скорее блуждают, подчиняясь водной стихии.

— Эти крошки, наверное, совсем беззащитные.

— Да, планктоном кормятся очень многие морские животные. И рачки-балянусы, и актинии, и кораллы, и губки, и черви.

— Черви?

— Именно. В тропических морях обитают черви, которые всю жизнь проводят на одном месте, пряча свое тело в высокой, длинной известковой трубке. Они так и называются — сидячие черви. У них передняя часть тела напоминает венчик цветка, кстати, такой же красивый. Этим-то «цветком» животные и ловят планктон. А есть еще и крабы, у которых клешни превратились в огромные веера, которыми крабы словно обмахиваются, а на самом деле отцеживают из воды различную мелкую живность.

— А вот этим личинкам, которые плавают рядом с нами, нечего бояться — ведь они плавают не у дна, а у самой поверхности воды, — предположил Костя.

— Охотники поживиться планктоном есть везде. Это и киты, и огромные китовые акулы. К тому же мальки почти всех рыб свой жизненный путь начинают именно с питания планктоном. Кстати и нашу субмарину можно отнести к этой группе — к планктону. Правда, нам осталось пребывать в планктонном состоянии совсем немного. Надеюсь, ничего не случится. Скоро мы увеличимся и на дельфинов посмотрим.

Но надежды Барсукова на спокойное плавание не оправдались.

— Акула! — воскликнула Валя, — и преогромная! Наверное, та самая, китовая!

— В этом море нет китовых акул, — наставительно сказал Костя.

— Это, конечно же, не акула, — согласился Барсуков, увеличивая скорость и крутя штурвал. — Но в данный момент встреча с мальком хамсы для нас нежелательна.

— Эта громадина — малек хамсы? — удивилась Валя.

— Так точно. И этот малек питается исключительно планктоном.

Словно в подтверждение этих слов малек поочередно проглотил ночесветку и всех личинок: губки, моллюска, морского червя и краба. Но он явно не насытился и стал приближаться к субмарине. И хотя лодка выписывала невероятные петли, силы были слишком неравны. Через миг свет померк: подводная лодка оказалась в желудке малька.

— И что теперь? — сказала Валя.

Барсуков хотел было ответить, но Костя в свою очередь спросил:

— А почему все-таки в лодке не темно, а пробивается слабый свет. Откуда он?

Барсуков, забыв про вопрос Вали, повернулся к Косте:

— Потому что наша лодка находится внутри малька. Эта рыбка такая крошечная, что ее тельце пропускает солнечные лучи.

— Так, все таки, что теперь? — повторила Валя.

Профессор снова хотел было ответить, но не успел. Лодку сильно встряхнуло и стало совсем темно.

Барсуков включил освещение салона. Лица ребят были бледные и испуганные.

— Что это, профессор?

— Могу только предположить. Нашего малька проглотила другая рыба. Большая. И свет сквозь ее тело уже не проникает. Поэтому там, — и Барсуков кивнул на прозрачный купол «Архея» — такая темень.

— И что теперь?

Барсуков не успел ответить, потому, что лодку снова качнуло, а затем путешественники почувствовали, что субмарина стремительно поднимается вверх.

— «Архей», оказывается, и летать умеет? Иван Герасимович, это тоже ваше изобретение? — спросила Валя и, не дождавись ответа, закричала, — Ой, меня тошнит!

И не удивительно, потому что субмарина с путешественниками внутри начала падать вниз.

— Сейчас мы точно разобьемся! — завопила Валя.

Профессор хотел было приободрить ребят, но тут лодка прекратила падение и снова начала взлетать.

— Это почище американских горок будет! — простонал Костя.

Валя ничего не сказала потому, что говорить уже могла.

Но профессор, не дожидаясь ее вопроса, сам попытался объяснить, что же с ними случилось.

— Наше судно сначала проглотил малек хамсы, затем малька схватила крупная рыба, наверное, сельдь. Потом эту сельдь поймала в воде чайка, и поднялась с нею в воздух, но не удержала добычу и уронила ее, но все-таки через несколько секунд сумела снова подхватить рыбу.

— И что же теперь? — в очередной раз спросила Валя.

Профессор взглянул на часы и нахмурился.

— Теперь, — произнес он мрачно, — нам остается только ждать. И надеяться, что чайка сядет на воду

до того, как наша лодка начнет увеличиваться. Иначе «Архей» упадет с высоты и разобьется. Счет идет на минуты, если не на секунды.

Профессор был прав во всем. Кроме одного. Падавшую селедку подхватила не чайка, а ловкая и наглая ворона.

* * *

Тем временем вороне с селедкой в клюве удалось оторваться от преследующей ее чайки. Ворона удалялась все дальше от моря, пролетая над теми местами, по которым час назад двигалась субмарина — над устьем реки, над речными заводами, над быстрым ручьем.

Ворона стала искать тихое и удобное место, где, наконец, можно было бы спокойно, в безопасности заняться своей добычей — то есть селедкой.

Внизу лежал дачный поселок, и на всех его участках кипела жизнь: на одних обрабатывали грядки, на других собирали урожай груш и абрикосов, на третьих играли дети, на четвертом семья готовилась обедать за стоящим под шелковицей столом.

Ворона, наконец, нашла такой участок, где никого не было. Птица сначала примостилась на крыше белого домика, потом перелетела на седло ярко-красного мотоцикла, а затем, не выпуская из клюва добычи, перепорхнула на борт большого каркасного бассейна.

Здесь она огляделась, зажала селедку лапой и изо всей силы ударила клювом по рыбьей голове.

Именно в это время внутри «Архея» показатель таймера остановился на цифре «0» и субмарина стала стремительно увеличиваться. Ворона испуганно каркнула, выпустила раздувающуюся селедку и

та упала в воду. Ворона еще раз каркнула, взлетела, села на «прожектор» и оттуда, с безопасного расстояния, стала наблюдать.

Из лопнувшего рыбьего брюха показался «Архей». Субмарина стремительно увеличивалась в размерах и уже через минуту стала точно такой же, как и два часа назад.

— Где мы? — спросила Валя, оглядываясь.

— Мне кажется мы..., — начал было Костя осматриваясь, — мы в нашем, то есть в вашем бассейне!

— Этого не может быть! — воскликнул Барсуков. — Мы должны находиться у берега моря!

— Иван Герасимович! — строго посмотрел на Барсукова Костя. — А может быть мы никуда и не плавали? Может, быть, это у вас такой аттракцион для доверчивых детей? Может лодку вы просто специальными моторами раскачивали? А вместо этого стеклянного колпака — и мальчик развел руками — в вашем «Архее» стоит объемный монитор и вы нам все два часа просто 3D анимацию показывали?

Барсуков ничего не ответил. Он расстегнул ремни безопасности, встал с кресла, и открыл люк. Внутри лодки пахнул теплый южный летний ветерок. Барсуков вылез наружу.

— Поднимайтесь на палубу, я кое-что вам покажу, — позвал профессор.

Из люка показался сначала Костя, затем Валя.

Профессор своей красной бейсболкой пытался достать плавающую по поверхности селедку с разорванным брюхом. Наконец ему это удалось.

— Вот в ней мы и прибыли, — произнес профессор, копаясь в рыбьих внутренностях.

— А вот это узнаешь? — и он протянул распотрошенную рыбу Вале. — Вот там, в желудке видишь?

— Малек, — сказала Валя. — Какой крошечный!

— Это малек нас и проглотил. Правда, тогда он тебе казался размером с китовую акулу.

— А кто же нас сюда принес? — не унимался Костя. — Ведь чайки на дачи не залетают.

— Вот этого я тебе сказать не могу, — честно признался Барсуков. — Это может быть любая птица. — И, взглянув наверх, добавил — вот, хотя бы эта ворона.

Но ворона сделала вид, что никакого отношения к данной селедке не имеет.

— И вот еще несколько деталей, которые, может быть развеют сомнения Кости относительно того, что мы действительно путешествовали в микромире. Видите? Вмятины в корпусе, словно от крупного града. А ведь их не было!

— Видим, — хором сказал ребята.

— Это нас атаковала инфузория-туфелька.

— Трихо... трихо..., — тщетно пыталась вспомнить слово Валя.

— Трихоцистами, — подсказал сестре Костя.

— Молодец, запомнил, — похвалил профессор. — А этот шрам? — и Барсуков указал на руль «Архея». — Это ведь след глохидия.

Барсуков зачалил лодку, а затем помог юннатам спуститься на землю.

— Наши сачки! — воскликнула Валя, поднимая их с земли. — А мой почему-то мокрый...

Дверь домика открылась и оттуда вышла Лена, внучка Барсукова.

Она радостно бросилась к деду, но, заметив незнакомцев, остановилась. Потом Лена, преодолев смущение, приблизилась, и, поздоровавшись с юннатами, обратилась к Барсукову:

— Дедушка, а я сегодня лягушку спасла!

— Ты у меня молодчина! — произнес Барсуков, закрывая люк субмарины.

— Она в бассейн запрыгнула, и выбраться не могла.

— Хм, как же ей удалось на такую высоту запрыгнуть.

— Не знаю, когда я подошла, лягушка уже там плавала. Маленькая такая, зелененькая.

— Понятно, — сказал профессор. — Это, наверное, квакша с дерева свалилась. И что же ты сделала?

— Я сначала взяла сачок — вот этот, — и Лена указала на Валин сачок. — Потом сачком поймала лягушку, потом посадила ее в свое ведерко, потом зачерпнула туда воды...

— Из бассейна? — взволнованно спросил Барсуков.

— Из бассейна, — подтвердила Лена — потом...

— А потом пошла вниз в овраг и вылила воду с квакшей в ручей.

— Правильно! — удивилась Лена. — А как ты догадался?

— Так вот кто виновник наших сегодняшних приключений! — воскликнул профессор.

— Жутких приключений! — добавила Валя.

— Невероятных приключений! — поддержал сестру Костя.

— Я же предупреждал: когда висит эта табличка, — строго произнес профессор и ткнул в надпись «Не подходить! Идет научный эксперимент!», — к бассейну нельзя приближаться!

— Я только лягушку хотела спасти, — тихо произнесла Лена.

— Ну ладно, что было, то было. Хорошо, что так все закончилось. Хотите, я вас на мотоцикле домой отвезу? — обратился Барсуков к ребятам.

— Нет, мы, пожалуй, лучше пешком дойдем! — ответила Валя, с опаской покосившись на огромный мотоцикл Барсукова. — Мы сегодня уже накатались.

— Ну как хотите. Успеете на обед?

— Успеем! Большое спасибо вам, профессор, — произнес Костя.

— Спасибо, Иван Герасимович! — поддакнула Валя — было очень интересно и очень познавательно. — И, подумав, добавила: — и еще очень страшно.

Барсуков проводил их до ворот, и юннаты побежали по улице вниз, к своей даче.

* * *

Они успели вовремя. Валя и Костя вымыли руки, сели за стол и принялись наперебой рассказывать родителям, что с ними приключилось: и про то, как они удирали от циклопа, и как они нашли жемчужину размером с гору, и как их спас хищный гриб, и как они летали в селедке.

Взрослые слушали и только качали головами.

— И с кем же вы в этой подводной лодке плавали?

— С профессором Барсуковым, — ответил Костя.

— Ах, с Барсуковым. Тогда все понятно — он известный оригинал и к тому же фантазер. А теперь без разговоров, оставьте ваши сказки и давайте кушать — суп стынет.

Валя и Костя переглянулись, заговорщицки подмигнули друг другу, и молча начали поглощать суп.

Больше к этому разговору они не возвращались.

Но их родители были немало удивлены тем, что, и Костя и Валя совсем забросили свои сачки и перестали гоняться за бабочками.

Еще больше они удивились тому, что юннаты стали просить купить им микроскоп. Родители, наконец, сдались и приобрели этот оптический прибор.

Вскоре они обнаружили, что ребята вовсе не изучают кожицу лука или крылья бабочек.

Костя и Валя увлеченно рассматривали капли воды. Они приносили воду отовсюду — из ручья, из реки, из лужи и даже из моря, и поочередно заглядывая в окуляр, произносили какие-то непонятные слова вроде «трихоцисты», «коловоротка» или «сувойка».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Зорька.	5
Лужица.	8
Между сушей и морем.	13
Сколько ног лучше.	18
Почему слон бесшумно ходит.	25
Почему неоновые рыбки светятся.	30
Почему рыба-шар может надуваться.	34
Почему инфузория видна только в микроскоп.	38
Почему у галиотиса раковина в дырках.	46
Почему акула никогда не останавливается.	52
Почему листолаз такой яркий.	56
Почему пингвин не летает.	61
Почему соловей такой невзрачный.	66
Почему у гиббона такие длинные руки.	71
Почему фрегат не умеет плавать.	76
Как gekkon научился ходить по воде.	80
Былая слава.	86

ТУДА И ОБРАТНО

Письмо.	95
История одной сумки.	109
Серебряный змей.	131
Земляная ройка.	148
Два часа до обеда.	163

БАБЕНКО Владимир Григорьевич

Компьютерная верстка *Яскульской И. Б.*
Дизайн обложки *Середы Т. В.*

Издательство «Прометей»
115035 Москва, ул. Садовническая, д. 72, стр. 1, офис 6
Тел./факс: +7 (495) 799-54-29
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 19.04.2017.
Формат 60х84/16. Объем 13,75 п. л.
Тираж 50 экз. Заказ № 606.

ISBN 978-5-906879-57-8

9 785906 879578